

Джон Энтони Уэст
ЗМЕЙ В НЕБЕСАХ:
ГЛУБОКАЯ МУДРОСТЬ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
ТОМ I

Джон Энтони Уэст

ЗМЕЙ В НЕБЕСАХ:

глубокая мудрость
древнего Египта

Том 1

Касталия
2021

УДК 133.4
ББК 86.42

Джон Энтони Уэст.

Змей в небесах: глубокая мудрость древнего Египта.
Том 1. — «Касталия», 2021. — 284 с.

Джон Энтони Уэст в своём революционном переосмыслении цивилизации Египта бросает вызов всем общепринятым представлениям о Древнем Египте. В этом прорывном исследовании Уэст показывает, что иероглифы несут в себе тайные послания о тонких реальностях Священной Науки фараонов. Египетская наука, медицина, математика и астрономия были куда более продвинутыми, чем признают современные египтологи. Египетские познания о вселенной были наследием продвинутой цивилизации, исчезнувшей много тысяч лет назад. Великий Сфинкс представляет собой геологическое доказательство существования такой цивилизации. Данное пересмотренное издание включает в себя новое введение, связывающее египетскую духовную науку с традициями мудрости, а также приложение с новыми сведениями об установлении даты создания Сфинкса.

ISBN 978-5-521-16337-3

© Джон Энтони Уэст

© Ерзин Иван, перевод, 2021

© Денис Лапин, обложка, 2021

© «Касталия», 2021

Дорогие друзья!

Вот уже больше десяти лет, мы представляем Вам уникальные книги. Глубинная психология Юнга, древние и современные оккультные традиции, священные тексты восточных народов, темный путь, символическая поэзия, литература и еще много интересного. Вы можете приобрести книги как в бумажном, так и в электронном формате.

Добро пожаловать на наш сайт: <https://castalia.ru/>
Также на сайте представлены избранные главы издаваемых нами книг, множество отдельных статей, эссе, литературных творений.

Наш проект представляет огромный лекторий, в котором есть как отдельные открытые лекции, так и серии обучающих курсов по глубинной психологии Юнга, Таро, Рунам, Алхимии и многим другим эзотерическим направлениям.

Также, мы проводим регулярные открытые лекции в Москве и Санкт-Петербурге. Вся информация можно получить на странице руководителя проекта

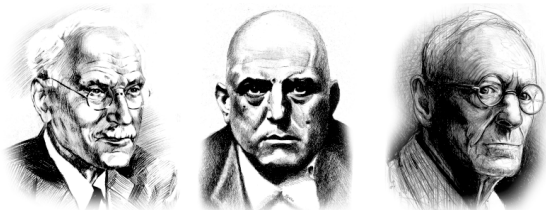
Олега Телемского

<https://vk.com/olegthelemskiy>

<https://www.facebook.com/oleg.telemskiy/>

*Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков,
а также другие психологические и эзотерические школы
для реализации совместных проектов.*

Электронный адрес для связи atong93@yandex.ru

castalia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	6
Предисловие к пересмотренному изданию	14
Предисловие автора	19
Введение	24
Тропую Пифагора	41
Развитие традиционной египтологии в историческом контексте	41
Пирамиды и пирамидология	44
Символическая интерпретация Египта	55
Пифагореизм в истории	63
В поисках фи	66
Вопрос тайны	73
Лингвистический тезис	83
Математический тезис	87
Числа: ключ к функции, процессу и принципу	92
1	92
2	96
3	98
4	103
5	109
6	113
7	122
8	126
9	133

Змей в небесах	141
Божественная двойственность	141
φ: Золотое сечение	145
φ: последствия разделения	150
Иррациональное как функция	152
Возрождение учения Пифагора	154
Форма и частота	161
Слово и мир	161
Измерение, объем и глаз	165
Искусство старое и новое	167
Египетское искусство	170
Искусство, ясность и логика	174
Для кого искусство?	177
Искусство как «магия»	182
Символическое искусство	189
Резюме	199
Наука и искусство в древнем Египте	202
Астрономия	202
Календарь	210
Математика	232
Современная математика и древняя метафизика	241
Исключение: $2/3$	253
Медицина	257
Хирургический папирус Эдвина Смита	269

ПРЕДИСЛОВИЕ к первому изданию

В продолжающемся по сей день поединке материалиста и метафизика, когда сторонники первого требуют крови второго, Джон Энтони Уэст поднял знамя в поддержку эльзасского философа Р. А. Шваллера де Любича. Он просто и ясно представил утверждение де Любича о том, что зодчие древнего Египта обладали гораздо более глубоким пониманием метафизики и законов, управляющих человеком и Вселенной, нежели большинство египтологов в состоянии признать.

Этот поразительный тезис настолько непопулярен среди ученых, придерживающихся общепринятых взглядов, что они намеренно игнорировали его в течение двадцати лет, даже не выдвигая никаких аргументов против. Они говорят лишь то, что это противоречит традиционным представлениям.

Рене Адольф Шваллер, который был посвящен в рыцари литовским князем Лузаче за его вклад в освобождение Литвы как от русских, так и от немцев в конце Первой мировой войны, и принял второе имя де Любич, выдвинул убедительный аргумент в пользу научного и духовного развития древних египтян. Пятнадцать лет он находился в Луксоре (1936 – 1951), десять из которых собирал доказательства, основанные на поразительно тщательных измерениях и рисунках камней и статуй Великого Храма Луксора, которые сделала его приемная дочь Люси Лами. Этот материал он включил в несколько опубликованных работ, из которых наиболее важными являются три больших тома *Le Temple de l'Homme* (Храм Человека). К сожалению эта работа вышла ограниченным тиражом, ее трудно найти и нелегко прочитать в оригинале на французском языке, хотя английский пере-

вод сейчас уже находится в типографии.

Тем не менее, она остается трудной для понимания до тех пор, пока не усвоены основы философии де Любича. Эту задачу Уэст значительно облегчает, тщательно перебирая основы трудов де Любича и консультируясь с Люси Лами, которая оказала ему неоценимую помощь не только благодаря глубокому пониманию идей отчима, но и своей роли хранителя его неопубликованных работ.

Откровенно выступая на стороне де Любича, Уэст сражается за мудрость, сохранившуюся в веках, несмотря на усилия горелых и их защитников, священников и стервятников, которые стремились разорвать ее на куски. Как будто макая в чернила острое элегантно перо с утонченностью романиста и драматурга, Уэст направляет копьё в воздушный шар напыщенности и стереотипов, собранных вокруг Египта и других древних цивилизаций, которыми якобы правили грубые и фанатичные жрецы, примитивные и суеверные.

Уэст говорит, что он взялся за дело Де Любича, потому что считает его вклад «самым важным научным трудом нашего века ... который требует полного пересмотра представлений современного человека об истории и «эволюции» общества».

С тех пор как в начале прошлого века Шампольон открыл фонетические значения египетских иероглифов, писания египтян интерпретировались египтологами с таким же скудным пониманием заложенных в них мыслей и верований, с каким современные преподаватели английского языка понимают герметическую философию, скрывающуюся в произведениях Шекспира. Так уж сложилось, что в обоих случаях исходные данные одинаковы.

Де Любич прекрасно разбирался в герметической мудрости, основа которой была заложена в религиях Востока и передава-

лась через индусов, китайцев, буддистов, теософов, антропософов и йогов. Вскоре де Любич обнаружил эту мудрость и в глифах, статуях и храмах Египта.

Интерпретируя древнеегипетские иероглифы как символы, хранящие герметическое послание, де Любич открыл в Египте древнейший из известных источников Священной науки. Той самой науки, которая легла в основу того, что зовется вечной высшей мудростью, элементы которой сохранились среди гностиков, суфиев, каббалистов, розенкрейцеров и масонов, в ряду просветленных и ясновидящих мастеров.

Де Любич видел в египетских иероглифах не только явный фонетический почерк, расшифрованный Шампольоном, но и более глубокий символизм, передающий более тонкие метафизические истины Священной науки фараонов. Это истины слишком легко ускользающие, чтобы поймать их в сети фонетического письма. Как можно увидеть очертания человеческой ауры, не глядя прямо на тело, а краем глаза, так, по мнению де Любича, можно увидеть символический, а не явный смысл иероглифов. Для де Любича эта двусмысленность египетского письма давала возможность жрецам обращаться к народу с одним посланием, а к посвященным – с другим, как и произведения, приписываемые уроженцу Стратфорда-на-Эйвоне обращены к толпе с открытым и безобидным посланием и в то же время увековечивают политически опасную вечную мудрость, обращаясь к короне и Тайному совету на языке, достаточно герметичном, чтобы избежать тюрьмы или топора.

Де Любич считает, что различные символические системы древних египтян были предназначены для того, чтобы давать понимание посредством откровения, внезапно открывшегося видения, а не передачи информации: они были средством разрыва оков материальности, ограничивающих человеческий разум.

Они позволяли человеку узреть высшее и расширить границы своего сознания. Ибо человек, как говорит де Любич, изначально был совершенен и выродился до нынешнего состояния потому, что не выходил за рамки своих рассуждений.

Только в конце своей жизни де Любич осознал, каким препятствием для понимания законов Вселенной был его разум. Он признал, что мозг или эго-сознание были завесой, отделяющей истинное сознание человека от сознания Вселенной.

Углубленное изучение писаний, рисунков и расположения каждого камня в храме Луксора указало де Любичу на то, что египтяне не делали различия (не говоря уже о противопоставлении) между духовным и материальным. Такое различие, говорит де Любич, есть иллюзия разума.

Для мудрецов древности существовали лишь разные уровни сознания, – для них все было едино, все абсолютно.

В течение пятнадцати лет, проведенных в Египте, при помощи своей прекрасной и понимающей жены Иши, которая была профессиональным египтологом и писателем, де Любич пришел к выводу, что комплекс египетских храмов содержит универсальное знание, и каждый храм является главой, где раскрывается определенная тема священной науки. Поэтому ни один храм фараонов не похож на другой, но каждое строение говорит с нами через свою архитектуру, расположение, структуру фундаментов, выбор используемых материалов и отверстия в стенах.

Иногда он находил послание настолько сокрытое, что его можно было обнаружить только с помощью того, что де Любич называл *прозрачностью стен*, в результате чего смысл иероглифов и изображений с одной стороны остается непонятным, если не рассматривать их в сочетании с теми, что изображены на обратной стороне.

В архитектуре храма Луксора де Любич обнаружил уникальный священный памятник, фигуру человека, включающую в себя такие эзотерические знания, как расположение эндокринной железы, индуистскую систему чакр и китайских точек акупунктуры. Он заключил, что астрономическое расположение храма, геометрия его строения, его статуи и надписи сделаны на теле человека, представленном в виде храма, и расположены физиологически верно. Найденные им соотношения были пропорциями Совершенного человека – Адама до грехопадения или человека, который восстановил свое космическое сознание.

В своих пропорциях и сочетаниях храм рассказывает историю сотворения человека и его отношений со Вселенной. По словам Уэста, «это библиотека, содержащая совокупность знаний о силах, сотворивших Вселенную, воплощенная в самом строении».

Воплощение Вселенной в человеке, говорит де Любич, является основной темой всех известных религий: человеческое тело – это живой синтез основных жизненных функций микрокосма и макрокосма. Это храм, в котором происходит предвечная борьба между основными антагонистами: светом и тьмой, Инь и Ян, гравитацией и невесомостью, Ормуздом и Ариманом, Кецалькоатлем и Тецкатлипокой, Гором и Сетом. Это храм, который должен быть преображен человеком, сквозь череду воплощений, в царственный облик Вселенского человека. Так храм Луксора становится прообразом Вселенной и гармоничного синтеза космоса, храма и человека; воплощением изречения Протагора о том, что человек есть мера всех вещей.

Для де Любича египетские храмы являют земные и небесные измерения, а также целый спектр соответствий циклам природы, движениям небесных тел и определенным астрономическим периодам. Совпадение этих соотношений между звездами,

планетами, металлами, цветами, звуками, а еще и между видами растений и животных, частями человеческого тела, открывается посвященному через отдельную науку о числах.

Еще в 1917 году де Любич опубликовал исследование о числах, в котором объяснил, что они лишь названия функций и принципов, с помощью которых создается и поддерживается Вселенная, что из взаимодействия чисел возникают явления физического мира. Он также писал, что для правильного понимания последовательных ступеней творения сначала нужно узнать развитие абстрактных чисел и то, как множество происходит от единицы.

Когда де Любич приступает к своей науке о числах, Уэст пересказывает и синтезирует свои главы в связный и легко усваиваемый тезис, который доказывает, что Платон и Пифагор извлекли свои знания о мудрости чисел из науки Древнего Египта.

Интересно, что Уэст развивает идею де Любича о том, что египетская космология и понимание Вселенной не были эндемичными для Египта, а пришли от колонистов или беженцев с затонувшего континента Атлантиды Платона, что также может объяснить сходство и идентичность с космологиями Центральной Америки, предположительно привезенными туда другими переселенцами с Атлантиды.

В то время как египтологи согласны с тем, что египетская цивилизация была полноценно развитой с самого начала, – с иероглифами, мифами, математикой и сложной системой мер, де Любич идет дальше, доказывая, что это не было развитием; это было наследием.

В качестве дополнения к своему анализу работы де Любича Уэст приводит документальный аргумент о древности Сфинкса, чтобы показать, что он может быть лучшим доказательством

существования Атлантиды не как острова на карте, а как высокоразвитой цивилизации, которая процветала за тысячи лет до начала династического Египта.

Сегодня философия де Любича еще уместнее, чем когда он впервые начал разрабатывать ее в 1920-х и 1930-х годах, упрекая превосходство происхождения и денег в пользу совершенствования себя, говоря, что все кроме последнего – завеса тщеславия или попытка скрыть за блеском золотых монет нищету духа.

Новая философия утверждает, что человек болен и сам знает об этом; он болен настолько, что не может победить болезнь на корню. Такие институты, как семья, государство и религия, он считал разрушенными, хотя они могли бы сохранить свое священное предназначение, если бы их законы соответствовали реальным целям человеческого существования.

Де Любич считал коллективизм «полезным», но «низшим уровнем», мотивированным эгоизмом, тогда как реальная солидарность основывалась на осознании ответственности каждого человека перед всем человечеством.

В мире, где ничто не имеет ценности за пределами количественных величин, спешки и насилия, де Любич предположил, что человек вместо того, чтобы разрушать себя, уничтожая мир вокруг, должен совершенствовать себя, воссоединяя гармонию со Вселенной, равновесие, утерянное ложным понятием греха и искажением понимания физической науки. Философия, предупреждал он, деградировала до механистической физики.

Однако любая революция в мире, говорил де Любич, должна происходить на философском уровне, а не на социальном, и никогда не должна быть насильственной. Он убежден, что в пробуждении внутреннего света содержится больше энергии,

чем во всех взрывчатых веществах на земле.

В качестве лекарства де Любич предложил братство, которое подчинялось бы законам всеобщей гармонии. Его заповедями было: назвать этот мир трусливым и умирающим; освободиться от рутины; утверждать все истины, одобрять все свободы и относиться как братья к сильным, свободным и осозанным.

Отсюда ценность работы де Любича и анализа ее Уэстом. Какой смысл поддерживать традицию священной науки египтян, если она неприменима к этой жизни и к загробной жизни тех, кто продолжает приходить на землю в поисках пути к бессмертию?

Для народа Египта жречество фараонов поддерживало культ Осириса, культ обновления и перерождения. Для избранных храма он означал подобный Христу принцип Гора-Искупителя, освобождение от кармы перевоплощений, возвращение к человеку – прообразу Вселенной, бестелесному и полностью осознанному.

Но с момента падения храма в конце империи фараонов и в начале эры христианской человек был лишен основного руководства Священной науки как средства стать истинным человеком ...а потом превзойти его.

В то время как ученый продолжает поддерживать барьер неизвестности, будучи не в состоянии преодолеть его, метафизик вновь предупреждает, что такова его вечная судьба; что истина не может быть изучена, а лишь познаваема интуитивно или путем откровения. Записи ведутся. Поединок продолжается.

Питер Томпкинс

ПРЕДИСЛОВИЕ

к пересмотренному изданию

Змей в небесах Джона Энтони Уэста – действительно значительная и очень читаемая книга. Когда я впервые встретился с ней более десяти лет назад, я был поражен глубиной и широтой познаний и мышления автора, а также четкими и яркими комментариями. Теперь, когда я снова перечитал эту захватывающую работу, я все еще впечатлен этими качествами, и нахожу книгу еще более вдохновляющей чем прежде. Я пишу это предисловие к новому изданию с большим удовольствием и с надеждой, что найдется много новых читателей.

Питер Томпкинс в предисловии к первому изданию кратко изложил содержание книги и предоставил необходимую справочную информацию. Поэтому здесь я повторюсь как можно меньше. Для нового издания Уэст добавил отчет о спорной истории своей книги и словно сбросил бомбу с очень вескими научными доказательствами того, что Великий Сфинкс Гизы намного тысяч лет старше, нежели утверждают почти все египтологи. То, что Сфинкс предшествовал египетской цивилизации, как известно, заявлялось многими до Уэста. Однако именно Уэст со своей командой научных сотрудников предоставил доказательства, которые могут потребовать значительного пересмотра истории человечества.

Змей в небесах представляет обзор на весьма спорную (насколько она вообще известна) работу позднего эльзасского философа-египтолога Р. А. Шваллера де Любича. Основываясь на многолетнем тщательном изучении древних храмов и египетской цивилизации в целом, де Любич представил миру доказательства существования такого Египта, к которому наши

умы, сердца и души могут свободно и с гордостью обратиться. Для большинства из нас естественно испытывать трепет, когда мы сталкиваемся с чудесами, завещанными нам древним Египтом – богинями и богами, Сфинксом и пирамидами, храмами, магией и мистериями и всем остальным. На самом деле создатели этих удивительных образов и символов, произведений искусства и метапсихологии, явно рассчитывали на такой резонанс и, определенно, знали, как его создать. И все же, *странно сказать*, у нас есть профессия под названием «египтология», представители которой кажутся совершенно слепыми или безразличными к тому, что захватывает многих из нас. Закоснев в непроницаемом материализме, они настаивают на бездушном и едва ли не слабоумном Египте, который безнадежно погряз в невежестве и суевериях. Именно потому, что выводы де Любича противоречат таким представлениям на каждом шагу, его работа была проигнорирована или осуждена традиционной наукой.

Самая важная работа Де Любича доступна только в его монументальном, многостороннем труде *Храм человека*, трудном для чтения и пугающем своим размахом. Одним из главных достижений Уэста было представление работы де Любича с восхитительной ясностью, а также подкрепление ее собственной гениальностью, эрудицией и тонко отточенным навыком рассуждения. Как человек, вовсе не склонный терпеть дураков, Уэст вооружен остроумием и безжалостной логикой опытного прокурора, один за другим нацеливая ее на рассыпающихся в прах материалистических «экспертов», призванных возглавлять мрачный мир политкорректной египтологии.

Le Temple de l'Homme рассматривается Уэстом как «...самый важный научный труд этого века». Уэст также отмечает множество почти сверхъестественных соответствий между пониманием де Любича древней науки и философии Египта и взглядами и

учением мистика и мага Гурджиева. Действительно, то, что де Любич узнал о Древнем Египте посредством исследовательской работы, Гурджиев, кажется, знал из какого-то другого источника. Другим примером очевидного проникновения в сознание и душу Древнего Египта является необычный поэт, ученый и провидец девятнадцатого века Джеральд Мэсси. В трех монументальных, многотомных работах — *Книга начала, Естественный Генезис и Древний Египет* — Мэсси представил Египет во многих отношениях очень схоже, и порой даже точно таким же, каким видел его де Любич. Особенно это касается последней работы Мэсси *Древний Египет*, опубликованной в конце его жизни в 1907 году. Сочинения и учения этих трех титанов – де Любича, Гурджиева и Мэсси – заслуживают более исчерпывающего сравнения. Это достойный вызов для автора *Змея в небесах*.

По наблюдениям де Любича, Сфинкс в Гизе имеет следы водной эрозии, которых нет ни на одном другом сооружении в Египте. Уэст с помощью группы ученых подтвердил это. Как он подробно объясняет, из его находок следует вывод, что Сфинкс предшествовал династическому Египту. Он также приводит много других убедительных доказательств идеи де Любича о том, что египетская цивилизация была *наследием*, а не развитием. Это ведет прямо к древней легенде об Атлантиде, упомянутой Платоном и встречающейся в той или иной форме в мифах многих эпох и стран. То есть египтян кто-то *научил* тому, что они знали, и это было удивительное знание – беспрецедентная интеграция науки и искусства, философии и религии. Результатом стала цивилизация, которая преуспела в своем преобразовании сознания и реальности, имея потенциал, о котором мы ничего не знаем. Условия для этого были созданы мастерски.

Мэсси, исследуя и применяя египетский метод чисел и астрономии/астрологии, считает, что возраст Сфинкса три-

надцать тысяч лет, задолго до Первой династии. Интересно, что американский экстрасенс Эдгар Кейси пришел к тому же выводу. В своих исследованиях для книги *Богиня Сехмет* я пришел к выводу, что Сфинкс, как и богиня Сехмет, намного старше Египта. Ясно, что они связаны – Сехмет с головой львицы и человеческим телом; Сфинкс с телом льва и человеческой головой. Древняя традиция связывает их и провозглашает их изначальность, так как Сехмет известна египтянам как *владычица места начала времен и бывшая до Богов*. Я часто размышлял о том, что Сфинкс был построен в месте, которое лишь тысячелетия спустя станет местом поклонения Сехмет в Мемфисе. Таким образом, египетская цивилизация была *спланирована и разработана* за тысячи лет до того, как возникла в реальности. Может ли это означать, что судьба «Атлантиды» была известна задолго до того, как она свершилась?

«Змей в небесах» – изумительно плодovitая книга. Страница за страницей будоражат воображение читателя и способствуют творческому мышлению. Рассказ о египетской цивилизации вдохновляет и дает луч надежды, что даже сейчас наш тяжело раненный и как минимум полубезумный мир сможет использовать то, что было до него, чтобы понять, как быть дальше. Человек обладает удивительными скрытыми способностями, которые в настоящее время почти не используются и редко признаются, особенно теми, кто обладает властью. Де Любич и Уэст подтверждают, что можно создать общество, в котором поощряется и развивается человеческий потенциал. Дело в том, что Египет в течение очень долгого времени обладал знаниями о том, как пробудить и использовать этот потенциал. Более того, в дошедших до нас египетских писаниях могут найтись инструменты для обретения этих знаний. Мы все в долгу перед Шваллером де Любичем и Джоном Энтони Уэстом за признание

этого потенциала и за работу по его достижению.

Роберт Мастерс

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Когда в 1978 году было опубликовано первое издание *Змея в небесах*, труды эльзасского математика и философа Р.А. Шваллера де Любича (1891–1962) не были переведены с оригинального французского языка. Англоязычные читатели не имели доступа к его «символической»¹ интерпретации Древнего Египта.²

Змей в небесах был написан как углубленное исследование и введение в радикальные идеи Шваллера, и был призван донести их до широкого читателя. С тех пор как он был впервые опубликован, многие книги Шваллера де Любича появились на английском языке и теперь доступны. К сожалению, ключ к пониманию его работы, массивного трехтомника *Le Temple de l'Homme* (*Храм человека*) остается доступным только на французском языке.³

А без доступа к нему почти невозможно понять всеобъемлющую, целостную природу его символической интерпретации или оценить масштаб его достижений. Более того, как и некоторые другие великие мыслители-новаторы

1 Это название использовали как сторонники, так и противники работы Шваллера.

2 За исключением, пожалуй, романов *Хер-Бак* (*Her-Bak*) и *Хер-Бак, Потомок* (*Her-Bak, Disciple*) Иши Шваллер де Любич, жены Шваллера де Любича. Хотя они и представляют собой интеллектуально и философски занимательное чтение, я нахожу эти романы сухими и психологически одномерными. Хотя это романы, они не могут передать эмоциональное и магическое чувство Египта, пропитывающее величественное, но строго научное творение Р.А. Шваллера де Любича, несмотря на все трудности, которые ставят работы Шваллера.

3 Когда появилось первое издание *Змея*, разрабатывались планы по переводу *Храма Человека*, но реализовать их не удалось, хотя сейчас, когда я пишу эти строки, стало известно, что работа снова ведётся. Надеюсь, со временем *Храм Человека* наконец будет доступен англо-говорящей аудитории.

(Сведенборг, Беме, Кант, Гегель и многие другие), Шваллер не был одарен талантом доносить свои идеи до простых людей. Его стиль заумный, сложный и бескомпромиссный. Немногие читатели, даже те, кто знаком с метафизическими и философскими трактатами, не могут усвоить его оригинальный текст (это чем-то похоже на попытку разобраться в физике высоких энергий без обширной предварительной подготовки). Тем самым даже при наличии доступа к другим его работам на английском языке, *Змей в небесах* продолжает выполнять возложенную на него задачу.

Моей главной заботой всегда было четкое изложение идей Шваллера и подтверждающих их доказательств. В то же время я хотел подчеркнуть различия между символическим и традиционным подходами к Египту. Шваллер предполагает, что его читатели хорошо разбираются в классической египтологии и оценят различия, не вдаваясь в подробности. На самом деле, многие читатели имеют более чем туманное представление о Египте, оставшееся после пары-тройки смутно припоминаемых уроков истории древних цивилизаций в средней школе или университете. В их общепринятом понимании Египет – цивилизация удивительной архитектуры, эгоистичных правителей и раболепного, суеверного народа. Символическая точка зрения открывает Египет совсем иначе – как цивилизацию философски и духовно (в некоторых областях, даже научно) гораздо более развитую, чем мы сами, у которой есть чему поучиться.

И в самом деле, пожалуй, нет другой научной дисциплины, где один и тот же исходный материал (в данном случае памятники и писания древнего Египта) породил бы две такие диаметрально противоположные интерпретации. Без четкого понимания специфики трудно оценить всю глубину пропасти, отделяющей

символиста от сторонника традиционных взглядов.

Одним из наиболее разочаровывающих аспектов поддержки альтернативного взгляда в любой укоренившейся научной или учебной дисциплины является отказ правящих кругов иметь дело или даже признать существование доказательств обратного. С самого начала я был полон решимости не противопоставлять безответным ученым свою точку зрения. Так, представляя символическую интерпретацию Шваллера де Любича, я подробно и в контексте привел и обсудил противоположные взгляды на полях.

Развивая оригинальный формат, разработанный Питером Томпкинсом в *Тайнах Великих Пирамид*, я создал книгу, чтобы обеспечить одновременно проходящий контраст между двумя школами – символическая интерпретация разрабатывается в основном тексте, в то время как противоположные взгляды и другой соответствующий материал сразу же доступны в параллельных обширных примечаниях на полях (обозначены курсивом). Поэтому читатели в состоянии решить, какая интерпретация является более обоснованной. Противопоставленные фрагменты были отобраны из полного спектра академических египтологических источников на нескольких языках. Собранные вместе, они дают точный, но неизбежно нелестный обзор современной египтологии.⁴

Символический взгляд против господствующей египтологии – это не споры между учеными по поводу ушедшей цивилизации. На карту поставлено гораздо большее. Поэтому я счел необходимым изложить то, что Шваллер оставил по большей части между строк: глубокое значение, которое его символическая интерпретация Египта имеет для всей современной мысли, особенно для понимания истории и эволюции цивилизации.

4 См. Послесловие за дальнейшим обсуждением этой темы.

Древний Египет не существовал в вакууме. Мы можем быть уверены, что другие древние цивилизации имели свои версии той же священной науки, которая питала и поддерживала Египет. По мере того как наше бездуховное, жестокое и отчаявшееся общество катится к своей окончательной гибели (даже сейчас называя этот беспорядочный полёт кубарем вниз с горы «маршем прогресса»), уверенность в том, что высший порядок мудрости когда-то был доступен для всего человечества, становится предметом непосредственного внимания и беспокойства.

Готовя это пересмотренное издание, я с удовлетворением отмечаю, что по прошествии пятнадцати лет мое обсуждение идей Шваллера и подтверждающих их фактов не потребовало особых изменений. Новые разработки по нескольким научным направлениям оправдали незначительные правки и дополнения по всему тексту. Но продолжающаяся работа по реставрации Великого Сфинкса Гизы потребовала более обширного подхода.

В своей книге *Священная наука фараонов (Le Roi de la Theocratie Pharaonique)*, опубликованной в 1961 году, Шваллер де Любич заметил, что Великий Сфинкс подвергся воздействию воды, а не ветра и песка, как тогда считалось. Читая эту строчку тогда, работая над первой версией *Змея*, я понял, что это наблюдение должно быть подтверждено геологическими доказательствами. Если бы это было доказано, это означало бы, что Великий Сфинкс был на тысячелетия старше, чем остальная часть древнего Египта, что, в свою очередь, повергло бы всю общепринятую древнюю историю и многое другое в полнейший и, с моей точки зрения, целительный хаос.

Моя первоначальная работа детектива, сводящая воедино все улики, подтверждающие точку зрения Шваллера, занимает

длинную последнюю главу этой книги. Важное археологическое и геологическое исследование Сфинкса в начале 1980-х годов археологом Марком Ленером и геологом К. Лаи Гаури предоставило дополнительные важные доказательства развивающейся теории, хотя ученые, ответственные за исследование, отказались принять их к сведению. Это исследование опубликовано в приложении к первому изданию *Змея* в мягкой обложке 1987 года. Оно по большей части все еще актуально и было сохранено в этом издании.

С 1990 года теория получила дальнейшее развитие и сделала несколько квантовых скачков в сторону принятия. Она была тщательно изучена рядом геологов и геофизиков, которые безоговорочно ее поддерживают. Теперь при мощной научной поддержке, она стала предметом жарких дебатов на двух крупных научных съездах, с египтологами и археологами в одном лагере и геологами на другом. Эта полемика подпитывала газетные заголовки по всему миру, а также статьи в журналах и теле- и радиопередачах. Полное изучение доказательств, история превратностей теории в академическом сообществе, ее трактовка средствами массовой информации и последствия ее возможного (если не надвигающегося) всеобщего признания стали темой книги *Разгадка Сфинкса (Unfolding the Sphinx)*, написанной мной в соавторстве с доктором Робертом М. Шохом. Она должна увидеть свет в конце 1993 или начале 1994 года (Villard Books / Random House). Во втором приложении к этому дополненному изданию *Змея в небесах* кратко излагаются наиболее важные события к лету 1992 года. В форме послесловия я также добавил существенное эссе на общую тему проблем, связанных с установлением нового порядка мышления, с особым акцентом на опыт получения символической интерпретации Шваллера де Любича.

ВВЕДЕНИЕ

Змей в небесах представляет собой революционное, исчерпывающе документированное переосмысление цивилизации Древнего Египта; это исследование жизненного труда философа, востоковеда и математика, покойного Р. А. Шваллера де Любича.

После двух десятилетий изучения, большую часть которого он провел исследуя храм Луксора, Шваллер де Любич смог доказать, что общепринятое понимание Египта (и древней цивилизации в целом) неверно или безнадежно неадекватно; его работа опровергает или подрывает практически все современные представления об истории человека и "эволюции" цивилизации.

Египетская наука, медицина, математика и астрономия были развиты на намного более высоком и детальном уровне, чем признают современные ученые. Вся египетская цивилизация была основана на полном и четком понимании универсальных законов. И это глубокое понимание проявилось в последовательной, многоступенчатой и взаимосвязанной системе, которая объединила науку, искусство и религию в единый организм. Другими словами, это была полная противоположность тому, что мы видим сегодня в мире.

Более того, каждый аспект египетской мудрости, судя по всему, был известен с самого начала. Наука, архитектура, живопись и иероглифическая система не обнаруживают практически никаких признаков периода "развития"; действительно, многие достижения ранних династий никогда не были превзойдены или даже достигнуты более поздними. Традиционные египтологи охотно признают этот поразительный факт, но масштабы тайны,

которая кроется за ним, искусно преуменьшают, в то время как многие ее следствия остаются незамеченными.

Как возникает сложная цивилизация? Посмотрите на автомобиль 1905 года и сравните его с современным. Процесс «развития» очевиден. Но в Египте нет таких параллелей. Все было изначально. Ответ на эту загадку, конечно, очевиден, но поскольку он отталкивает господствующий тип современного мышления, его редко принимают всерьез. *Египетская цивилизация не была результатом развития — она была наследием.*

Следующее наблюдение Шваллера де Любича состоит в том, что теперь можно практически доказать существование иной, и, возможно, намного превосходящей цивилизации, предшествовавшей династическому Египту и всем другим известным цивилизациям за тысячелетия до их возникновения. Другими словами, теперь можно доказать существование «Атлантиды» и одновременно историческую реальность библейского потопы. Я использую кавычки для обозначения «Атлантиды», поскольку речь идет не о реальном острове, а о существовании цивилизации, достаточно развитой и древней, чтобы породить такую легенду о себе.

Доказательство существования Атлантиды покоится на простом геологическом основании. Вопросы хронологии и источников остаются без ответа. И до сих пор невозможно сказать, как и кем была сохранена и передана мудрость Атлантиды. Но ее существование теперь так же трудно отрицать, как изначальною полноту и взаимосвязь египетских знаний.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что впервые открыв истинную картину древнего Египта, Шваллер де Любич дал ключ к изучению мудрости предшествующей ему «Атлантиды».

Так как я представляю идеи и работу другого человека, то она неизбежно должна сначала пройти сквозь фильтр моего собственного понимания, и в некоторых случаях представлена

Рис. 1. Четвертый фараон Хефрен (или Хафра) IV династии, наследник Хеопса и предполагаемый архитектор второй по величине пирамиды. Эта диоритовая статуя была найдена в углублении храма, прилегающего к Сфинксу, а строительство храма и Сфинкса приписывается Хефрену (но см. заключительную главу для подробного обсуждения этих утверждений). Может ли человек, который выглядит так, действительно быть примитивным материалистом с наполовину спящим разумом?

Рис. 2.

Рис. 2. На фото резьба работы зодчего Хесира, подданного фараона Джосера (III династии). Это одна из панелей гробницы Хесира в Саккаре. Если ученые захотят, они могут продолжать считать ранних египтян "примитивными материалистами с еще наполовину спящим разумом", но обычный человек может думать иначе на основе послания, сокрытого в искусстве такого высокого уровня. Хесира, кажется, проснулся полностью, если только это не лезть, навязанная неизвестным художником, но в этом случае художник, по крайней мере ненадолго вышел из дремы. Иероглифы вырезаны до мельчайших деталей, и позже Египту никогда не удастся воспроизвести их с большей четкостью или чистотой. Более ранние иероглифы не менее подробны, но в целом не так хорошо выполнены. Ничто не поддерживает постулируемый «период развития». Но не исключено, что хранителям древней традиции потребовалось несколько поколений, чтобы довести художников и ремесленников до такого уровня.

Философия и наука, какими мы их теперь знаем, являются греческими изобретениями. Подъем греческой цивилизации, вызвавший этот всплеск интеллектуальной активности, является одним из самых впечатляющих событий в истории. Ничего подобного не случилось ни до, ни после... Философия и наука начались с Фалеса Милетского в начале VI века до н. э. Какой ход предшествующих событий привел к столь внезапному раскрытию греческого гения? Среди мировых цивилизаций греки – запоздавшие гости. Египет и Месопотамия старше на несколько тысячелетий. Эти сельскохозяйственные общества росли вдоль великих рек под властью богоподобных царей, военной аристократии и могущественного класса жрецов, которые управляли сложными политеистическими религиозными системами. Основную часть населения составляли крестьяне, которые обрабатывали землю.

И Египет, и Вавилон давали некоторые знания, которые позднее переняли греки. Но ни наука, ни философия не развивались. Связано ли это с отсутствием врожденного гения или с социальными условиями, здесь не суть важно. Важно то, что функция религии не способствовала поиску знаний.

Bertrand Russell, *Wisdom of the West* (MacDonald), 1969, p. 10

Рис. 3. Египетская техника изготовления инкрустированных глаз достигла наивысшего совершенства в IV династии и впоследствии не имела себе равных ни в Египте, ни где-либо еще. Египтяне должны были внимательно следить за отражающими и преломляющими свойствами используемого материала; результат, даже на фотографии, поразителен; он практически превосходит реальный человеческий взгляд. Из найденных на сегодняшний день примеров больше голубоглазых и сероглазых, чем кареглазых. Может ли это иметь какое-то отношение к длительному, «легендарному» правлению Египтом до Менеса «почитаемыми с севера»?

в измененном свете. Поскольку работа Шваллера де Любича проведена тщательно и всегда подкреплена множеством документальных иллюстраций и деталей, ее невозможно обобщить или даже извлечь из нее отрывок, и я часто использовал аналогию или метафору в попытке уловить суть работы, не искажая ее.

Чтобы избежать путаницы и отличать чистые идеи Шваллера де Любича и мои собственные иллюстрации, мнения и выводы, нужно обозначить разницу с самого начала. Как правило, когда я пишу о знании, понимании, языке, философии и религии древних египтян, я представляю идеи Шваллера де Любича в максимально чистой форме и по возможности иллюстрирую его собственными рисунками и фотографиями. Всякий раз, когда я использую метафоры и аналогии, я выступаю как журналист. Шваллер де Любич мог бы одобрить или не одобрить мой метод, узнать это невозможно.

Я также приложил немало усилий, чтобы дать своего рода беглый комментарий по следам работы Шваллера де Любича в контексте современного мира, и постоянно указывать на различия между его интерпретацией и общепринятыми догматами египтологии. Иногда я углублялся в рассуждения об искусстве и литературе, современной науке и философии, чтобы подчеркнуть, как работы Шваллера де Любича соотносятся с современностью.

Эти отступления – моя личная ответственность и отражение моих взглядов, которые читатель не обязан разделять. Моя цель состоит в том, чтобы привлечь внимание к очень содержательной и забытой работе Шваллера де Любича; вызвать к ней достаточный интерес, чтобы вдохновить на ее публикацию на английском языке и распространение среди тех, кто способен признать ее реальное значение и посвятить время и силы для изучения ее в оригинале.

Когда я пытаюсь увидеть Вселенную такой, какой ее видел вавилонянин около 3000 лет до н. э., я должен найти дорогу обратно к своему детству. Когда мне было четыре года, я обладал тем, что считал ясным пониманием Бога и мира. Я помню случай, когда мой отец указал пальцем на белый потолок, украшенный лепниной в форме танцующих фигур, и объяснил, что Бог там, наверху, наблюдает за мной. Я сразу же убедился, что танцоры – это Бог. Точно так же мне нравится представлять себе, что очертания сияющих звезд на темном покрове мира казались живыми божествами вавилонянам и египтянам. Около шести тысяч лет назад, когда человеческий разум еще спал, халдейские жрецы стояли на сторожевых башнях, вглядываясь в звезды.

Arthur Koestler, *The Sleepwalkers* (Hutchinson), 1968, pp. 19, 20

Огромная, богатая и эффективная нефтяная промышленность США уже давно занимает неоднозначное место в американской жизни. Ее блестящие технологические достижения в обеспечении ненасытного спроса страны на энергию помогли США стать самой передовой страной на земле.

Time, June 28, 1976, p. 50

Все антинаучное движение возникло из-за двух особенностей нашей западной цивилизации: с одной стороны, убеждения, что научный метод является единственным достоверным способом постижения и понимания Вселенной, а с другой стороны, убеждения, что результаты этой науки вполне уместны для применения в варварских технологиях. Первое из этих убеждений считается полуосознанным предположением большого числа ныне трудящихся ученых, хотя ясно сформулировано лишь некоторыми

Joseph Needham, *The Radicalization of Science*, ed. Stephen and Hilary Rose, MacMillan, 1976, p. 100

Чтобы оценить эту радикальную работу, необходимо понять, как развивалась традиционная египтология и причины ее продолжающегося распространения. Египтология, наряду со всеми современными дисциплинами, посвященными ушедшим или чуждым культурам (антропология, археология, этнология и др.), основана на определенных постулатах, которые считаются настолько самоочевидными, что никогда не высказываются явно и никогда не ставятся под сомнение. И, честно говоря, сами "авторитеты" в этих областях не знают, что их дисциплины основаны на этих постулатах.

1. Человек «прогрессировал». Человечество шло путем «эволюции».

2. Цивилизация предполагает прогресс, и развитие цивилизации прямо пропорционально темпам прогресса.

3. Этот прогресс, а следовательно, и цивилизация, начался с греков, которые изобрели спекулятивную философию и рациональную науку.

4. Наука и научные дисциплины – единственные действенные инструменты для достижения «объективной истины».

5. Без рациональной науки и спекулятивной философии нет настоящей цивилизации.

6. Нет ничего из того, что знали бы древние, чего бы мы не знали или не понимали лучше них.

Эти предположения (выбранные цитаты характеризуют отношение) были приняты почти каждым ученым за последние двести лет. Они проникли в каждый аспект образования. Ни одного читателя этой книги не будут учить иначе в школе или университете. Однако каждое из этих предположений ложно или представляет собой полуправду, более коварную, чем откровенная ложь. Продемонстрировать это в соответствии

с преобладающими академическими правилами достаточно просто, но потребует много времени и уведет нас слишком далеко от Египта. Читатель, заинтересованный в продолжении темы, может обратиться к библиографии.⁵ [В], 3, 9, С 11].

Для моих целей достаточно аналогии: ресторан делает шеф-повар, а не посудомоечные машины. Корпорацию создает исполнительный директор, а не клерки. Если шеф-повар пьян, а управляющий директор совсем озверел, то и ресторан, и корпорация вскоре развалятся. Современное общество таково, каково оно есть не из-за невежества масс, а именно из-за понимания, убеждений и целей наших настоящих вождей – не политиков, а ученых, педагогов и интеллектуалов – тех, кто высокообразован. Общество формируется теми, кто контролирует его голову и сердце. Реальные физические потребности легко удовлетворить. Именно наши желания и убеждения делают мир таким, какой он есть.

Дарвин оказал большее влияние, нежели Сталин.

Мир таков благодаря прогрессу, а не вопреки ему. Прогресс не является ни следствием цивилизации, ни ее причиной. «Цивилизация», как «любовь» или «свобода» – это слово означает что-то свое для каждого.

Под «цивилизацией» я подразумеваю общество, основанное на убеждении, что человечество находится на земле с определенной целью. В цивилизации людей интересует качество внутренней духовной жизни, а не условия повседневного существования. Хотя нет никакой логической или рациональной причины, почему «забота о качестве» должна зависеть от «чувства цели», человеческая природа такова, что без чувства цели на практике невозможно сохранить это непоколебимое стремление, которое включает в себя личную решимость победить жадность,

5 Числа в квадратных скобках указывают на Библиографию.

честолюбие, зависть, ревность, мелочность и так далее, – все те аспекты нас самих, которые делают мир таковым, каков он есть. История является тому мрачным свидетелем: даже с чувством цели человек обычно терпит неудачу; а без него нет убедительной причины, почему он должен даже пытаться. В истинной цивилизации люди действуют и добиваются успеха.

«Прогресс» – это пародия на цивилизацию, понимаемую в этом смысле. Знание – это пародия на понимание. Информация – это пародия на знание. Мы живем в век информации, и если мы целиком проглотим наживку современного образования,

Конечно, мы можем быть довольны, приняв простой, позитивный гуманистический взгляд, что человек часть природы, его развитие естественный процесс, и лучшее, что мы можем сделать, это принять тайну бытия, продолжая искать новые знания о самом бытии, а не будучи привязанными к «объяснению» одной тайны введением другой.

Многих еще можно убедить в том, что все сущее должно быть кем-то спланировано. Правда, наше возросшее знание природы не позволяет нам больше выражать свое удовольствие радугой или свой гнев громом, но оно продолжает заниматься своим обычным делом, проходя сквозь некую неопределимую трансцендентность.

Когда мы, постдарвинисты, поймем, что приписывание разума какому-то небесному существу или сверхъестественной силе более недопустимо?

Как отмечает корреспондент *New Scientist* (29 июля 1976 года), он игнорирует биологическую природу интеллекта и эволюционные процессы, которые привели его к существованию. Только при отсутствии религиозного обскурантизма человек может приступить к решению сложной задачи – выяснить, в чем состоят человеческие потребности и как наилучшим образом их удовлетворить

Артур Аткинсон, письмо редактору *The Listener*, 12 августа 1976 г.

то мышление, искусство и литература цивилизованных людей останутся для нас непостижимыми.

Египет был цивилизацией, и ученый-египтолог бессилен перед ее достижениями. Именно по этой причине во всех наших школах мы сталкиваемся с очевидным парадоксом. Нас учат, что древние египтяне были народом, способным создавать художественные и архитектурные шедевры, невиданные ранее в истории, но в то же время они были жрецами-некрофилами, интеллектуально инфантильной расой, одержимой чисто материальными интересами к мифической загробной жизни; народом, рабски поклоняющимся гротескному пантеону богов-животных; народом, лишенным истинной математики, науки,

...придет время, когда будет казаться, что египтяне напрасно благочестиво и усердно поклонялись богам ... ибо боги вернутся с земли на небеса, и Египет будет брошен в запустение, и земля, которая была обителью религии, больше не будет укрывать богов... О Египет, Египет, от твоей религии уцелеют лишь легенды, которые покажутся невероятными поздним народам, и только слова останутся на камнях, свидетельствующих о твоих благочестивых деяниях. [Это пророчество псевдо-Апулея, *Asctepius*, xxiii, цитирует Адольф Эрман, – факт еще более удивительный, чем само пророчество: из всех заблуждавшихся египтологов, которые когда-либо были, ни один не показал меньшего понимания Древнего Египта, чем Эрман, ни один не проявил столь глубоко укоренившегося чувства самодовольства в достижениях современного человека. Примечание автора.]

Adolf Erman, *A Handbook of Egyptian Religion* (Archibald Constable), 1907, p. 255

О Египте я расскажу теперь подробнее, потому что нигде нет такого множества удивительных вещей, и во всем мире, кроме Египта, не увидишь так много произведений неописуемого величия.

Геродот

астрономии или медицины и всякого желания приобретать подобные знания; народом настолько консервативным, настолько противящимся переменам, что его художественные, политические, социальные и религиозные институты оставались грубыми и примитивными в течение четырех тысячелетий.

Но если эта картина со жрецами-некрофилами верна – если нет ничего, что можно было бы узнать из Египта, чего бы мы уже не знали сейчас, – зачем так сильно беспокоиться о них? Мохаммед Али не проводит вторую половину дня в местном спортзале, наблюдая за слабаками. Эскофье никогда не околачивался в закуской, выискивая секретные рецепты. Достоевский не тратил времени на то, чтобы ковыряться в бреднях дилетантов, но египтолог охотно посвящает всю жизнь проработке деталей, копаясь в грязном белье Тутанхамона.

Все начиналось не так. На самом деле то, что мы наблюдаем, не только в египтологии, но и в других областях, является устареванием и упадком академического подхода, основанного на ошибочных предпосылках, но в то же время ответственного за развитие сильных, хотя и ограниченных методов исследования. По мере того как этот подход расходуется на обсуждение того, сколько змей укусило Клеопатру, новое поколение ученых, свободных от предрассудков и вооруженных новыми методами, начинает процесс оживления. Шваллера де Любича можно считать одним из величайших связующих звеньев между старым и новым, тщательно использующим методы и данные своих предшественников, чтобы представить синтез настолько новый, смелый и всеобъемлющий, что первоклассник из новой школы еще не догнал его.

Чтобы оценить как связи, так и различия между старым и новым, стоит взглянуть на краткий, неизбежно упрощенный отчет о развитии египтологии.

Примечательно также, что точное объяснение лунного света было почти найдено египтянами: «Хонсу Ио, свет ночи, изображение левого глаза Амона, Восходящего в Бхакте (Восток), в то время как Атон (Солнце) находится в Анхете (Запад). Фивы затоплены их светом, ибо левый глаз получает свет правого, когда они воссоединяются в день встречи двух быков». Единственная оговорка состоит в том, что этот короткий текст, по-видимому, относится к отражению солнечного света Луной в момент пересечения. Как бы то ни было, две последние цитаты показывают явную научную тенденцию в современном смысле этого слова.

Philippe Derchain, *Mythes et Dieux Lunaires en Egypte: La Lune, Mythes, et Rites* (Source Orientates), 1962, p. 28

Древняя наука была продуктом очень немногих людей, и эти немногие были египтянами... Роль астрономии, пожалуй, уникальна в той мере, в какой она в своем медленном, но неуклонном прогрессе несла корни самого решающего развития в истории человечества – создания современных точных наук.

Otto Neugebauer, *The Exact Sciences in Antiquity* (Harper Torchbooks), 1962, pp. 91, 171

Какой бы примитивной и материалистической ни казалась египетская концепция загробной жизни, следует признать, что именно она была ответственна за создание величайших художественных шедевров древности.

I. E. S. Edwards, *The Pyramids of Egypt* (Penguin), 1964, p. 52

Рис. 4. Египетская религия не была формой зоолатрии или поклонения животным. Египетские мудрецы признавали животных «характерными прообразами», воплощениями тех или иных принципов (характеристик, которым, несмотря на нашу науку, мы все еще отдаем общее словесное уважение: «хитрая» лиса, «жадная» свинья, «ревнивая» собака и т. д.). Никому и в голову не придет сказать, что он чувствует себя «свободным, как слон», но «свободен, как птица» понятно каждому. Хотя слон, строго говоря, не менее свободен.

В Египте птица олицетворяла принцип изменчивости, в конечном счете «дух». И Ба, дух мужчины или женщины, изображался как птица с человеческой головой, интересное исключение из правила, которое в остальном нарушается только фигурой Сфинкса – который не египетского происхождения. Обратите внимание, что у покинувшей мир живых две правые руки, ее роль в этом случае полностью активна; две левые руки принадлежат ее Ба.

В глазах греков египтяне славились мудростью. Со временем, когда мы узнаем больше о египетском разуме и его продуктах, становится все труднее понять это... Египетский разум был практичен и конкретен и мало или совсем не интересовался спекуляциями относительно окончательной природы вещей. Теология, например, состояла из множества мифов и легенд, в которых сохранились деяния богов, не лучше и не хуже, чем в любом другом пантеоне... Дело в том, что египтяне никогда не отделяли философию от самой грубой теологии.

T. Eric Peet, *The Present Position of Egyptological Studies* (Oxford), 1934, p. 18

Прежде чем мы сможем полностью объяснить крайнюю условность, «даже монотонность» древнеегипетской архитектуры, необходимо принять во внимание несколько факторов. Добыча и обработка материала, по-видимому, находились в руках государства. Поэтому было естественно, что, когда методы работы были установлены, тенденция к жесткой системе, общая для всех бюрократий, должна была развиваться и стать настолько кристаллизованной, что мы видим в Египте те же самые вещи, сделанные таким же образом как у самых ранних династий до периода римской оккупации, периода около 3500 лет.

Somers Clarke and R. Engelbach, *Ancient Egyptian Masonry* (Oxford), 1930.

...произведения скульптуры и живописи в Египте часто очень похожи по составу деталей, а иногда и прямые копии других работ, особенно во времена XXVI династии, когда в качестве моделей были взяты достижения Древнего Царства. Архитектура, однако, не показывает такого рабского копирования, и два разных здания редко, если вообще когда-либо, имеют одинаковые характеристики и размеры ...каждый выступ или фасад и каждая колонна или рисунок не только несут печать индивидуального дизайна, но и различаются по масштабу.

A. Badawy, *Ancient Egyptian Architectural Design* (University of California), 1965, p. 3

В своей статье на эту тему ("Death of Cleopatra VII", *Journal of Egyptian Archaeology*, V.47; 113–118) Дж. Гвин Гриффитс приводит различных классических авторов в защиту своего убеждения, что Клеопатра использовала двух змей вместо одной для своего самоубийства. Я хотел бы оспорить некоторые из его толкований и предположений.

B. Baldwin, *Brief Communications*, *Journal of Egyptian Archaeology* 50, p. 181

В JNES (*Journal of Near Eastern Studies*) 22 (1963, 167172) д-р Венте отвергает мою точку зрения, что плененный вождь, изображенный в храме Рамзеса III в Мединет-Абу, был из народа Шекелеш. Несмотря на то, что он твердо убежден в том, что это вождь народа Шасу, на мой взгляд, многое говорит в пользу Шекелеш.

G. A. Wainwright, 'Shekelesh or Shasu', *Journal of Egyptian Archaeology* 50, p. 40

ТРОПОЮ ПИФАГОРА

Развитие традиционной египтологии в историческом контексте

Самые ранние сведения о Египте дошли до нас от греческого историка Геродота, посетившего Египет около 500 года до нашей эры. Хотя многое из написанного оказалось правдой, доли выдумки в его рассказах ничуть не меньше; Геродот, не задумываясь, передает реальные и фантастические истории, рассказанные ему древней версией туристических гидов, которых он принял за храмовых жрецов.

Как и многие путешественники после него, Геродот восхищался увиденными шедеврами архитектуры. Но ни он, ни кто-либо из его последователей не имели доступа к тем, кто отвечал за их строительство. Так на протяжении всей истории путешественники по землям Египта записывали свои впечатления в соответствии с личной интерпретацией. Но истинная природа египетского знания, заключенного в непонятных иероглифах, так и оставалась тайной. Современные египтологи справедливо утверждают, что до расшифровки иероглифов не было никакой возможности понять Египет.

В конце XVIII века Наполеон вторгся в Египет с солдатами и учеными, полный решимости раскрыть тайну и построить империю. Рассказы о его открытиях, проиллюстрированные прекрасными, точно выполненными рисунками, впервые поведали о египетской цивилизации европейской публике, и интерес к ней возрос, когда одаренные ученые стали состязаться в попытках расшифровать иероглифы. И только в 1822 году, почти через тридцать лет после наполеоновской кампании, был найден ключ к их пониманию.

В двенадцать лет Жан-Франсуа Шампольон был убежден, что расшифрует иероглифы. Он намеревался овладеть всеми древними и современными языками, которые, по его мнению, приведут к этой цели. Разгадка заключалась в Розеттском камне, птолемеевской реликвии, где одна надпись была записана иероглифами, демотическими знаками (своего рода стенографической или народной формой иероглифов) и греческим алфавитом. Вернувшись через греческий язык к иероглифам, Шампольон в конце концов нашел ответ или, скорее, частичный ответ. Родилась египтология.

До открытия Шампольона многие ученые исходили из разумного предположения, что цивилизация, способная сотворить такую систему письма, должна была обладать высоким уровнем знаний. Некоторые сделали здравые наблюдения, которые были впоследствии забыты или проигнорированы перед лицом очевидно показного, повторяющегося, примитивного и бессвязного характера перевода иероглифов.

Ранние переводы настолько резко контрастируют с последними, что трудно поверить, что так мало ученых смогли подвергнуть сомнению этот парадокс. Но «доказать» шедевр, конечно, невозможно. Кто знает, тот поймет. Эмоциональные и психологические факторы, в большей степени чем наука, слились воедино, создавая современную египтологию.

Как египтяне построили такое огромное сооружение, как пирамиды? Мы даже сейчас не знаем всех подробностей. Из того, что до нас дошло, ясно, что они использовали огромные известняковые блоки, но все еще непонятно, как им удалось передвигать один блок через другой, и то, как поддерживаются стены и потолок внутренней камеры... Очевидно, они использовали блоки и веревки, чтобы поднять их, но даже в этом случае точный метод возведения объектов, таких больших и тяжелых, высотой в сотни футов без подъемного крана до сих неизвестен.

Colin Ronan, *Lost Discoveries* (MacDonald), 1973, p. 95

С астрономической точки зрения существует неопровержимый факт... это предельная точность в расположении объектов. Самый необычный результат найден в пирамиде Хеопса, но точность не меньше у Хефрена и Микерина... Такие точные значения, повторяемые во многих сооружениях, не могут быть случайными и свидетельствуют об определенных астрономических знаниях...

С математической точки зрения изучение пирамид, и особенно Великой пирамиды, открывает поразительные геометрические соответствия, а также числовые связи, которые заслуживают внимания. Но вся проблема состоит в том, чтобы установить, насколько строители были осведомлены об этих свойствах.

J. P. Lauer, *Le Probleme des Pyramides d'Egypte* (Payot), 1952, pp. 186, 190

Пирамиды и пирамидология

Из всех памятников Египта пирамиды всегда вызывали самый оживленный интерес и самые дикие теории. Поколения египтологов твердо заявляли, что пирамиды были построены по самым тривиальным и неверно истолкованным мотивам, что их размеры и пропорции случайны, а их величина есть не более чем пример раздутого эго фараонов. Но обывателей убедить не удалось, и все, что имеет привкус тайны, продолжает привлекать внимание.

Первые ученые утверждали, что пирамиды, и Великая Пирамида Хеопса в частности, были построены, чтобы воплотить в своих размерах и пропорциях богатство астрономических, математических, географических и геодезических данных. (Геодезия: отрасль прикладной математики, которая определяет фигуры и площади земной поверхности.)

Один из ученых Наполеона, Эдме-Франсуа Жомар, был особенно заинтригован этой теорией. Но в то время как некоторые из его расчетов подтверждали эту идею, другие никак не вязались с ней. Точное и полное измерение пирамиды было тогда невозможно из-за песка и обломков вокруг основания, и – как это обычно бывает в науке – данные, которые поддерживали преобладающую теорию, были сохранены, а ставящие ее под сомнение проигнорированы.

Однако в Англии идеи Жомара были подхвачены астрономом-любителем, математиком и религиозным деятелем Джоном Тейлором, который обнаружил множество поразительных совпадений между измерениями и пропорциями пирамид и недавно проверенными современными измерениями земли. Он не мог приписать это случайности. Однако, будучи догматиком, Тейлор верил в буквальную истину Библии и не мог заставить себя

приписать такое знание древним египтянам – народу, которому совсем не симпатизировали в Ветхом Завете (хотя, согласно Библии, Моисей постиг свою мудрость при дворе фараона). Учитывая его ортодоксальные взгляды, у Тейлора не было иного выхода, кроме как обратиться к идее прямого божественного вмешательства, и родилась псевдонаука «пирамидология».

Хотя идеи Тейлора изначально нашли лишь пару последователей, они дошли до королевского астронома Шотландии Чарльза Пиаци Смиа. Смит отправился в Египет, чтобы подтвердить доводы Тейлора. Измерения Смиа остаются самыми точными по сей день, и подтверждают гипотезу о том, что древние египтяне обладали передовыми астрономическими, математическими и геодезическими знаниями, которые воплотились в великолепной системе связанных весов и мер, наследие которой все еще широко использовалось во всем мире в виде бушелей, галлонов, акров и т. д.

Поскольку числа 1296 и 864 были ключом к разгадке астрономических и геодезических тайн Великой пирамиды, они могут в свое время разрешить тайны мезоамериканских пирамид. Совпадение или нет, но окружность 1 296 000 единиц имеет радиус 206 265 единиц и 20,6264 – это длина как английского, так и египетского локтя, при том еврейский шекель весит 129,6 грамма, а английская гиней 129,6 гранов, а мерило самого священного Храма Соломона – 1296 дюймов? Число 1 296 000 не только служило числовой основой для астрономических измерений, но и было излюбленным числом в мистической символике Платона.

Peter Tompkins, *Mysteries of the Mexican Pyramids* (Harper & Row), 1976, p. 256

Рис. 5. Уцелевшие блоки и облицовка на вершине пирамиды Хефрена дают представление о внешнем виде пирамид до их разграбления.

Рис. 6. Сведенные вместе блоки Великой Пирамиды Хеопса. Изготовленные из обработанного белого известняка, они имеют настолько ровный срез, которого трудно добиться в наше время. Острие перочинного ножа не может пройти между двумя блоками. В помещении храма подобные с большой точностью обработанные блоки весят до 10 тонн.

Самая очевидная причина, как полагают, кроется в религиозном фанатизме и основывается на эгоистических интересах человека. Мы слишком мало знаем о духовных концепциях, господствовавших 5000 лет назад, чтобы сказать, что именно побудило среднестатистического египетского земледельца уделять свое время и силы строительству пирамид... [Д-р Мендельсон поддерживает мнение о том, что проблемы охраны порядка и требования безопасности сделали бы невозможным строительство пирамид с помощью принудительного или рабского труда, поэтому работа должна была выполняться по доброй воле.] Мы можем сказать, что воскрешение фараона, обеспеченное погребением по особым правилам, было необходимо для загробной жизни простого человека... В целом можно задаться вопросом, действительно ли эзотерические религиозные концепции были более важны для создания эпохи пирамид, чем такие приземленные вопросы, как гарантия еды и мирное соседство... После четырех столетий судорожных попыток объединения и внутренних раздоров, настало время, когда боги Гор и Сет наконец-то обрели мир... Была заложена основа для *следующего великого шага в развитии человеческого общества – создания государства*. Пирамида должна была обеспечить возможность его достижения.

Как только становится ясно, что главной целью строительства пирамид была программа работы, ведущая к новому общественному порядку, религиозный смысл и ритуальное значение пирамид отступают на задний план. Если уж на то пошло, эти искусственные горы являются памятником прогресса человека в новом образе жизни – национальном государстве, которое должно было стать его социальным домом на ближайшие 5000 лет.

Государство, созданное четвертой династией, было ядром, из которого через бесконечное разнообразие экспансий *человечество достигло своего нынешнего положения*. [Доктор Мендельсон получил степень доктора физики в Берлинском университете в 1933 году – идеальное время и место, чтобы узнать, как национальное государство представляет собой апогей прогресса – Примечание автора.]

Dr. Kurt Mendelssohn, *The Riddle of the Pyramids* (Thames & Hudson), 1974, *passim*

Но, будучи таким же фанатичным догматиком, как Тейлор, Пиацци Смит не мог приписать египтянам высокую ученость; он тоже обратился к доводу о божественном вмешательстве. Вскоре после этого другой религиозный энтузиаст, Роберт Мензис, предположил, что система проходов Великой пирамиды была задумана как цепь пророчеств, из которой можно вывести дату второго пришествия Христа. С того момента пирамидология стала игровым полем для всех религиозных фанатиков. Любопытно, что теория англо-израэлитов (о том, что британцы произошли от одного из потерянных колен Израилевых) была одной из тех, на основе которых многие образованные викторианцы строили предположения и уделяли ей много своего времени и сил.

Пирамидология была предметом жарких интеллектуальных споров. Но в псевдонаучном контексте Смита эта теория держалась на идее "пирамидального дюйма", меры, придуманной Смитом и не проявленной ни в одном другом египетском памятнике или метрической системе. Когда идея была опровергнута еще более точными измерениями У.М. Флиндерса Петри, теория рухнула, хотя фанатики продолжали находить все более и более подробные пророчества в камере фараона. С наступлением космической эры духовные потомки пирамидологов (Эрих фон Деникен является наименее правдоподобным и поэтому самым успешным из них) продолжают предлагать новые фантастические назначения пирамид: они служили посадочными площадками для космических кораблей или были защитными барьерами для древних ученых, использующих энергию пояса Ван Аллена.

Излишне говорить, что эти теории не подкреплены конкретными доказательствами. Но если критерием для суждения о фантастичности любой из этих теорий является отсутствие доказательств, то есть одна теория, еще более причудливая, чем все фантазии пирамидологов и уфологов. Это теория

о том, что великие пирамиды были построены как гробницы, и только как гробницы.

В поддержку этой теории нет никаких прямых или косвенных доказательств. В то время как многочисленные маленькие пирамиды Среднего и Нового Царства Египта были явно и очевидно спроектированы как гробницы и таили в себе изобилие мумий и гробниц, восемь «великих» пирамид, приписываемых третьей и четвертой династиям Древнего Царства, не обнаруживают никаких признаков ни гробниц, ни мумий. Структура этих огромных строений во всех отношениях отличается от более поздних гробниц. Разнообразные наклонные проходы меньше всего подошли бы для сложных погребальных ритуалов, которыми славился Египет. Скромные помещения «гробниц» резко контрастируют с богато украшенными и резными залами позднего Египта. Кроме того, считается, что восемь великих пирамид были построены во времена правления трех фараонов (хотя это оспаривается из-за отсутствия прямых доказательств, приписывающих эти пирамиды конкретным фараонам). В любом случае это не объясняет наличие более чем одной великой пирамиды на каждого фараона, исключая спекуляции о нескольких захоронениях. Египтологи, а вслед за ними и историки, отказываются рассматривать возможные альтернативы теории «только гробниц», независимо от того, насколько легче их доказать. В чем же тогда привлекательность этой недокументированной, маловероятной и неоправданной гипотезы? Я считаю, что дело в ее прозаичности и тривиальности. В египтологии, как и во многих современных дисциплинах, на все вопросы дают «рациональные» ответы. Если нет доказательств, позволяющих дать такой ответ, обычным решением является тривиализация тайны. Во многих академических кругах простота – синоним разума.

Учитывая эту страсть к упрощению, необоснованные

утверждения пирамидологов имели серьезные последствия. На протяжении всего развития египтологии, начиная с Жомара, квалифицированные, серьезные и здравомыслящие ученые оспаривали преобладающие предубеждения и широко распространенную решимость считать египтян недалекими. Биот, Локьер и Проктор, профессиональные астрономы, выдвинули серьезные теории, свидетельствующие о высоком уровне астрономических знаний египтян. Локьер, которого высмеивали за предположение, что Стоунхендж был построен для астрономических наблюдений, доказал, что пирамиды могли практически служить для сбора точных астрономических данных.

Во многих других областях специалисты также свидетельствуют о высоких знаниях египтян. Но сенсационные заявления Смита, Мензиса и их преемников привлекли всеобщее внимание и позволили последователям традиционной египтологии очернить любую инакомыслящую теорию клеймом пирамидологии. Компрометирующие рассуждения Локьера и других были проигнорированы.

Тем временем была опубликована теория эволюции Дарвина.

Когда возникла египтология, большинство ученых, как послушные сыны Просвещения, были атеистами, материалистами или только номинально считались последователями религии. Большинство были убеждены, что олицетворяют собой апогей цивилизации. Но этот процесс еще не рассматривался как неизбежный и идущий сам сам по себе; самые известные умы того времени еще не считали себя передовыми обезьянами. Еще не было еретическим предположением, что древние люди действительно что-то знали.

Но по мере того как теория эволюции превращалась в догму, становилось (и остается) невозможным приписывать точные знания древним культурам, не подрывая веру в прогресс. Поэтому вместе с пирамидологами, неспособными подкрепить здоровое

понимание железными аргументами, многие ранние египтологи, которые были понимающими людьми широких взглядов, постепенно теряли почву под ногами. Оглянувшись назад, можно заявить, что это было неизбежно.

Разумеется, в наших знаниях есть огромные пробелы, но я считаю, что происхождение жизни теперь можно плодотворно обсуждать в рамках современной химии и эволюционной биологии. С самого начала следует признать, что до сих пор непонятно, каким образом происходили реакции конденсации на первобытной земле... А именно то, как удалось преодолеть огромный разрыв между самыми сложными неорганическими объектами и простейшими живыми организмами. Это интеллектуальный вызов проблеме происхождения жизни... Мы очень мало знаем о химии живых организмов, обитавших на земле три миллиарда лет назад... Условия, существовавшие на первобытной Земле, сильно отличаются от тех, которые обычно используются органическими химиками. Хотя многие компоненты клеток могут быть синтезированы в лаборатории, некоторые из наиболее важных до сих пор не могут быть созданы в пребиотических условиях. Еще труднее соединить простые органические молекулы вместе, чтобы образовать полимеры, похожие на белки и нуклеиновые кислоты.

Следовательно, предстоит проделать огромную работу, прежде чем мы сможем предложить единую полную теорию происхождения жизни и экспериментально доказать, что каждый шаг мог произойти на первобытной земле... Мы мало знаем о более поздних стадиях кода эволюции. Мы не знаем, является ли структура ДНК исторической случайностью или нет... Генетический код является результатом сложной серии адаптаций... Мы видим, что идея естественного отбора очень проста и что она полностью устраняет необходимость постулировать любую внутреннюю или внешнюю «волю», которая направляет эволюцию. ...Сегодня многим биологам закон естественного отбора кажется почти тавтологией.

L. E. Orgel, *Origins of Life* (Chapman and Hall), passim, 1973

Если вы много читаете о рибосомах или бабочках и достаточно много думаете о том, как они стали такими, какие они есть, вы, вероятно, обнаружите, что используете идею естественного отбора, сами того не замечая, – или вы можете сдаться и стать мистиком... Замена слова «воля» словом «случайность» изменила наш взгляд на отношение человека с остальной Вселенной.

Ibid., p. 182

Доктор Ричард Докинз берет на себя слишком много (“Memes and the evolution of Culture”, 28 Oct., p. 208), когда говорит: «Все биологи сегодня верят в теорию Дарвина». Существует значительное меньшинство столь же квалифицированных биологов, которые отвергают эту теорию. Например, существует несколько сотен голосующих членов исследовательского общества креационистов, имеющих по крайней мере степень магистра естественных наук, среди которых много биологов, отвергающих теорию происхождения видов на научных основаниях.

J. H. Broughton, письмо редактору *The New Scientist*, Nov. 11, 1976, p. 355

Величайшие шаги в эволюции наименее понятны, поскольку сложности развития, скажем, фотосинтеза или теплокровности выходят за рамки сегодняшних простых математических моделей. Поэтому все еще есть потребность в чисто качественных аргументах о том, как произошли такие большие скачки вперед.

Елена Блаватская была женщиной огромной личной силы и необычайной учености. Она претендовала на синтез эзотерических традиций мира, но результат для некоторых читателей выглядит как конгломерат, нежели как синтез. Тем не менее, столетие спустя, некоторые из ее наиболее компрометирующих заявлений выглядят ярко пророческими, в то время как изначальное недоверие, порожденное ее экстатическим и запутанным стилем прозы, значительно ослабевает при перечитывании.

The New Scientist, July 29, 1976, p. 225

Все эти люди без исключения работали во тьме. Мистические и метафизические истины, питающие истинную цивилизацию, для Европы были покрыты мраком, огрубели или забылись (хотя Фенелон, Гете, Фехнер и несколько алхимиков сохранили свою традицию). Грубая наука того времени поддерживала унылую вселенную бильярдных шаров, постулируемую Лапласом. Тогда, как и сейчас, можно было войти в Шартрский собор и испытать непоколебимое убеждение, что в каком-то смысле именно здесь и заключен смысл человеческой жизни на земле. Но сто лет назад объяснить это убеждение, изложить его в понятных терминах было невозможно.

«Доказать» это все равно невозможно. Несмотря на коррумпированность и упадок, цивилизации Востока XIX века процветали по сравнению с Европой. Но они были доступны западным людям только через искаженные представления Блаватской или в книгах западных ученых, пронизанных прогрессивными представлениями о просвещении и, следовательно, слепых к внутреннему смыслу слов, которые они якобы передавали.

То, что сейчас легко доступно любому студенту, тогда было вне досягаемости самых эрудированных ученых. Невозможно было из первых рук изучить подлинные труды мастеров Дзен, суфиев, йогов, прочесть *Бардо Тхёдол*, *Дао Дэ Цзин*, *Добротолюбие*, христианских мистиков, алхимиков, каббалистов и гностиков, сравнить их с египетскими мифами и признать, что, помимо некоторых различий, существует связь, объединяющая все эти традиции.

В то же время большинство людей не могли признать истинную природу «прогресса». Творческие люди, которые на Западе в особенности служат чувствительными нервными окончаниями общества, обманывались реже. Гете, Блейк, Кьеркегор,

Ницше, Мелвилл, Шопенгауэр, Новалис, Достоевский и некоторые другие видели прогресс таким, каким он был на самом деле; но они представляли собой бессильное меньшинство. Чтобы верить в «прогресс» сегодня, человек должен быть сумасшедшим.

Сто лет назад было еще достаточно бесчувственности. С исторической точки зрения египтология является неизбежным продуктом своего времени. Оглянувшись назад, мы видим, что ни один ученый или группа ученых не смогли бы распознать истинный Египет столетие назад. Для этого прежде всего были необходимы достижения современной науки вместе с мистическими учениями Востока и разум, способный применить обе разновидности знания к руинам Египта.

Оглядываясь назад, нельзя не восхищаться геркулесовым трудом египтологов – раскопками, в которых они стирали руки до кровавых мозолей, восстановлением руин, сбором, сопоставлением и классификацией данных, гигантским трудом по расшифровке иероглифов и скрупулезным вниманием к деталям во всех областях на каждом уровне. В то же время трудно понять, каким образом эти ученые пришли к своим выводам, учитывая характер материала в их распоряжении. Заявление Людвиг Борхардта, одного из самых трудолюбивых и плодовитых египтологов, отражает ситуацию в одном предложении. В 1922 году, доказав, что египетские пирамиды ориентированы по сторонам света, расположены и выровнены с точностью, которую сегодня невозможно превзойти, Борхардт пришел к выводу, что египетская наука во время строительства пирамид еще находилась в зачаточном состоянии.

Символическая интерпретация Египта

Обширная работа Шваллера де Любича *Храм человека* была опубликована в 1957 году. Хотя на первый взгляд кажется, что картина Египта полностью расходится с той, которую предлагают академические египтологи, детальное исследование показывает, что в некоторых случаях его работа превосхищена в находках его предшественников. Этой работе часто приходилось оставаться в стороне, в то время как менее здравые теории получали превосходство. В иных случаях за последние два десятилетия египтологи подтвердили теории Шваллера де Любича во многих областях, хотя и не признали их источником. (Это может быть преднамеренным, а может и нет. Нет никаких веских причин, по которым ученые не могли бы прийти к аналогичным выводам самостоятельно).

Но, помимо этого сходства, *Le Temple de l'Homme* уникален, поскольку он дает полную, последовательную доктрину, объединяющую искусство, науку, философию и религию в единый свод мудрости, который может объяснить цивилизацию Древнего Египта во всей ее полноте. Вопиющий парадокс примитивных, тупоголовых некрофилов, создающих беспрецедентные художественные и архитектурные шедевры в течение четырех тысячелетий, полностью исчезает в свете его интерпретации. Символическая интерпретация также вполне естественно объясняет удивительную полноту египетского искусства, архитектуры и религии на протяжении всей его долгой истории — целостность, которую до Шваллера де Любича ученые могли приписать только "традиционности". Более того, по мере того, как идет работа в различных областях современной науки, в антропологии, археологии, лингвистике и многих других дисциплинах, появляются новые факты, выдвигаются

все новые теории, которые прямо или косвенно связаны с символической картиной Египта.

И пусть неосведомленный читатель никогда не узнает об этом из случайного чтения научно-популярных журналов или прессы (даже так называемой «ответственной» прессы), настоящая революция в человеческой мысли уже происходит (компенсируя интенсивностью то, чего ей, возможно, не хватает в цифрах).

Этот факт еще не нашел своего отражения в большинстве школьных учебников или даже в головах и сердцах большей доли работающих учителей и ученых, но наука и образование эффективно опровергли механистические и эволюционные гипотезы, на утверждение которых было затрачено так много усилий.

Это интересная и, возможно, уникальная ситуация в истории человечества. Работа Шваллера де Любича в правильных руках может сыграть важную роль в формировании нового общества. Ибо, хотя *Храм человека*, на первый взгляд, относится к древней и чуждой цивилизации, эта цивилизация обладала глубоким и точным знанием принципов, ответственных за творение Вселенной. Именно этого знания не хватает современной науке. При всех своих успехах в изучении и измерении механизмов явлений Вселенной, принципы ее возникновения почти так же неизвестны, как и в начале современной науки. Удастся ли ученым и учителям проявить необходимую способность к смирению и обратиться за наставлениями к древней и исчезнувшей цивилизации, еще предстоит выяснить. Между тем картина Египта, явленная Шваллером де Любичем, ясно показывает, что именно полное понимание этих принципов, функций и процессов ответственно за форму и структуру египетского общества и за все его духовные работы.

Существует огромная трудность примирения якобы необъяснимых явлений, которые воспринимаются как паранормальные, со взглядом академических ученых, которые так обеспокоены этим, что ведут себя очень враждебно; некоторые не смогли наблюдать за выступлением Геллера, чтобы избежать любого шанса их убедить. Это положение «засунуть голову в песок и молчать» впустило в паранормальную область много людей, которые работают в направлении разрушения установленной науки. Это люди, которым не нравятся современные теории физики, химии или астрономии, потому что они не согласуются с их глубоко укоренившейся верой в более экстремальные паранормальные явления, такие как общение с духами умерших или с разумными существами из космоса.

Такое отношение может привести только к расколу, который еще больше отделит научное сообщество от тех, кто активно занимается паранормальными явлениями. Поскольку иррациональное и мистическое очень популярны в наши дни, может показаться, что в этом конфликте пострадает только наука. Это было бы катастрофой: растущая культура невежества способна завести человечество в новые темные века, если все это не прекратится достаточно скоро.

Те, кто надеется понять мир как можно более *рационально*, не должны быть полностью подавлены ... Как только появится причинное объяснение, рациональное представление сохранится... Многие ученые сейчас всерьез интересуются этими явлениями и считают, что они вносят свой вклад в полезную работу. Мы можем надеяться, что вскоре картина станет намного яснее: когда туман развеется, я надеюсь, что мы все еще будем наблюдать рациональный мир. [курсив автора]

John Taylor, Science and the Paranormal, *The Listener*, Dec. 6, 1973

Р. А. Шваллер родился в Эльзасе в 1891 году. Обучаясь математике и химии, он с раннего возраста увлекался философией и мистическими духовными направлениями. Он был официально усыновлен литовским князем и поэтом О. В. де Любичем Милошем за работу, выполненную от его имени во время Первой Мировой Войны, и добавил к своему имени почетное «де Любич». В 1920-х и 1930-х годах он посвятил себя ряду математических, мистических, алхимических и научных исследований; экспериментам с растениями, металлами и цветным стеклом; и попыткам воплотить свои идеи в жизнь с рядом единомышленников. Но пока случай – или, точнее, судьба – не привела его в Египет в 1937 году, у него не было сознательного намерения разрешить парадокс, который он поставил.

Стоя перед храмом Луксора, он испытал одну из тех вспышек глубокого прозрения, которые так часто сопровождают открытие; он был уверен, что видит в этих огромных асимметричных руинах преднамеренное изменение пропорций. Он увидел в Луксоре Парфенон Египта.

Это убеждение прямо противоречило общепринятому египтологическому взгляду на храм Луксора, имеющему четкое объяснение его уникального асимметричного строения.

Как четко понял единственный из греков, Платон, египтяне по сути были народом лавочников, и интерес к какому-либо вопросу или спекуляция на нем были совершенно чужды их разуму. [Строго говоря, это неточность. Деньги как таковые были неизвестны в Египте. Более спекулятивные греки обычно удостаиваются чести их изобретения. Примечание автора.]

T. Eric Peet, *The Rhind Mathematical Papyrus* (Hodder & Stoughton), 1923, p. 10

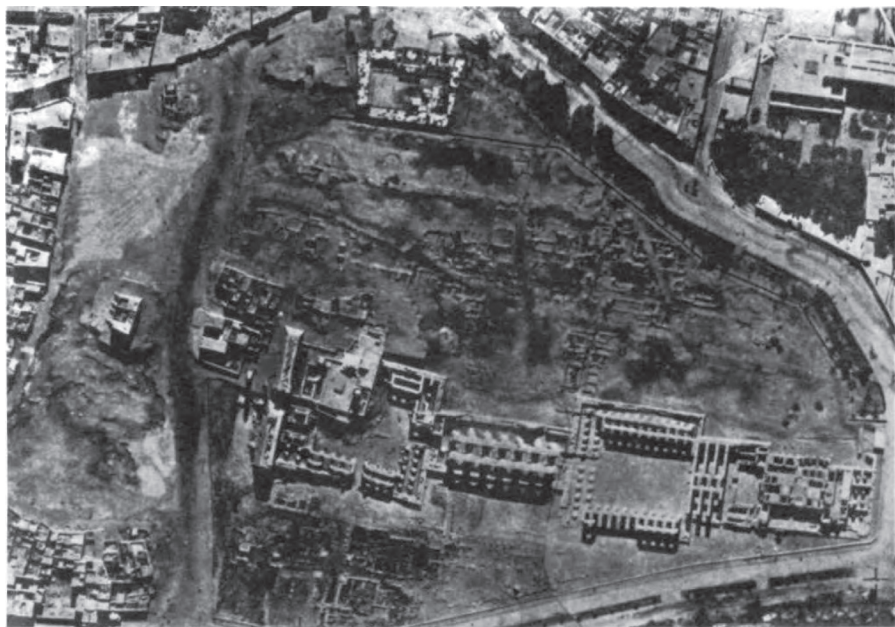

Рис. 7. Снимок с высоты наглядно демонстрирует уникальный асимметричный план Храма Луксора.

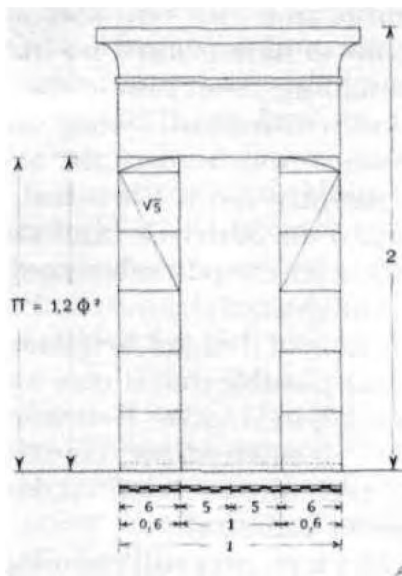

Рис. 8.

Анализ Шваллером де Любичем этого египетского входа в храм дает неоспоримое доказательство знания числа π . Хотя можно утверждать, что отношение высоты 2:1 к ширине может быть произвольным, сложнее использовать совпадение для объяснения высоты проёма, которая составляет $1,2 \Phi^2$ (Φ = Золотое сечение) или π . Совпадение ли, что этот типичный египетский вход напоминает глиф «П», который греки позднее выбрали для « π »?

Египетская математика считалась примитивной и должна была иметь чисто практическое применение, связанное с разделением земли и распределением хлебов и мер хлеба. Считалось, что египтяне не понимали законов гармонии и пропорций и не знали о существовании иррациональных чисел.⁶ Считалось, что все это придумали греки. (Ученые оспаривали и до сих пор оспаривают не столько степень греческих знаний в этих областях, сколько степень применения этих знаний.)

Открытие иррационального и законов гармонии и пропорций приписывалось Пифагору, подозрительно полулегендарному мистик и математику (ок. 580–500 гг. до н. э.), который был ответственен и за развитие пифагорейского мистицизма чисел: теории, согласно которой числа имеют *исконный, предвечный смысл*. Хотя эта теория была предметом насмешек среди современных ученых, она переживает сильное возрождение и понимается в контексте как инструмент, и возможно, лучший инструмент понимания мира, в котором мы живем.

⁶ Иррациональные числа – это числа, которые не могут быть представлены в виде обыкновенной дроби.

Космология Филолая понималась и понимается как гелиоцентрическая система и приписывается Пифагору. Это легенда, происхождение которой позднее, чем появился Коперник. И важно показать, насколько это необоснованно, ибо если знание гелиоцентрического движения восходит к Пифагору, то необходимо постулировать предшествующее задолго до того научное развитие; история развития человеческого духа приняла бы совершенно иной аспект, чем тот, который мы до сих пор знакомы.

Jules Sageret, *Le Systeme du Monde des Chaldeens a Newton* (Librarie Felix Alcan), 1913, p. 66

Аристарх Самосский ... наиболее известен своим предвосхищением системы Коперника. Гелиоцентрическая гипотеза Аристарха имела мало успеха в античности. Астрономы отвергли гелиоцентрическую гипотезу на научных основаниях. [Аристарх, как и Филолай, был пифагорейцем. Примечание автора]

Morris R. Cohen and Israel Edward Drabkin, *Source Books in the History of the Sciences* (McGraw-Hill), 1948, pp. 107, 109

Есть еще больше оснований подчеркнуть важность древнегреческих взглядов на механизм мышления, особенно взглядов Платона и Аристотеля. Ибо их мнения и их авторитет, освященные и догматизированные ранними христианскими отцами, стали той неоспоримой истиной, которая сковывала разум человека в Средние века и замедляла движение цивилизации до робкого ползания.

Colin Blakemore, *The Listener*, Nov. 11, 1976, p. 596

Влияние *Тимея* на более поздние времена было огромным и по существу вредоносным. Многие ученые были обмануты, приняв фантазии этой книги за евангельские истины. Это заблуждение препятствовало прогрессу науки, и Тимей до сих пор остается источником мрака и суеверий.

George Sarton, *History of Science* (Norton), 1970, p. 423

Оготеммели ничего не имел против европейцев. Он даже не жалел их. Он оставил их на произвол судьбы в землях Севера.

Marcel Griaule, *Conversations with Ogotemmeli* (Oxford University Press), 1965 p. 17

Связь между пифагорейством и оккультизмом средневековья и Возрождения прослеживается в следующем отрывке из *Каббалы* Агриппы: Боэций сказал: «Все, что с начала вещей было создано Природой, видимо, образовано в соответствии с числовыми отношениями, исходящими из мудрости Творца. Числа являются ближайшими и простейшими отношениями с идеями Божественной Мудрости... Сила чисел в живой природе заключается не в их именах и не в числах как счетных элементах, а в числах воспринимающего знания, строгого и естественного... Тот, кто преуспееет в соединении обычных и натуральных чисел с божественными числами, будет вершить чудеса через числа».

M. Ghyka, *The Geometry of Art and Life* (Sheed and Ward), 1946, p. 118

Пифагореизм в истории

На протяжении всей западной истории учение Пифагора вело разнообразную, но уважаемую деятельность. Пифагор создал свою школу и набрал последователей для применения своих математических, философских и гармонических теорий в моральной и практической сферах повседневной жизни. В течение десятилетий она распалась, но небольшие группы и отдельные личности продолжали считать себя пифагорейцами.

Мистицизм чисел стал вырождаться или рассеиваться, но пифагорейские принципы ритма, гармонии и пропорции продолжали оказывать важное, иногда преобладающее влияние в искусстве и архитектуре; эти принципы имели (и имеют) смысл для всех людей, чей личный опыт внушал веру в исконный порядок вещей. На протяжении всей западной истории великие таланты были явными или неявными пифагорейцами.

Платон, особенно в *Тимее*, показал себя пифагорейцем, как и неоплатоники Александрии в третьем, четвертом и пятом веках н. э. Раннехристианская церковь, по-видимому, не проявила никакого интереса, но Боэций на развалинах Рима в VI веке собрал то, что осталось от пифагорейского учения, и записал его, прежде чем быть забитым до смерти Теодорихом. Хотя Боэций, судя по всему, не был христианином, он пользовался большим уважением церкви, и пифагорейство никогда не было полностью изжито.

Вероятно, часть этого знания была унаследована Исламом от поздних неоплатоников и поддерживала это пламя; и кажется невозможным, что оно могло выжить, более или менее сокрытым в гностических, герметических и алхимических обществах. Во всяком случае, оно сохранилось (или, возможно, было переформулировано заново через прямое откровение),

Смысл самой «симметрии» был забыт и заменён современным.

Именно во Франции это академическое окаменение развило самые худшие симптомы. Роль Геометрии, самой концепции упорядоченного размещения, подверглась нападкам, и манифест *геометрической школы* был запущен Перро в следующей тираде:

«Причины, заставляющие нас восхищаться прекрасными произведениями искусства, не имеют никакого другого основания, кроме случайности и причуды создателей, так как они не искали причин, чтобы придать вещам форму, точность которой не имеет никакого значения».

Но Палладио, Кристофер Рен, братья Адам и Габриэль думали иначе, как и крайне научные архитекторы барокко в Италии, Испании и южной Германии, внедрившие эллипс и логарифмическую спираль в устройство своих «метафизических театров».

Ibid, p. 153.

Главные умы нашей западной цивилизации, начиная с Платона, воспринимали аналогии, постоянное сходство между вещами, структурами, образами. Если аналогия находится в основе динамической симметрии, эвритмии и модуляции, как в пространственном искусстве, так и в музыкальной гармонии, она также доминирует в литературе, ведь метафора является лишь краткой и неожиданной аналогией... Структура, паттерн, с одной стороны, и метафора, с другой, могут привести к символу, явному или завуалированному, как мы видели, замечая связь (фактически «анalogии») между регулирующими диаграммами и мандалами, действующими на сознательном или подсознательном плане, или на обоих.

Ibid., p. 173

поскольку раскрылось и расцвело в готических соборах.

Здания соборов по-прежнему окружены тайной. Применявшиеся методы строительства не были частью христианской традиции до того времени; эффект, созданный соборами, не походил на что-то, виденное прежде, и никто по сей день не уверен, откуда пришло знание. Строители соборов появились во Франции в XI веке. В течение следующих трех столетий движение широко распространилось в Европе и установило ее господствующий дух, а потом, казалось, исчезло так же внезапно, как и появилось. В более поздних соборах (например, в Соборе Святого Петра в Риме, Соборе Святого Павла в Лондоне) духовное влияние не одно и то же; все это замечают.

Этот эффект не является случайностью. Не является он и следствием величины размера: современные структуры не могут передать аналогичный эффект, хотя, возможно, Эмпайр Стейт Билдинг и вокзал Ватерлоо действительно передают ощущение «священного» технократам и финансистам.

Соборы «работают» как Парфенон и Тадж-Махал, потому что тот, кто их создал, обладал точным и глубоким знанием универсальных гармонических, ритмических и пропорциональных законов, а также столь же точным и глубоким знанием того, как использовать эти законы для создания желаемого эффекта.

Эпоха соборов представляет собой вершину европейской цивилизации. Точные знания, необходимые для строительства соборов, были таинственным образом утрачены или рассеяны, чтобы никогда больше не стать видимой живой силой на Западе. Но они просочились вновь через строительные гильдии, алхимиков, каббалистов, розенкрейцеров и масонские ордена, с деятельностью которых Шваллер де Любич был хорошо знаком.

В поисках фи

Ранние источники утверждали, что Египет был родиной геометрии. Хотя биография Пифагора является фрагментарной, вторичной и, следовательно, ненадежной, все сходились на том, что Пифагор приобрел большую часть своих знаний на Востоке.

Долгое время велись споры о том, были ли пропорции Великой Пирамиды преднамеренными или случайными. Высота пирамиды находится в точном отношении π к периметру основания. π (3.1416...) – это трансцендентное, определяющее отношение между диаметром окружности и ее длиной. В то же время π связано с другим, более интересным, иррациональным значением ϕ , так называемым золотым сечением. Было замечено – и проигнорировано египтологами — что не только Великая пирамида, но и другие пирамиды также использовали различные отношения ϕ при строительстве.

Поэтому Шваллер де Любич решил выяснить, были ли отношения ϕ встроены в храм Луксора. Если бы это можно было доказать без всяких сомнений, то это подтвердило бы фрагментарные ранние источники и заставило бы пересмотреть уровень знаний древних. Если бы можно было доказать, что египтяне обладали передовыми математическими и научными знаниями, это бы показало – как многие подозревали – что знаменитый греческий интеллектуальный расцвет был лишь бледной и вырождающейся тенью того, что было известно ранее; это могло бы также помочь обосновать легенду, сохраняющуюся на протяжении всей истории и широко распространенную среди народов мира, что великие цивилизации существовали в далеком прошлом еще до Египта.

Рассматривая храм Луксора как египетский Парфенон, Шваллер де Любич видел в нем нечто большее, чем просто

упражнение в гармонии и пропорциях. Эстетика играла второстепенную роль в священной архитектуре прошлого. Греческий Парфенон был построен для Девы Афины (*Parthenos* означает «дева» по-гречески). Символизм Девы Марии широко распространен и чрезвычайно сложен, и он действует на многих уровнях. Но его фундаментальное метафизическое значение – сотворение *ex nihilo* – вселенной, созданной из ничто, из пустоты.

В некотором смысле повествования, найденные в гробницах знати и людей меньшего происхождения, возведенных ко двору, являются менее общепринятыми и более информативными, чем рассказы, отражающие правление государя. Но такие тексты далеко не распространены; из кирпичных гробниц Древнего царства в Гизе, Баккаре и каменных гробниц XVIII династии в Фивах ни одна из двадцати не рассказывает о каких-либо событиях, связанных с жизнью ее владельца.

С другой стороны, длинные последовательности почетных титулов почти неизменны; никогда еще не существовало смертных, столь влюбленных во внешнее признание и столь склонных щеголять эпитетами.

Sir Alan Gardiner, *Egypt of the Pharaohs* (Oxford), 1961, p. 57

Из этого объективного исследования видно, что египетская архитектура была спроектирована в соответствии с гармонической системой, основанной на использовании квадрата и треугольников. ... Имеются также достаточные свидетельства о часто встречающихся числах из ряда Фибоначчи в высоте и пропорциях строений. Тот факт, что и треугольник 8:5, связанный с квадратом, и ряд Фибоначчи дают близкое приближение к золотому сечению, доказывает, что египтяне узнали о свойствах этого соотношения еще в третьей династии.

Alexander Badawy, *Ancient Egyptian Architectural Design* (University of California), 1965, p. 183

В некоторых случаях размеры вдоль оси числа из ряда Фибоначчи 3, 5, 8, 13, 21, 34 ... даже до высоты 610 локтей (великий храм Амона в Карнаке) или близко приближаются к ним, в результате планирования имеет гармонию, основанную на треугольнике 8 : 5.

Ibid., p. 67

При всем своем аналитическом успехе наука в 1937 году была не ближе к разгадке тайны творения, чем во времена Ньютона. Но изучение математики на протяжении всей жизни – и особен-но математики чисел, гармонии и пропорций – убедило Шваллера де Любича в том, что, какими бы искаженными и размытыми ни были учения Пифагора, в своей чистой форме они содержали ключ к этой высшей тайне. Он также был убежден, что древние цивилизации обладали этим знанием, которое передавали в форме мифа, что объясняло поразительное сходство мифов во всем мире, в культурах, полностью изолированных друг от друга в пространстве и времени.

Центральное место во всех этих взаимосвязанных темах занимало любопытное иррациональное ϕ , Золотое сечение.

Шваллер де Любич считал, что если бы Древний Египет обладал знанием первопричин, то это знание было бы записано в его храмах не в явных текстах, а в гармонии, пропорциях, мифах и символах.

Первым шагом Шваллера де Любича к восстановлению этого якобы утраченного знания было изучение размеров и пропорций храма Луксора, чтобы найти преднамеренное использование пропорций. Шваллер де Любич отправился искать ϕ . Вскоре стало ясно, что его догадка оказалась верной. Но неуловимость и утонченность, с которыми применялись мера и пропорция, требовали соразмерного совершенствования техники со стороны

Шваллера де Любича и его команды. В конце концов работа заняла пятнадцать лет, проведенных в Храме Луксора.

Хотя Шваллер де Любич более или менее знал, что он искал, его интерпретация не привносит меры и пропорции, чтобы поддержать предвзятую теорию. Скорее, меры и пропорции навязывали такое толкование. Стоит также отметить, что все меры и данные контролировались и проверялись квалифицированными специалистами: Александром Варилем, молодым египтологом, который был покорен символическим подходом с самого начала, и который, по сути, бросил безопасную карьеру в египтологии, чтобы выступать в качестве представителя Шваллера де Любича; и Клементом Робишоном, архитектором, руководителем раскопок французской делегации египтологов в Каире.

... Иша и Вариль работали над текстами. Их исследования касались Аменхотепа III. Вариль, например, собирался изучить «придворных», чьи имена не казались ему случайными. Поэтому он и Иша работали над значением каждой буквы (или иероглифа). С г-ном де Любичем он обсуждал философские значения текстов, например, текста *Теогамии* или любого другого религиозного писания.

Иша работала над своей книгой *Her-Bak* и ежедневно показывала свою работу г-ну де Любичу для комментариев...

Для меня были: геодезия, измерение, рисование. К. Робишон помогал мне, когда нужен был тахеометр. Каждая часть внутреннего помещения храма и подходов к нему была измерена камень за камнем...

На специально напечатанных карточках мы записывали размеры каждой из фигур: высоту тела до пупка, лба, макушки и т. д. и сравнивали с современной человеческой биометрией, чтобы увидеть, какие основы были каноном фараонов.

Расскажу забавную историю. В то время я еще не умела читать иероглифы; я начала их изучать только в 1949 году. Однажды утром,

после измерения всей необычной сцены с правителем, которого сопровождала женщина, беглый подсчет показал, что владыке, согласно высоте его пупка пропорционально его росту, было около 12 лет. «Я знаю, что на востоке женятся молодыми», — пробормотала я, удивленная и встревоженная, — «но в двенадцать лет – это вроде бы слишком рано». Я думала, что эта женщина — жена молодого наследника.

Поэтому я настояла, чтобы Вариль определил «женщину», сопровождающую Аменофиса III. Сгорая от нетерпения, я дождалась ночи, когда мы оба доберемся до храма. Я ждала его вердикта, ведь если бы она действительно была его женой, это поставило бы под сомнение весь вопрос о целесообразности измерения высоты пупка пропорционально высоте всей фигуры (что давало ключ к возрасту человека)...

Факел медленно осветил имена. Итак, Вариль, давай я жду...

«Кто это?»

«Его мать».

Вот так. Теперь я могла продолжать заполнять бесчисленные карточки, не опасаясь, что зря трачу время... И это случилось в тот день, когда я была обеспокоена значением, показавшимся мне подозрительным!

Я позвала Робишона, который появился со всеми своими измерительными металлическими лентами: одна 50 метров, другая 30, две по 10 и так далее. Мы разложили их на полу, все метры были абсолютно одинаковыми, поэтому записи были правильными.

Затем мой *Шерит* (имя араба) подвергся испытанию и был растянут рядом с остальными. Лента, сделанная из армированной ткани растянулась... и предыдущую работу, естественно, пришлось переделать. Итак, мы вернулись к насторожившему меня месту: к двери и стене. Измеренная точной лентой, стена была ровно шесть сажень в длину, а дверь ровно десять королевских локтей, чего я и ожидала...

Вариль был поначалу очень осторожен, говоря об этом вслух, как и Иша, как и я сама. Он наблюдал месяцами, прежде чем «клюнуть» на это... Клемент Робишон был не менее благоразумен. Десять лет спустя он признался мне, что расставил несколько ловушек для господина де Любича, но тот так и не попал в них...

Вариль уже понял, что классическая версия пирамидальных текстов прискорбно обманчива. Было сложно признать, что прославленные «каннибалистические» тексты принадлежали таким изысканным и уточненным людям с самой первой династии. Глубокое значение образов должно было быть раскрыто другим способом чтения... Г-н де Любич и Иша вели с ним долгие обсуждения, из которых он вышел полностью убежденным.

Кроме того, Дриотон был первым, кто согласился с тем, что многие тексты, считавшиеся «историческими», в целом были лишь опорой сверхчеловеческого учения, основанного на образе так называемой человеческой истории. Этот мир преходящ, иной мир — единственная истинная цель существования, и во время земной жизни нужно знать, как достичь ее. Например, битва при Кадеше, несомненно, была на самом деле. В отчетах ряд строк конкретно определяет поселения, даже расстояния между важными метками, названия армейских укрытий, имена врагов.

Но помимо этих фактов, которые можно считать исторически истинными, существуют бесконечные "стихи", которые совершенно ошеломляют. ... Рамзес II, предупрежденный об огромной коалиции, собравшей всю Турцию вокруг хеттов, а затем и Месопотамию, верхнюю Сирию и кочевые племена бедуинов, собрал армию и пересек Палестину. Во время путешествия он получил сведения о вражеских позициях, и все уверяли его, что он найдет их в Алеппо. Рамзес, слишком уверенный в своих осведомителях, прибыл в Кадеш, не зная о поджидавшем его враге, и спрятался за холмами. Его первое войско разбило лагерь, но при этом было разоружено. Три других войска были отведены на расстояние около двадцати миль. Благодаря легкому маневру противника Рамзес оказался отрезанным от остального войска, в полном одиночестве, когда противник набросился на лагерь, убивая всех, кого пожелает.

Затем Рамзес II обращается с искренним воззванием к Амону; Амон воплощается в Царе, нанося удары направо и налево. Правитель один разбивает или бросает в Оронт тысячи колесниц и солдат... Историки охотно соглашались, что знаменитая *Поэма Пентаура*, повествующая об этой истории, «к сожалению, лишена какой-либо исторической ценности», и Дриотон добавляет, что договор, подписанный между

Рамзесом II и хеттами, «нигде (в поэме) не затрагивает суть; то есть соответствующие границы двух стран». (E. Drioton, *L'Égypte*, p. 408–411)

Почему же тогда бесчисленные изображения этой битвы покрывают стены храмов? И почему изображен правитель, угрожающий своей булавой, «букетом пленных», среди которых одни азиаты, а другие африканцы?

Длинные списки покоренных нубийских народов, украшающие колонны и храмы, изображения царя, убивающего чернокожего пленника, принадлежат скорее формулам из традиционной иконографии, чем истории. (*Ibid.* p. 377)

Таким образом, все сходится во мнении о неисторическом характере этих огромных барельефов; но опять же, зачем тратить столько времени и сил только на то, чтобы рассказывать небылицы? С классической точки зрения эти вопросы остаются без ответа. Но с философской точки зрения, напротив, можно увидеть возможность подхода и понимания этих проблем. Это-то и убедило Вавилу.

Личное письмо от Люси Лами; приемной дочери Шваллера де Любича

Шваллер де Любич утверждал, что египетская цивилизация основана на глубоком и точном знании тайн творения. Символическая интерпретация подкрепляет это утверждение двумя видами доказательств: первым лингвистическим, вторым математическим. В Египте язык и математика были просто двумя аспектами одной схемы. Но для того, чтобы удовлетворительно объяснить и описать эту схему, Шваллер де Любич считал необходимым рассматривать лингвистику и математику отдельно.

Вопрос тайны

Если бы египтяне обладали одновременно и высоким уровнем знаний, и способом их выражения или кодирования, подобным нашему, работа Шваллера де Любича была бы ненужной, и парадокс предполагаемых примитивных людей, создающих художественные шедевры, никогда бы не возник.

Дойдя до определенного уровня в каждом из искусств и наук Египта, знание становилось тайным. Правила, аксиомы, теоремы и формулы — сама суть современной науки и образования — никогда не предавались гласности и, возможно, никогда не были записаны.

Но вопрос о тайне сегодня понимается совершенно неправильно. Ученые сходятся во мнении, что большинство древних обществ (и многие современные, оставшиеся на прежнем уровне) открывали определенные типы знаний для избранных посвященных. В лучшем случае эта практика считается абсурдной и недемократической, в худшем — формой интеллектуальной тирании, с помощью которой класс жрецов-мошенников держал массы в состоянии безмолвного благоговения. Но древний разум был гораздо тоньше нашего. Были (и остаются) веские причины для сохранения определенных областей знаний в тайне, включая сакральные числа и геометрию; пифагорейскую практику, которая особенно бесит современных математиков.

Пять было священным числом пифагорейцев, и члены братства поклялись хранить тайну под страхом смерти. Мы знаем, что это тайное знание существует только потому, что оно просочилось в мир.

То, что Египет обладал этими знаниями, неоспоримо перед лицом гармонических пропорций его искусства и архитектуры, как показал Шваллер де Любич.

Тети, живущий вечно, жрец Пта, более уважаемый фараоном, нежели кто-либо из служителей, как покровитель *тайных дел*, которые должно было исполнить Его Величество ... [Курсив автора.]

James Henry Breasted, *Ancient Records of Egypt*, Vol. I (Chicago), 1906, p. 132

Требовал прийти, чтобы выполнить тайные работы... каждый подготовил одного из своих служителей, лучшего из мирских жрецов, который знает направления и искусен в том, что ему известно... Исполняйте *самые сокровенные вещи, те, что никто не видит, никто не знает, пока живет в своем теле* ... [Курсив автора.]

A. Badawy, *Ancient Egyptian Architectural Design* (University of California), 1965, p. 8

Я имел доступ ко всем писаниям пророков, и не было ничего, чего бы я не знал о том, что произошло до меня.

Сенмут, архитектор царицы Хатшепсут, по James Henry Breasted, *Ancient Records*, Vol. II (Chicago), 1906, p. 353

Это была не праздная болтовня, ибо Сенмут описывает на своей стеле архаический текст, давно потерявший свою изначальную форму. Некоторые из этих писаний описаны в кожаных свитках, таких как анналы, хранящиеся в храме Амона в Карнаке во времена Нового Царства, или свитки библиотеки храма Эдфу.

A. Badawy, *Op. cit.*, p. 6

Но среди групп, где традиция еще сильна, это знание, которое явно характеризуется как эзотерическое, является тайным только в условном смысле. На самом деле оно открыто для всех, кто проявляет волю к пониманию, до тех пор, пока их общественное положение и нравственное поведение считаются достойными.

Marcel Griaule, *Conversations with Ogotemmel* (Oxford), 1965, pp. xiv-xvii

Но, возможно, к несчастью, Египет умел хранить свои секреты гораздо лучше, чем греки, – настолько хорошо, что египтологи отказываются верить, что они существуют. Хотя по определению косвенные доказательства этого знания есть, и остается только понять действительные мотивы, стоящие за хранением такого рода (или любого рода) знания в тайне.

В мире водородных бомб, угрозы бактериологической войны и других ужасов прогресса очевидно, что знание опасно. Также самоочевидно, что древние не обладали технологией, способной высвободить такую жестокую силу. Однако если мы присмотримся повнимательнее к тому, как мы эмоционально и психологически подвержены влиянию – что, в свою очередь, делает предсказуемым нашу реакцию на определенные ситуации, – мы увидим, что за этим любопытным пифагорейским символизмом чисел скрывается опасное знание.

Произведение искусства, плохое или хорошее, представляет собой сложную вибрационную систему. Наши пять органов чувств сделаны так, чтобы улавливать эти данные в виде зрительных, слуховых, осязательных и, вероятно, обонятельных и мыслительных волн разной длины. Информация интерпретируется мозгом и вызывает реакцию, которая – учитывая большие различия между людьми – более или менее универсальна: никто не думает, что последняя часть Девятой симфонии Бетховена убаюкивает.

Опытные художники инстинктивно знают, что их творения отражают этот закон: вспомните знаменитую фразу Бетховена, сказанную во время работы над поздними квартетами: «Музыка – это более высокое откровение, чем философия». Но они не понимают точной природы этих законов. Они достигают мастер-

ства только через интенсивную дисциплину, врожденную чувствительность и длительный период проб и ошибок. Они мало что могут передать ученикам или последователям. Можно передать технику, но не «гений». Но в древних цивилизациях ранг посвященных обладал точным знанием гармонических законов. Они знали, как манипулировать ими так, чтобы добиться нужного эффекта. И они вписали это знание в архитектуру, искусство, музыку, картины, ритуалы и благоволия, создавая готические соборы, огромные индуистские храмы, все чудеса Египта и многие другие священные древние произведения, которые даже сегодня, будучи руинами, производят на нас сильное впечатление. Этот эффект вызван тем, что люди точно знали, что делают и почему они это делают: это было сделано исключительно с помощью комплекса манипуляций восприятием.

Теперь, если мы посмотрим на наш двадцатый век, мы не найдем шедевров священного искусства, но мы увидим бесчисленные примеры научно доказанных вредных эффектов, возникающих в результате неправильного использования сенсорных данных.

Пытки – это насилие чувственного восприятия. Люди знают о пытках очень давно. Но никогда прежде они не изучались с научной точки зрения. При анализе становится ясно, что пытка принимает две формы: сенсорную депривацию (одиночное заключение) и сенсорную сверхстимуляцию (привязывание человека к колоколу, дыбе и т. д.).

Сегодня также хорошо известно – и работа, которая ведется по сей день, выявляет все более тонкие и коварные последствия, – что стрессы и напряжения современной жизни наносят реальный и даже измеримый ущерб нашим эмоциональным и психологическим способностям. Люди сходят с ума, живя слишком близко к аэропорту или работая в непрерывном шуме фабрики. Офисные здания, которые слабо проветриваются

и широко используют синтетические материалы, создают атмосферу с нехваткой отрицательных ионов. Хотя это и не воспринимается органами чувств, в конечном счете это вибрационное явление на молекулярном уровне оказывает мощное, измеримо вредное воздействие: люди становятся подавленными и раздражительными, легко утомляются и теряют иммунитет к инфекциям. Инфразвуковая и ультразвуковая частоты работы разного оборудования в свою очередь оказывают мощное и опасное влияние. Дизайнеры сегодня знают о том, что разные цвета могут произвести благотворный или вредный эффект, хотя и не знают почему именно.

Интригующее представление о том, что слабые электрические поля могут влиять на поведение животных, подкрепляется докладом двух биологов из Института исследований мозга в Лос-Анджелесе... Какие именно фундаментальные механизмы могут лежать за этими эффектами, остается загадкой. Уровни полей слишком низки, чтобы вызвать тонкие связи (синапсы) между нервными клетками... Хроническое воздействие низкочастотных слабых электрических полей неуклонно возрастает, основными источниками которого являются линии электропередачи и любое электрооборудование. Поэтому все большее беспокойство вызывают возможные угрозы для здоровья.

New Scientist, May 27, 1976, p. 464

И вот в тот период такого рода моего существования я не раз стал подмечать, что в некоторые дни сила и степень моего «активного-мышления» особенно ухудшается... и с этого времени я начал следить внимательно как за собой ... я бесспорно убедился в том, что это нежелательное во мне состояние происходит всякий раз в те дни, когда бывает в действии наша большая «жизньчакан» («Жизньчакан» соответствует приблизительно тому, что на Земле называют «динамомашина»).

Г. Гурджиев, *Всё и вся*

По сути, повседневная жизнь городских жителей сегодня технически является видом мягких, но навязчивых пыток, в которых жертва и истязатели страдают одинаково. И все называют это «прогрессом». Исход похож на результат преднамеренных пыток. Духовно сильные признают вызов, встречают и преодолевают его. Остальные поддаются, становятся жестокими, апатичными, легко попадают под влияние; они рабски следуют за всем, что обещает освобождение от невыносимой ситуации, и легко склоняются к насилию или потворствуют давлению в том, что они считают своими интересами. Все это происходит из-за людей, исповедующих высокие идеалы, но не знающих о силах, которыми они манипулируют.

Бесспорно, все эти явления воспринимаются либо непосредственно через органы чувств, либо (как в случае единого пространства и сверхзвукового и ультразвукового влияния) через более тонкие физиологические рецепторы. Поэтому ясно, что они могут быть сведены к математическим знакам, по крайней мере потенциально. Древние не смогли бы создать водородную бомбу, даже если бы захотели. В то же время, хотя военное мышление и может считать убийство людей самоцелью, конечной целью войны является не столько геноцид, сколько психологическое завоевание врага. Одна лишь грубая сила неизменно вызывает бурную реакцию; тирании редко длятся долго, если они основаны исключительно на военной силе. Но когда враг психологически беспомощен, – правитель в безопасности.

Мы смотрим на наше общество и видим, что люди низведены до рабства чувственными и сверхчувственными явлениями, навязанными другими людьми, которые не знают, что делают. Мы можем легко представить ситуацию, в которой более мудрые, но в равной степени эгоистичные люди производят подобный эффект осознанно, посредством сознательного манипулирования чувствами.

В соборах, в сакральном искусстве и архитектуре прошлого мы видим, что знание гармонии и пропорции использовалось правильно, вызывая у всех людей, чьи эмоции не были навсегда искалечены или разрушены современным образованием, чувство священного. Поэтому не требуется много воображения, чтобы представить себе, что то же самое знание может быть использовано во вред. Потенциально можно было бы создать здания, танцы, песни и музыку, которые привели бы любое население к беспомощности. Это было бы нетрудно для людей, знающих тайны, поскольку люди, отрицающие их существование, производят подобные эффекты в двадцатом веке. И есть традиция, повторяемая на протяжении всей истории (хотя я не знаю конкретных доказательств), что Египет ослабел и в итоге пал из-за широко распространенного злоупотребления магией, которая в конечном счете является манипуляцией гармоническими явлениями.

Это лишь одна из веских причин для сохранения определенных типов математических знаний в тайне. Есть много других, относящихся к ходу развития и посвящения: человеку, неспособному хранить простую тайну, нельзя доверить более сложную, более опасную. Наконец, мы должны рассмотреть возможность того, что наш бесспорно развитый западный интеллект приобретает цену интуитивной и эмоциональной бесчувственности; в прошлом злоупотребление математическими знаниями могло быть более опасным, чем сегодня.

Во всех областях египетского знания основополагающие принципы хранились в тайне, но проявлялись в писаниях. Если это знание когда-либо было записано в книгах – а есть упоминание о священных библиотеках, содержание которых навсегда утрачено, – то эти книги предназначались только для тех, кто заслужил право обращаться к ним. Таким образом, в письменном виде мы имеем лишь несколько математических

папирусов, предназначенных для учеников и имеющих, по-видимому, чисто практический и бытовой характер: они связаны с проблемами распределения хлеба и пива среди n -го числа людей и т. д. Позже я вкратце покажу, как Шваллер де Любич доказывает, что эти школьные упражнения обязательно вытекают из высоких и точных теоретических математических знаний.

Нет астрономических текстов, но удивительно точная календарная система без всяких сомнений указывает на то, что египтяне обладали развитой астрономией. Нет текстов по географии и геодезии, но работа ряда ученых показала, что расположение и размеры Великой Пирамиды, гробниц и памятников, датируемых первой династией, а также вся сложная система египетских весов и мер не могла быть достигнута без точного знания окружности Земли, соединения полюсов и многих других географических деталей.

В медицине снова возникает проблема нехватки текстов, которая усугубляется техническими трудностями перевода. Но имеющиеся тексты намекают на совокупность устных знаний, в то время как письменные при ближайшем рассмотрении раскрывают глубокие знания анатомии, патологии и диагностики.

Наконец, наиболее убедительно то, что нет текстов, относящихся к архитектурным техникам. Египетские фрески изобилуют изображениями якобы повседневных занятий. (На самом деле, у них есть более глубокий смысл, но об этом позже.) Мы видим плотников, гончаров, писцов, рыбаков, лодочников, пивоваров — все занятия, которые обычно связаны с развитой ремесленной культурой. Но нигде в Египте не видно архитектора за работой. Ничто не указывает на то, каким образом были спланированы, спроектированы или выполнены грандиозные памятники Египта. Несколько тщательно продуманных фрагментарных папирусов доказывают, что планы существова-

ли – что неудивительно. Но ни слова о знаниях, лежащих в основе этих планов. Эти архитектурные знания существовали. Есть архитектура, которая это доказывает. Техническое мастерство египтян всегда было самоочевидным. Теперь столь же очевидно, что этому соответствовало глубокое знание гармонии, пропорций, геометрии и создания окружающих пространств. И ясно, что все эти знания, технические и теоретические, были тайными и священными, и эти тайны оберегались. Они проявились в писаниях Египта, где они могли произвести свое действие. Работа Шваллера де Любича состоит в абстрагировании от искусства и архитектуры в пользу глубокого математического и гармонического понимания, ответственного за внешний вид этих произведений, и в погружении сквозь запутанный и сложный вид иероглифов, мифологии и символизма к простой метафизической реальности, из которой перешла вся эта кажущаяся произвольной, но на самом деле последовательная и связанная сложность.

Шваллер де Любич подчеркивал символическое значение, присущее созданию пропорций всего Великого храма. Графический анализ во втором томе имеет превосходную точность. Возможно, не стоит заходить так далеко и сравнивать значение христианского собора с глубоко иным религиозным мировоззрением египтян. Можно также с большой осторожностью отнестись к идее о том, что различные области храма Луксора отражают стадии человеческого развития: что пропорции самого внутреннего святилища представляют собой пропорции «*nouveau ne*» [новорожденного] или что можно найти пропорции тела взрослого человека во всем комплексе, включая последние дополнения.

Тома Шваллера де Любича обычно не встречаются в библиографии какого-либо серьезного египтолога, однако его фундаментальная точка зрения на связь между символическим значением и использованием пропорций в долгосрочной перспективе не может быть исключена

из серьезного исследования. Его влияние на Робишона и Вариля, которые были особенно увлечены высшими смыслами египетского храма, привело к дальнейшему уточнению египетских раскопок и стало вкладом в забытые исследования символизма, пронизывающего всю египетскую архитектуру вплоть до каждого камня.

S. Giedion, *The Eternal Present* (Oxford), 1957, Vol. 1. p. 491

В 1950-х годах исследования Бадави и Р. А. Шваллера де Любича дали подробное представление о пропорциональной организации египетских строений... Бадави кратко изложил некоторые из своих идей... Египетские комплексы, такие как большие храмы Нового царства, которые росли путем аккреции – новые части добавлялись перед более ранними структурами – продолжали следовать той же схеме пропорций, даже если они были разделены несколькими столетиями. Бадави описывает эту систему как «гармоническое проектирование», основанное на определенных рекуррентных размерах, встречающихся в наземных планах и сечениях, которые могут быть выражены конструктивной диаграммой с использованием равнобедренных треугольников и квадратов. Обе системы, арифметика Фибоначчи и графическая схема золотого сечения были объединены для достижения гармонического облика в архитектуре по фиксированным правилам, способным передаваться ученикам без помощи письма.

Ibid., p. 490

Лингвистический тезис

Перевод иероглифов по-прежнему несет в себе трудности. В любом журнале по египтологии половина статей обычно посвящена нерешенным проблемам смысла, грамматики и синтаксиса. В настоящее время иероглифы можно «расшифровать», но несправедливо говорить, что их можно точно «перевести».

Сам Шампольон не верил, что открыл все, что скрывают иероглифы. Но смерть помешала ему следовать своим предчувствиям, и последующие ученые тоже не сделали этого, удовлетворившись уточнениями его первоначальной работы. Эта неудача привела к переводам, которые упускают дух и смысл текстов. Но поскольку египтологи не нашли метафизической основы всей египетской цивилизации, они приписывают несогласованность текстов скорее примитивному и «неразвитому» египетскому мышлению, чем своим собственным изначальным недостаткам.

Как это часто бывает с разгаданными тайнами, когда решение найдено, трудно понять, почему оно не было обнаружено давным-давно. И хотя символический ключ к иероглифам достаточно прост для объяснения и иллюстрации, он требует понимания, диаметрально противоположного аналитическому духу современной мысли. Аналитический ум восстает против символа, содержащего в одном знаке полную иерархию значений от буквального до абстрактного, и отказывается принять его. Иероглифы не так просты.

Любопытно, что египтологи строго придерживались абсолютно буквального перевода текстов, и лежащий в их основе символический смысл почти навязывался им; но, подходя к текстам рационально, пытаясь превратить их в эквивалент нашей «литературы», они, в сущности, скрывали этот внутрен-

ний смысл.

Итак, символ «птица» означает птицу. Но постоянное использование этого символа в священных текстах говорит о том, что буквальное значение не открывает всей правды. И вездесущий символ «души» (ба, птица с человеческой головой) дает ключ к разгадке символического значения слова «птица». Символ относится не только к физической птице, но и ко всем функциям и свойствам, которые содержатся в «идее» птицы: способность летать, подниматься над землей и, следовательно, принцип изменчивости, который в конечном счете подразумевает «дух». Когда в священных текстах египтяне старательно рисовали сцены, где люди набрасывают сеть на диких птиц, они не просто напоминали парящим бестелесным мертвецам об играх земли, но и выполняли магический ритуал, напоминающий им о требованиях духа; о необходимости поймать, «опутать сетью» изменчивые аспекты духовного «я». Неспособность понять как цель мифа, так и лежащую в его основе истину усугубляет нынешнюю печальную картину древнего Египта.

В соответствии с эволюционным мышлением, современные ученые рассматривают миф либо как своеобразную первую попытку примитивных народов рационализировать сбивающий с толку материальный мир, романтическую попытку убежать от суровых, физических реалий, или как неуклюжую творческую попытку передать исторические и политические события. Даже Юнг, который часто видел мудрость там, где другие видели лишь суеверия, приписывал универсальность мифа действию таинственного «коллективного бессознательного».

Шваллер де Любич приходит к противоположному выводу и обосновывает свое утверждение. Миф может быть самым ранним из известных способов передачи информации, связанной с природой Вселенной, но он также является самым точным, самым полным и, возможно, лучшим способом. Миф

Рис. 9. Тексты пирамид (а точнее Писание пришествия света), вырезанные великолепными иероглифами в пирамиде Унаса (пятая династия) в Саккаре.

драматизирует космические законы, принципы, процессы, отношения и функции, которые, в свою очередь, могут быть определены и описаны числом и взаимодействием между числами.

Определения:

Субъективность языка такова, что читатели будут неизменно ставить индивидуальные интерпретации на многие из постоянно повторяющихся ключевых слов в этом тексте. В каждом случае стандартные словарные определения настолько расплывчаты, что способствуют индивидуальному толкованию. Поэтому нижеследующие определения не являются всеобъемлющими или окончательными, но они, по крайней мере, служат для определения этих слов так, как они предназначены в настоящем контексте.

Действие:

Видимое следствие мистического, непроявленного изначального

разделения. Действие — это «причина» Вселенной. Изначальное действие есть одновременно и «реакция». Эзотерически действие есть восстание духа против его заточения в материи.

Функция:

специфика действия; его роль.

Процесс:

последовательность действий, характеризующаяся организованными функциями.

Паттерн:

схема процесса; способ, которым он проявляется.

Форма:

наблюдаемое следствие паттерна во времени и пространстве; кошка – жизненная форма; треугольник – абстрактная или идеальная форма.

Математический тезис

Второй тезис Шваллера де Любича — математический. И сознательное использование гармонических пропорций в искусстве и архитектуре, и числовая основа египетского мифа побудили его к детальному пересмотру пифагорейства и к построению системы мышления, согласующейся с архитектурными шедеврами Египта — империи, существовавшей четыре тысячи лет. Но для этой системы наш дискурсивный язык не дает удобного названия. Это одновременно философия, математика, мистика и теология. Чтобы понять ее правильно, ни один ее аспект не должен изучаться без учета других. В Египте совершенный храм допускал — и даже требовал — этой одновременности. Но для того, чтобы объяснить или описать все это на современном языке, мы должны сделать это по частям.

«Число — это все», заявляли пифагорейцы. Нам кажется странным классифицировать числа как «ограниченное, неограниченное; нечетное, четное; одиночное, множественное; правое, левое; мужское, женское; прямоугольное, изогнутое; светлое, темное, хорошее, плохое, квадратное, круглое». В равной степени странно называть пять числом «любви» и восемь числом «справедливости».

Это покажется менее странным, если мы рассмотрим мышление, которое привело к этим соотношениям. Тот факт, что человеческий разум может различать, доказывает, что число два имеет другое значение, нежели число один. Способность отличать подразумевает различие, а различие требует наличия обоих, иначе оно не имеет смысла. Мы можем, конечно, создавать лингвистические ловушки и утверждать, что нет способа доказать, что язык отражает «реальность». Из такой ловушки нет выхода. Но если мы допустим, что каким-то образом язык со-

ответствует реальности, тогда философски число наполняется смыслом, а числа — не просто интеллектуальные абстракции.

С точки зрения повседневного опыта мы осознаем вселенную как невероятно разнообразную систему, состоящую из множества видимых единств. Утка — это единство, состоящее из множества клеток, каждая из которых представляет собой единство, состоящее из множества молекул, каждая из которых представляет собой единство, состоящее из множества атомов, каждая из которых представляет собой единство, состоящее из множества "частиц", для описания которых уже недостаточно обычного языка.

С одной стороны, это частицы, или единства; с другой стороны, это формы поведения энергии; и именно энергия теперь рассматривается как высшее единство, лежащее в основе материальной Вселенной.

Та же линия мышления в макрокосмической сфере приводит к тому же выводу. Утка — это единство, которое является одним из аспектов планеты Земля, которая является единством, и в свою очередь, частью Солнечной системы, которая является единством и так далее, и так далее, к галактикам, вместе составляющим невообразимое единство, называемое «Вселенной». Позитивисты и некоторые философы-лингвисты могут утверждать, что понятие «Вселенная» — это заблуждение, что Вселенная — это иллюзия, не более чем сумма ее частей. Но в этом случае утка, или позитивист, также является заблуждением и иллюзией, и не более чем суммой своих частей.

Множественность предполагает единство. Множественность бессмысленна, если единство также не имеет смысла. Оба термина наделяют число реальным, а не абстрактным значением. Именно то, как наши чувства воспринимают информацию, создает автоматическую, часто непреодолимую проблему. Множественность атакует наши чувства на каждом фронте, в

то время как единства, которые мы называем «уткой», «клеткой» и «молекулой», условны и относительны — и мы это знаем. Мы сами таковы — временные, относительные единства. Философски, логически мы можем постулировать высшее единство, но оно неосвязаемо для наших чувств.

Если мера и симметрия в какой-либо степени отсутствуют в композиции, то гибель ожидает и ингредиенты, и композицию. ... Мера и симметрия — это красота и добродетель во всем мире.

Сократ, *Филеб*, 64

«Число пребывает во всем, что известно, без него мы не могли бы ни думать, ни знать ни о чем», — писал философ-пифагореец Филолай.

F. Le Lionnais, *'Les Grands Courants de la Pensee Mathematique'*, *Cahiers du Sud*, 1948, p. 76

Вознесение Платоном математики как величественного и таинственного ритуала уходило корнями в темные тревожные суеверия и причудливые ребячества, которые завораживали людей, переживших детство цивилизации... Его влияние на образование окутало математику завесой тайны и помогло сохранить странное общество пифагорейских братств, члены которых предавались смерти за раскрытие математических тайн, теперь напечатанных в школьных учебниках.

Lancelot Hogben, *Mathematics for the Millions* (Pan Books), 1967, p. 16

Нельзя было говорить о Лебе перед женой Хогона, о восьми предках перед женой жреца, о Нуммо перед кузнецом или о чем-либо другом перед дураками.

M. Griaule, *Conversations with Ogotemmel* (Oxford), 1965, p. 60

Мы обязаны признать ограниченность разума и необходимую реальность сфер, к которым разум не имеет доступа. И пока разум сам по себе не заставит людей идти путем инициатической традиции (то есть функции совести), ему не хватит сил опровергнуть скептицизм.

Именно чувства делают нас скептиками. Когда ученые и интеллектуалы утверждают, что их атеизм или агностицизм навязан им «разумом», они лгут. Они просто не смогли применить свой разум к относительным и предварительным данным, воспринятым чувствами. То, что сегодня называют пифагорейским мистицизмом чисел, имеет египетское происхождение (если не более древнее) и соответствует философии, лежащей в основе всех искусств и наук Египта.

По сути, Пифагор использовал недраматизированный миф — стратегия, которая имела преимущество в том, что обращалась непосредственно к тем, кто был способен мыслить в этом направлении. Работа Шваллера де Любича и независимая, но дополняющая работа нескольких других современных мыслителей (например, Дж. Беннетта) позволила переосмыслить теорию Пифагора приемлемым для нашего мышления способом. Когда мы применяем ее к египетскому мифу, становится ясно, что эти любопытные истории основаны на понимании числа и взаимодействия чисел, а не на анимизме, племенных суевериях, жреческой вражде, истории или сновидениях.

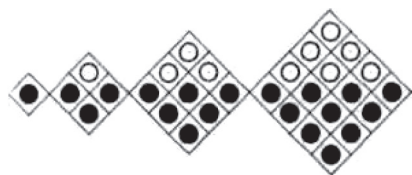

Рис. 10. Генерация треугольных и квадратных чисел, показанных схематически, иногда может дать представление о свойствах чисел и отношениях между ними, которые

скрывают более быстрые и более «эффективные» современные методы вычисления. Пифагорейцы размышляют, а не запоминают, и понимание не обязательно приходит кумулятивно, логически или последовательно. Как и

Дао, в одно мгновение оно кажется здесь, а в следующее исчезает. Треугольник – это первая «форма»; четыре – это первый возможный «аналог» единицы и субстанции в принципе; тетрактис – это одновременно десять, четыре и один. Смысл Троицы как три-в-одном может прийти к вам из диаграммы, оставаясь навсегда туманным, когда выражается словами. Но это требует определенного восприятия, и те, у кого его нет, не признают и смеются над ним. И верить им – все равно что быть глупым султаном, который считает своих внухов авторитетами, потому что они объективно говорят о любви.

Для них [египтян] вся Вселенная была живым единством... древние египтяне не могли представить себе ничего, что не было бы живым в той или иной степени ... они могли предположить, что было время, когда мир, каким они его знали, еще не существовал... Каждый египетский миф о сотворении мира содержит три основных рассказа и начинается с изначального предположения, что до начала всего сущего существовала первобытная Бездна, простирающаяся повсюду, бесконечная, не имеющая границ или направлений. Она не была похожа ни на одно море, имеющее пределы, ибо не было ни верха, ни низа ...только безграничная глубина – бесконечная, темная, бездонная.

J. M. Plumley, *Ancient Cosmologies*, ed. C. Blacker and M. Loewe (Allen & Unwin), 1975, p. 24

Как и в космологии Гермополиса и Гелиополиса, мы находим упоминание об изначальном Боге вод, Жрице, и жене бога Нуна, Наунет. Но в мемфисской космогонии говорится, что они произошли от вечного разума, Птаха, который проявляет себя во многих отношениях и во многих аспектах. Считается, что древние боги других космогоний, включая Атума, содержатся в Птахе. Они имеют свои формы в Птахе и являются ничем иным, как Птахом. Атум считается сердцем и языком Птаха, а божественными формами этих богов являются Гор и Тот.

Ibid., p. 34

Числа: ключ к функции, процессу и принципу

1

Единое, Абсолют или единство, создавшее множественность из самого себя. Один стал двумя.

Шваллер де Любич называет это «изначальным разделением» (распадом, расщеплением). Один навсегда непонятен и непостижим для человека (хотя язык позволяет нам выражать то, что мы не можем понять).

Сотворение Вселенной — это таинство. И в Египте оно считалось единственной непреодолимой тайной — за пределами изначального разделения все в принципе понятно. И если возникнут возражения, что философия, основанная на неопределенности, никуда не годится, то следует вспомнить, что современная наука изобилует не только неопределенным, но и абстракциями, не соответствующими никакому реальному опыту: нулем, который есть отрицание; бесконечностью, которая есть абстракция; и квадратным корнем из минус единицы, который есть и отрицание, и абстракция. Египет тщательно избегал абстрактного. Атум совершил Поворот (трансцендентное действие) и отделил себя от Нун, первобытных вод.

В наших терминах единство, абсолютная или неполярная

Воды разделяются, поднимается холм, обдуваемый крыльями птицы Бенну [Феникс] ... воды задрожали. На изначальном холме, вокруг Феникса, свет засиял ореолом, затопив его силуэт, пока он не стал пылающим диском, поднимающимся в небеса.

Jean Yoyotte and Serge Sauneron, *La Naissance du Monde* (Sources Orientales), 1969

Согласно гелиопольскому мифу, поворот Атума представляет собой *одновременно* утверждение (или бытие) и отрицание (нарушение изначального единства). Таким образом, миф раскрывает предельную тайну небытия и бытия. Небытие – это источник. Бытие – это его отрицание. Поворот инициирует понимание божественного акта творения.

Тот, кто возник в Ну,
Прежде небес
Прежде земли,
Прежде двух столпов, Шу и Тефнут,
Прежде чем родились боги,
Прежде чем появилась смерть,
Прежде чем началась вражда (или сражение),
Прежде чем был выколот глаз Гора,
Прежде чем были отсечены яйца Сета...

Тогда не было ни бытия, ни небытия; не было ни воздуха, ни небес, которые находятся за его пределами. Что же было тогда? Где? Под чьей защитой? Были ли там Воды, непостижимые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия. Не было ни маяка ночи, ни маяка дня. Все дышало своей силой, не сотрясая воздуха. Кроме этого ничего не было.

Тьма вначале была сокрыта тьмой, неразличима. Все было Водами. То, что, приходя в бытие, было сокрыто пустотой, возникло благодаря силе тепла или «энергии». Затем пришло желание, бывшее первым семенем разума. Мудрецы, ищущие в своих сердцах знания, обнаружили связь бытия с небытием.

A. A. MacDonnell, *A Vedic Reader for Students* (Madras), 1951, X, 129

зованная энергия, осознавая себя, создает поляризованную энергию. Один становится одновременно Двумя и Тремя. Два, рассматриваемые сами по себе, по своей природе являются разделяющимися. Два — это принцип множественности; два — это призыв к хаосу. Два — это падение. Но два примиряются с единством, включаясь в единство путем одновременного создания трех. Три представляют собой принцип примирения, взаимоотношений. (Троица, которая описана не только в христианстве, но и в бесчисленных мифологиях по всему миру.)

Числа не являются ни абстракциями, ни сущностями сами по себе. Числа — это имена, применяемые к функциям и принципам, на которых создается и поддерживается Вселенная. Через изучение числа — и, быть может, *только* через изучение числа — могут быть поняты эти функции и принципы. Проще говоря, мы принимаем эти функции и принципы как должное; мы даже не осознаем, что они лежат в основе всего нашего опыта и что в то же время мы почти ничего не знаем о них. Мы можем только измерять результаты, которые дают нам количественные данные, но не понимать их. Мы воспринимаем мир в понятиях рождения, роста, оплодотворения, созревания, старения, смерти, обновления. Мы живем в понятиях времени и пространства, расстояния, направления, скорости.

Но современная наука может объяснить это лишь частично, поверхностно, количественно. И либо она отказывается признать эти недостатки, либо клеит к многообразным тайнам бессмысленные, но впечатляющие ярлыки. Красноречивые фразы современного языка утверждают, что тайна решена. «Естественный отбор», «ценность выживания», «взаимодействие между генетикой и окружающей средой» — проанализируйте любой из этих терминов или их все, и вы не найдете в основе тайны оплодотворения, рождения, роста, созревания, старения, смерти, обновления. Ни одна из них не может быть объяснена

научным методом.

Тем не менее, через пересмотренный пифагорейский мистицизм чисел можно получить понимание их природы. Философию, основанную на пифагорействе, Шваллер де Любич называет «единственной истинной философией». Это не высокомерие, а признание того факта, что так мы можем начать понимать мир таким, *каким мы его воспринимаем*.

Начало и конец миров богов и людей – предмет, который в Скандинавии, как и везде, вызывал много размышлений. Появление упорядоченного мира из хаоса постоянно подчеркивается в литературе. Изначальное состояние бесформенности до сотворения мира обычно представлено не водой – Хотя существует концепция земли, поднимающейся из моря, – а безграничной бездной, Гиннунгагап, которая казалась пустой, но на самом деле была беременна потенциальной жизнью.

H. R. Ellis Davidson, *Ancient Cosmologies*, Ed. Carmen Blacker and Michael Loewe, Allen and Unwin, 1975, p. 188

Согласно Мартинексу, майя пришли к математической уверенности в существовании космического сознания, которое они назвали «Хунаб Ку», единственным распорядителем измерения и движения, которому они приписывали математическое структурирование Вселенной. Это божество они представляли в виде круга, в который был вписан квадрат, так же как и у Пифагора. Майя верили, что их верховное божество действует через принцип динамического дуализма, или полярности... посредством четырех основных элементов – Воздуха, Огня, Воды и земли... был рожден весь материальный мир... Для Майя земля не была трупом, она не была ни мертвой, ни инертной, а была живым существом, непосредственно связанным с существованием человека.

Peter Tompkins, *Mysteries of the Mexican Pyramids* (Harper & Row), 1976, p. 285

В начале был бездонный океан, из которого единый создал себя
необъятностью своей энергии.

Ригведа

2

Абсолют, единство, сознавая себя, создает множественность, или полярность. Один становится Двумя.

Два — это не один плюс один. Метафизически два никогда не могут быть суммой единиц, поскольку метафизически существует только один, который есть Все.

Два выражают фундаментальную противоположность, основное противоречие природы: поляризацию. А полярность лежит в основе всех без исключения явлений. В египетском мифе эта фундаментальная оппозиция ярко выражена в нескончаемом конфликте между Сетом и Гором (и окончательном примирении после смерти фараона).

Первичное разделение провоцирует, постулирует реакцию. Современная наука осознает фундаментальную полярность явлений, хотя и не признает их значения и трансцендентную природу. Энергия — это измеримое выражение бунта духа против заточения в материи. Невозможно выразить эту основополагающую истину приемлемым научным языком. Однако язык мифа красноречиво выражает это: в Египте Птах, творец форм, изображается заключенным, обернутой белым льном мумией.

Полярность фундаментальна для всех явлений без исключения, но она изменяет аспект в зависимости от ситуации. Этот факт учитывается на общем языке. Мы применяем разные названия в зависимости от ситуации или категории явлений. Отрицательный, положительный; активный, пассивный; мужчина, женщина; инициирование, сопротивление; утверждение,

отрицание; да, нет; истина, ложь — каждая пара представляет собой различный аспект одного и того же фундаментального принципа полярности. Для ясности и точности мы должны тщательно различать эти наборы полярностей в соответствии с их специфической функцией в данной ситуации. И действительно, поступая так, мы можем достичь и ясности, и точности. В то же время мы можем — и в науке это неизбежно — упустить из виду вселенскую, всепроникающую природу полярности. В мифе этой опасности избегают. В мифе космическая природа усиливается, и конкретный ученый, философ или художник использует тот точный аспект принципа, который применим к его задаче или поиску, каким бы он ни был. Точность и ясность не покупаются ценой рассеивания.

Два, рассматриваемые сами по себе, представляют собой состояние изначального или принципиального напряжения. Это гипотетическое состояние вечно непримиримых противоположностей. (В природе такого состояния не существует.) Два — это статическое. В мире двоих ничего не может случиться.

Американские математики Карпинский и Эннинг далее показали, что фундаментальное различие пифагорейцев между нечетными и четными числами было оправдано — в том, как они различались в вычислении степеней чисел.

P. H. Michel, *Les Nombres Figures dans l'Arithmetique Pythagoricienne*, Conference du Palais de la Decouvert, 1958, (Ser. D., No. 56) p. 16

Воплощение двух богов [Сета и Гора] является еще одним примером своеобразного дуализма, выражающего тотальность как равновесие противоположностей.

H. Frankfort, *Kingship and the Gods* (University of Chicago), 1948

Рис. 11.

Диадема Тутанхамона. Объединенный гриф и Кобра символизируют географический союз Верхнего и Нижнего Египта, а также духовный союз способностей различения или интеллекта (Кобра) и усвоения (Гриф). Форма диадемы прекрасно очерчивает область мозга, в которой находятся эти важнейшие человеческие способности, и, вероятно, не случайно форма тела змеи прекрасно имитирует форму разделения между полушариями мозга.

3

Необходимо установить отношения между противоборствующими силами. Установление отношений само по себе является этой третьей силой. Когда один становится двумя, в тот же миг он превращается в три. «Становление» — это третья сила, сама по себе выражающая врожденный и необходимый (и мистический) примиряющий принцип.

Здесь мы подходим к неразрешимой лингвистической и логической проблеме. Логический ум полярен по своей природе и не может принять или понять принцип взаимоотношений. На протяжении всей истории ученые, теологи и мистики не могли объяснить значение Троицы на языке рассуждений. (Платон мужественно пытался это сделать в своем описании «мировой души»; всем, кроме пифагорейцев, это кажется тарабарщиной). Однако принцип трех легко применим к повседневной жизни, где, опять-таки в зависимости от характера ситуации, мы применяем другое название.

Мужчина и женщина — это еще не отношения. Чтобы возникли отношения, должна быть еще «любовь» или, по крайней мере, «желание». Скульптор и кусок дерева не создадут статую. У скульптора должно быть «вдохновение». Натрия и хлора самих по себе недостаточно для химической реакции; должно быть «соединение». Даже рационалист, детерминист невольно отдает дань уважения принципу: неспособный объяснить физический мир с помощью генетики и окружающей среды, он призывает к «взаимодействию», которое является лишь ярлыком, применяемым к мистерии. Логика и разум дают способность дифференцировать, дистанцировать (обратите внимание на греческую приставку «ди-», означающую два).

Между прочим, изучение Бамбара выявило неожиданные космологии и метафизику. Вода и слово были основами духовной и религиозной жизни.

M. Griaule and G. Dieterlen, *African Worlds* (ed. D. Forde), Oxford, 1954, p. 217

Каждый триплет нуклеотидов соответствует либо аминокислоте, либо сигналу о прекращении трансляции. Поскольку существует 64 [4 x 4 x 4] различных триплетов и только 20 аминокислот, многие аминокислоты представлены двумя или более триплетами.

L. E. Orgel, *Origins of Life* (Chapman and Hall), 1973, p. 47

Генетический код на самой ранней стадии своей эволюции должен быть трехбуквенным. Нет никакой очевидной причины, по которой код из двух или четырех букв не мог бы развиваться на первобытной земле. Однако переход от двух- или четырехбуквенного кода был бы невозможен. Такой переход привел бы к катастрофическому искажению всей генетической информации, накопленной естественным отбором.

Ibid., p. 157

В последнее время немецкие ученые утверждают, что есть свидетельства существования концепции могущественного творящего бога, выраженные в символических узорах или украшениях... Детальная работа показывает, что любимым мотивом является лицо с открытым ртом, который выпускает своего рода облако.

H. R. Ellis Davidson, *Op. cit.*, p. 188

Но логика и разум не объясняют повседневного опыта: даже логики влюбляются. Третья сила не может быть «познана» рациональными способностями; поэтому аура тайны витает вокруг каждого из ее бесчисленных аспектов — «любви», «желания», «родства», «притяжения», «вдохновения». Что генетик «знает» о «взаимодействии»? Он не может измерить его. Он делает вывод, экстраполирует на основе собственного опыта и, лишив слово эмоциональной окраски, предполагает, что он «рационален». Он может определить «взаимодействие» не точнее, чем скульптор — «вдохновение» или влюблённый — «желание».

Сердце, а не голова, понимает три. (Под «сердцем» я подразумеваю комплекс человеческих эмоциональных способностей.) «Понимание» — это скорее эмоциональная, нежели интеллектуальная функция, и это практически синоним примирения, отношений. Чем больше человек понимает, тем больше он способен примирить и связать. Чем больше человек понимает, тем больше он примиряет кажущиеся противоположности и несоответствия. Можно многое знать и очень мало понимать.

Поэтому, хотя мы не можем измерить или узнать, что значит Три, мы ощущаем его повсюду. Из повседневного опыта мы можем спроецировать и признать метафизическую роль трех; мы можем понять, почему Троица универсальна для мифологий мира. Три — это «слово», «Святой Дух», абсолютное созна-

ние самого себя. Человек не чувствует Абсолюта, или единства, или изначального разделения. Но известный всем мистический опыт — единение с Богом — это, я полагаю, непосредственное переживание того аспекта Абсолюта, которым является сознание.

Степень, в которой человек понимает Три, является справедливым показателем степени, в которой он цивилизован. Признать третью силу — значит согласиться с изначальной тайной творения; в то же время это признание лежащей в основе всего необходимости примирения противоположностей. Человека, который понимает Три, нелегко соблазнить догматизмом. Он знает, что истина и ложь в нашем мире относительны — и если кажутся абсолютными, как в логических системах, то сама эта система относительна и абстрагирована от большей, более сложной реальности. Неспособность понять это приводит к забавному современному представлению, которое объявляет часть действительной, а целое иллюзией.

Хотя силу Трех невозможно измерить или понять с помощью разума, такая просвещенная наука, как египетская, точно умеет работать с ней. Любое проявление в физическом мире представляет собой момент равновесия между положительными и отрицательными силами. Наука, которая понимает это, понимает и тот факт, что зная об этих силах в должной мере, она путем умозаключения, будет знать о невыразимой силе Трех, поскольку она должна быть равна противоположным силам, чтобы вызвать этот момент равновесия. Способность использовать эти знания — один из аспектов «магии».

В повседневной жизни признание роли Трех — это шаг к самому трудному из подвигов: принятию противостояния. Шедевр искусства, да и творение любого рода, может иметь место только перед лицом соразмерной оппозиции. Для скульптора кусок дерева — это его борьба в самом прямом смысле — об этом знает каждый скульптор. Если его вдохновения недостаточ-

но для того, чтобы справиться со своей деревяшкой, он либо пойдет и напьется, либо потерпит неудачу. Если кусок дерева недостаточен для его вдохновения, он закончит с чувством разочарованного честолюбия. В принципе, легко признать, что способность воздавать должное оппозиции — одна из самых трудных вещей, которые нужно применять на практике. Вот почему этот принцип выражается и повторяется тысячами различных способов в священных писаниях мира. Именно это, а не какое-либо подобострастие подразумевается христианским изречением «возлюби врага своего». Старайтесь любить своего врага!

«Ремесло плетения, на самом деле», – сказал Оготеммели в заключение, – «это могила воскресения, брачное ложе и оплодотворенная матка».

Оставалось только говорить о Слове, на котором, говорил он, основывалось все откровение ткацкого искусства.

Marcel Griaule, *Op. cit.*, p. 73

Слова, которые произнес дух, заполнили все промежутки материи: они были вплетены в нити и составляли фрагмент полотна. Они были тканью, а ткань была словом. Вот почему тканый материал называется *soy*, что означает «это произнесенное слово». *Soy* также означает «семь», ибо Дух, который говорил, когда он ткал, был седьмым в ряду предков.

Ibid., p. 19

Число 4 есть, кроме того, число женственности, то есть плодovitости. Оготеммели часто говорил, что идеальная пара состоит из двух женщин и, следовательно, имеет тот же символ, что и слово творения.

Ibid., p. 212

4

Материальный, субстанциальный, вещественный; физический мир есть Матрица всех сенсорных переживаний. Но материал или субстанцию нельзя объяснить двумя или тремя терминами. Два — это абстрактное или «духовное» давление. Три — это абстрактные или «духовные» отношения. Двух и Трех недостаточно для объяснения идеи «субстанции», и мы можем проиллюстрировать это аналогией. Любовник / возлюбленный / желание еще не является «совместным хозяйством» или даже романом. Скульптор / каменный блок / вдохновение еще не статуя. Натрий / хлор / соединение еще не соль.

Для объяснения принципа материи требуется четыре термина: скульптор / блок / вдохновение / статуя; любовник / возлюбленный / желание / дело; натрий / хлор / соединение / соль.

Таким образом, материя — это принцип, стоящий над полярностью и отношениями. Она включает в себя, по необходимости, и Два, и Три, и при этом, как прекрасно известно каждому скульптору и любителю, находится за пределами суммы своих частей.

Материя, или субстанция, является одновременно суммой частей и новым единством; она является аналогом абсолютного единства с его триединой природой.

Четыре термина, необходимые для объяснения материи, — это знаменитые четыре элемента, которые, вопреки мнению современной науки, не являются примитивной попыткой объяснить тайны материальной Вселенной, а скорее точным и нелегким способом описания присущей материи природы. Древние не думали, что материя на самом деле состоит из физической реальности огня, земли, воздуха и воды. Они использовали эти четыре стихии для описания функциональных ролей четырех терминов, необходимых для материи — или,

скорее, для принципа субстанциальности. (В четверке мы еще не дошли до физической материи, на которую наступаем пальцами ног.) Огонь — активный, свертывающийся принцип, земля — это восприимчивый, формирующий принцип; воздух — это тонкий, опосредующий принцип, который воздействует на обмен силами; вода — это составной принцип, производная огня, земли и воздуха — и все же «субстанция» превосходящая и то и другое.

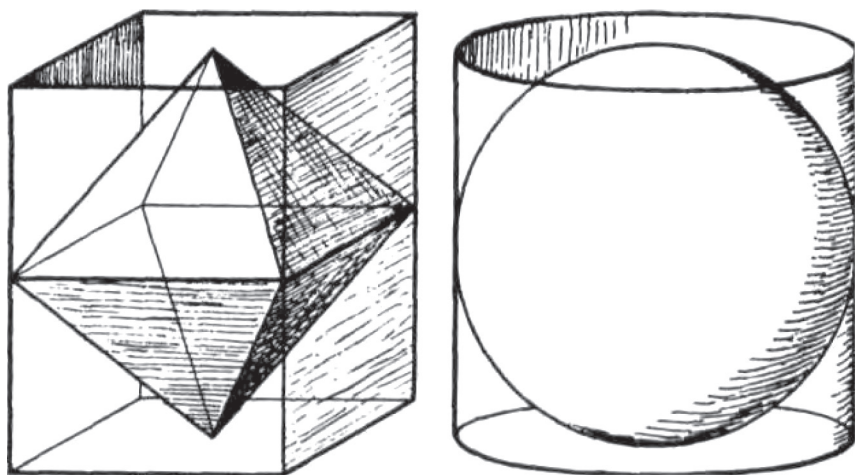

Рис. 12. Форма тесно связана с соединением. Октаэдр, или двойная пирамида, является наиболее сжатой или плотной формой. Он занимает наименьший процент объема, который его окружает, в то время как сфера занимает наибольший. Поэтому самые плотные формы материи, минералы и кристаллы, имеют тенденцию к октаэдрическим или родственным формам; летучие вещества и газы расширяются, заполняя сферу. Октаэдр — это заключенный в тюрьму огонь «семени», материализованный аспект сферы, символически являющийся духом. Среди своих многочисленных функций Великие Пирамиды Египта служили моделями Северного полушария, и выбор формы пирамиды основывался на символических, геодезических и архитектурных соображениях.

Идея, что все восходит к первичному элементу воды, встречается в греческих, египетских, палестинских, сирийских и месопотамских источниках.

W. G. Lambert, *Ancient Cosmologies*, Ed. C. Blacker and M. Loewe (Allen and Unwin), 1975, p. 34

Другим классом добрых предзнаменований были треугольные числа. Рассказ о них показывает, насколько отличалась математика, культивируемая пифагорейским братством, от математики, которую могли использовать греческие купцы и ремесленники... В диалоге Лукиана купец спрашивает Пифагора, чему тот может его научить. «Я научу тебя считать», – говорит Пифагор. «Я уже умею считать», – отвечает купец. «Как ты считаешь?» – спросил философ. Купец начинает: «Раз, два, три, четыре...» «Стой!» – восклицает Пифагор. – «То, что ты принимаешь за четыре, есть десять, или совершенный треугольник, и наш символ». Похоже, публика Пифагора хотела шарад и загадок. Он загадывал им самые яркие и лучшие загадки.

Lancelot Hogben, *Mathematics for the Millions*, Pan Books, 1967, p. 169

Человек высшей учёности, узнав о дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учёности, узнав о дао, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учёности, узнав о дао, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы дао.

Дао дэ цзин, 41 [в пер. Яна Хин-Шуна]

Огонь, воздух, земля, вода. Древние выбирали с осторожностью. Чтобы сказать то же самое в современных терминах, требуется больше слов, и ни один не остается в памяти. Активное начало, восприимчивое начало, опосредующее начало, материальное начало — зачем беспокоиться о таких абстракциях, когда огонь, земля, воздух и вода говорят то же

самое и говорят это лучше?

В Египте тесная связь между Четырьмя и материальным миром была отражена в символизме. Мы находим четыре стороны света, четыре области неба, четыре столпа неба (материальная опора царства духа), четверо сыновей Гора, четыре органа, четыре каноны, в которые эти четыре органа были помещены после смерти, четверо детей Геба, земли.

Единство — это совершенное, вечное, неразделенное сознание.

Единство, осознавая себя, создает разделение, которое есть полярность. Полярность, или двойственность, — это двойное выражение единства. Таким образом, каждый аспект причастен природе единства и природе двойственности — «одного» и «другого», как выразился Платон.

Тем самым каждый аспект изначальной, духовной двойственности сам по себе двойственен. Изначальное разделение создает двойной антагонизм, который примиряется сознанием. Эта двойная реакция, или двойная инверсия, является основой материального мира. Если мы ничего не понимаем в этом четырехчастном процессе, мы мало понимаем в нашем проявленном мире. Правильно изученные символы позволяют увидеть эти процессы яснее, нежели слова. Квадрат, вписанный в круг, представляет пассивную, потенциальную материю, заключенную в единстве. Тот же процесс показан в действии, так сказать, на кресте, который представляет собой нечто большее, чем две деревянные палки, на которых был распят известный еврей. Это крест материи, на котором мы все закованы. На кресте распят Христос, небесный человек. Примиряя его полярности в собственном сознании, мы достигаем единства.

Именно этот принцип двойной инверсии и примирения лежит в основе всего священного египетского искусства и архитектуры. Скрещенные руки мумии фараона, который (какой

бы личностью он ни был) представляет последовательные стадии Небесного человека, держат скрещенный скипетр и цеп его власти. Схематически точка пересечения двух столбов христианского креста представляет акт примирения, мистическую точку творения, "семя". По аналогичной схеме возвышенный, мумифицированный фараон представляет ту же абстрактную точку. Поэтому крест и мумифицированный фараон символизируют как четыре, так и пять.

Рис. 13.

Посмертная маска Тутанхамона. Скрещенные руки, цеп и посох служат той же символической цели, что и христианский крест: крест матери. И Фараон, и Христос представляют космического человека, того, кто может превзойти крест плоти; пять, число «любви» для пифагорейцев, число Вечности, то есть вне времени ... Обратите внимание на сложную символику чисел, выраженную в цепи с его тройной плетью и наборами из семи узлов или бусин. Это типично для египетского мышления. Орнамент или дизайн редко, если вообще когда-либо произвольны. Изучение чисел, управляющих шаблонами, обычно выявляет символическое мышление, лежащее в основе такого выбора.

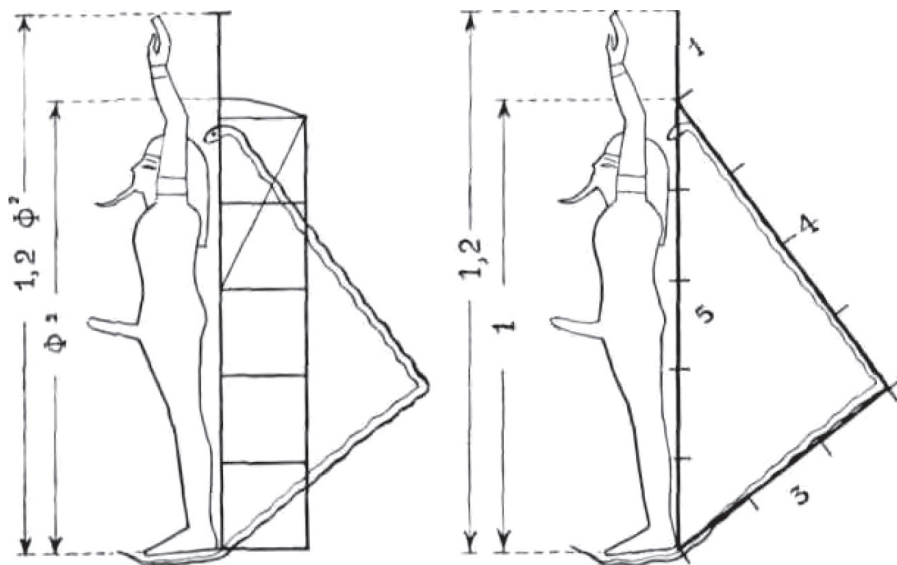

Рис. 14. Прямое доказательство египетских знаний и использования 3, 4, 5. Пифагорейский треугольник встречается редко, но этот рельеф из гробницы Рамзеса VI является его примером.

5

Для пифагорейцев пять было числом «любви», потому что оно представляло Союз первого мужского числа Три и первого женского числа Два.

Пять также можно назвать первым «универсальным» числом. Единое, то есть единство, содержащее в себе все и вся, непостижимо. Пять, включающее в себя принципы полярности и примирения, являются ключом к пониманию проявленной вселенной. Ибо Вселенная и все без исключения явления полярны по своей природе и тройственны в принципе.

Из корней Двух, Трех и Пяти можно вывести все гармонические пропорции и отношения. Взаимодействие этих пропорций и отношений управляет формами всей материи, органической и неорганической, всеми процессами и последовательностями роста. Возможно, в недалеком будущем с помощью компьютеров наука сможет прийти к точному знанию этих сложных взаимодействий. Но она не преуспееет в этом до тех пор, пока не примет основополагающие принципы, известные древним.

Может показаться странным связывать числа с полом. Но размышление о функциональной роли чисел сразу оправдывает это. Два, полярность, представляет собой состояние напряжения; три, взаимоотношения, представляет собой акт примирения. Женские числа, четные числа, представляют состояния или условия; женщина — это воспринимающий принцип. Мужчина — инициативный, активный, «творческий», позитивный (агрессивный, рациональный); женщина соответственно восприимчива, пассивна, «создана» (чувствительна, естественна). Это не трактат, пропагандирующий универсальный мужской шовинизм; Вселенная полярна, мужественна/женственна по своей природе. И это, наверное,

не случайно, что в бесчисленных явлениях природного мира мы находим эту связь между нечетными числами и мужским, и четными и женским. Мужские половые органы обычно состоят из трех частей. Самки млекопитающих всех видов имеют две (или кратные двум) груди. В случайной Вселенной нет причин, по которым такое единообразие должно преобладать.

Так для пифагорейцев число пять было числом любви, но, учитывая бесчисленные коннотации этого слова, возможно, предпочтительнее называть Пять числом жизни. Для объяснения идеи материи, или субстанции, необходимы четыре термина. Но этих четырех терминов недостаточно для объяснения его создания. Именно Пять — союз мужчины и женщины — позволяют этому «случиться».

И именно понимание Пяти в этом смысле ответственно за особое почтение, которым Пять наделялись во многих культурах; вот почему пентаграмма и пентагон были сакральными символами в эзотерических организациях (и почему так забавно видеть, что сегодня их используют в качестве плана здания крупнейших военных организаций мира). В древнем Египте символ звезды рисовался пятью точками. Идеалом человека было стать звездой и «стать одним из свиты Ра».

Когда они хотели изобразить Бога Вселенной, или судьбу, или число 5, они рисовали звезду.

Hieroglyphics of Horapollon, tr. by J. B. van der Walls and J. Vergote
Fond. Reine Elisabeth, (Brussels), 1943, p. 54

Применяя функциональные роли числа к знакомым условиям повседневной жизни, мы можем получить представление о том, как они действуют, намного проще, нежели с помощью детального описания. Роли меняются и усложняются внутри

функций. Мужчина/женщина — это полярность. Но один и тот же мужчина и женщина, связанные желанием в отношениях, уже не являются одним и тем же; и когда тройственные отношения превращаются в тетраду проявления или общего хозяйства, стороны в нем снова меняются функционально — как это прекрасно знают все влюблённые, мужья и жены. Вовлеченные стороны играют одновременно активную, мужскую, иницирующую и пассивную, женскую, восприимчивую роли. Любящий активен по отношению к своей возлюбленной, восприимчив к желанию; она восприимчива к его обещаниям, но провоцирует желание. Скульптор активен по отношению к деревянному полену, восприимчив к вдохновению; полено восприимчиво к резцу, провоцируя вдохновение.

Этот тип мышления лежит в основе жизненной философии Египта.

В широком смысле современная философия делится на два основных лагеря. Первый характеризуется логическим позитивизмом и своими более изощренными потомками и концентрируется на логике и научной методологии. Другой, типичный для экзистенциализма в различных его формах, концентрируется на человеческом опыте в личном или социальном контексте. Ни одна из школ не включает в себя пифагорейское мышление, в результате чего позитивисты разработали строго последовательный аналитический инструмент, не связанный с человеческим опытом, в то время как экзистенциалисты сделали полезные наблюдения над опытом, но не могут вписать их в последовательную или убедительную структуру. Пифагорейский подход раскрывает структуру и последовательность, лежащую в основе опыта.

Философия Древнего Египта — это не философия в нашем понимании; она не несет в себе никаких объяснительных текстов. Тем не менее это реальная философия в том смысле, что она

носит систематический характер, последовательна и организована на принципах, которые могут быть выражены философски. Египет выразил эти идеи в мифологии, и только после того, как мифология будет изучена как представление и взаимодействие чисел, откроется ее связность.

Изучая еврейскую Каббалу, китайскую философию Инь-Ян, христианский мистицизм, алхимию, индуистский пантеон и новейшие работы современной физики, Шваллер де Любич увидел общую пифагорейскую связь, объединяющую все эти учения. Какими бы различными ни были средства или способы выражения, каждая из этих философий или дисциплин касается творения и каждая признает, что физический мир есть лишь аспект энергии, каждый — за исключением современной физики, которая, сосредоточившись на материальном аспекте проблемы, может избежать ее философских последствий — признает, что «жизнь» является фундаментальным универсальным принципом, а не запоздалой мыслью или случайностью.

Число «любви», священное для Пифагора, число, символизируемое пентагоном и пентаграммой, господствовало над пропорциями готических соборов, играло решающую, но более тонкую роль в Египте. Помимо символа пятиконечной звезды, мы не находим никаких явных случаев проявления числа Пять. Вместо этого Шваллер де Любич вычислил квадратный корень из пяти, определяющий пропорции «святая святых», внутреннего святилища Храма Луксора. В других случаях он находил пропорции некоторых камер, продиктованные шестиугольником, полученным из Пентагона. Скрещенные прямоугольники 8×11 , четырехгранные производные пентагона от квадрата, управляли пропорциями настенных росписей, символически связанными с функциями Пяти. Египет также широко использовал Золотое сечение, которое, начиная с первичного разреза, управляет потоком чисел до пяти. Пентаграмма, составленная из сегментов

золотого сечения, является символом неустанной деятельности; Пять — это ключ к жизнеспособности Вселенной, ее творческой природе. В обыденных терминах Четыре объясняют факт статуи скульптора, но не объясняют ее «сотворение». Для объяснения принципа «творения» требуется пять терминов; соответственно, Пять — это число «потенциальности». Потенциал существует вне времени. Поэтому Пять — это число вечности и принципа вечного творения, союза мужчины и женщины, и именно по этой причине и в соответствии с этими направлениями мысли древние стали относиться к Пяти с особым почтением.

6

Для объяснения принципа или идеи «субстанции» необходимы четыре термина. Для объяснения «творения», акта становления, события необходимы пять терминов. Но пяти терминов недостаточно для описания структуры, в которой происходит событие; актуализация потенциальности.

Эти рамки — время и пространство. В этом смысле мы можем назвать Шесть числом мира.

Пять, становясь шестью, порождает или создает время и пространство. Функции, процессы и принципы, относящиеся к Одному, Двум, Трем, Четырем и Пяти, можно назвать духовными или метафизическими. В любом случае они невидимы. Мы не можем увидеть или даже визуализировать полярность, отношение, основную субстанцию или акт творения. Но мы живем в мире времени и пространства, и, к несчастью для нас, именно эта подавляющая сенсорная интерпретация времени и пространства обуславливает то, что мы называем «реальностью», которая является лишь одним из аспектов истины. Наш язык с его временами прошлого, настоящего и будущего (не все

языки имеют эти времена) усиливает иллюзорную картину, нарисованную органами чувств. С незапамятных времен ученые, философы и мыслители упорно ломали голову над проблемой времени и пространства, редко осознавая, что язык, на котором они надеялись решить эту проблему, сам по себе был устроен таким образом, чтобы подтверждать данные органов чувств.

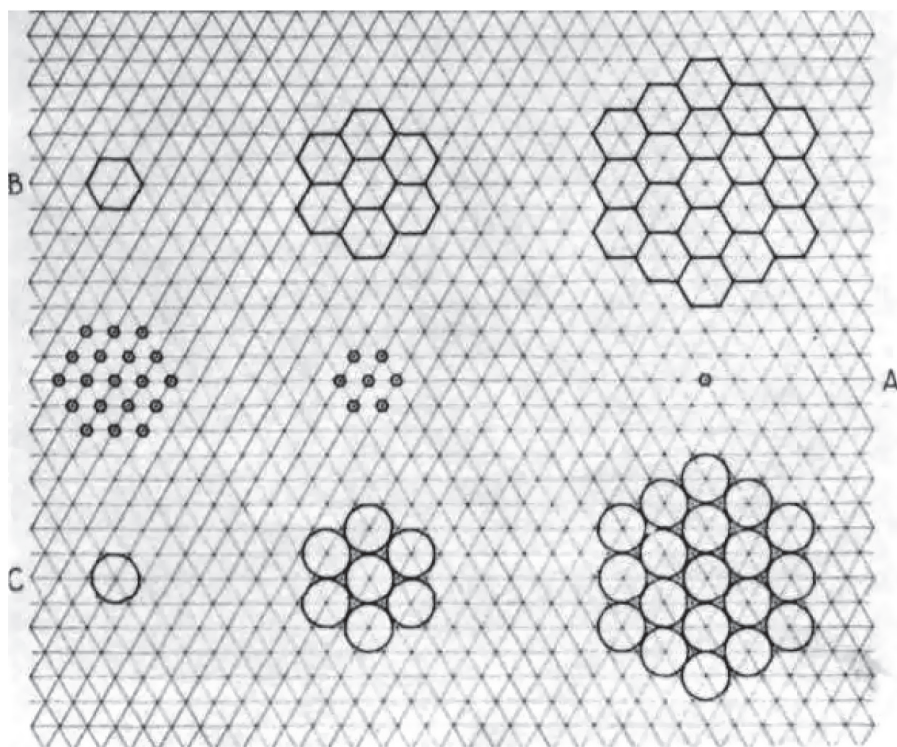

Рис. 15. Для пифагорейца геометрические формы, связанные с числом, и способ, которым это число взаимодействует с другими, давали ключи к его внутреннему смыслу, значению, которое проявлялось в физическом мире в терминах функции, процесса и структуры. Сегодня среди математиков растет интерес к идеям Пифагора, но популяризаторы науки продолжают осуждать их как древнее суеверие, хотя физический мир проявляется для этих ученых, как и для всех остальных, в терминах функции, процесса и модели. Функция, процесс и модель понятны только через изучение философии числа. Шестиугольник и

круг тесно связаны. Шестиугольник формируется путем разрезания периметра круга шесть раз по его радиусу. Круг символически представляет абсолютное, или недифференцированное единство. Шесть тесно связано со всеми вопросами времени и пространства. Связь между шестью и девятнадцатью не сразу очевидна, но проявляется в генерации шестиугольных чисел: $1+6+12=19$. Египетское решение создать сетку на девятнадцати квадратах было основано на понимании сложной роли девятнадцати во всех вопросах проявления во времени и пространстве. Пифагорейцы не считают совпадением, что девятнадцать так часто возникают в небесных измерениях и циклах: синодические возвращения Луны следуют за девятнадцатилетним циклом; девятнадцать и кратное девятнадцати определяют многие измерения, связанные с планетой Юпитер (см. *Temple de l'Homme*, R. A. Schwaller de Lubicz, Vol. 1., 472 ff).

В древние времена проблема, скорее всего, была менее острой, чем сегодня. Язык является главным инструментом выражения способности думать. Когда люди были менее зависимы от своего интеллекта и, по всей вероятности, обладали более развитыми интуитивными и эмоциональными способностями, они были более восприимчивы к переживаниям, выходящим за пределы времени и пространства, и могли принимать сигналы органов чувств в их истинном смысле.

Мы воспринимаем время как поток. Пространство кажется нам вмещающим в себя все. Но когда мы подвергаем это восприятие рациональному анализу, мы либо приходим к очевидной путанице, либо вынуждены соглашаться с позитивистами и делать вывод, что наши вопросы неверно сформулированы и, следовательно, бессмысленны. Мы все еще остаемся с главенствующим восприятием времени как потока, не имеющего логического начала и конца, и вне «настоящего», так как прошлое и будущее непрерывно сливаются друг с другом. Если мы рассматриваем пространство как вмещающее в себя все сущее, мы вынуждены постулировать бесконечное расширение или, если Вселенная конечна, бесконечность, которая

начинается на ее границах. Ни одно из решений не является удовлетворительным, и снова мы остаемся с неизгладимым впечатлением, что само «пространство» остается загадкой. Наука и философия не могут разрешить эту проблему.

Но изучение символизма чисел, функций и принципов, описываемых числами, позволяет нам решить ее на прочной интеллектуальной основе. Это не замена мистического опыта, единственного несущего с собой неизменную эмоциональную уверенность, которая и есть «вера». Но, по крайней мере, это позволяет нам видеть одновременно и «реальную» природу времени и пространства, и ее условный аспект, воспринимаемый органами чувств. Это также позволяет примирить явно непримиримые точки зрения восточного мистицизма, который считает, что чувственный мир (а вместе с ним время и пространство) — это иллюзия и полностью ментальная конструкция, и западного эмпиризма, который принимает сенсорные данные за чистую монету, несмотря на неразрешимые философские и научные проблемы, которые это поднимает.

Обе точки зрения верны, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. В материальном мире время реально. Время реально для наших тел. Мы живем и умираем.

С точки зрения духовного мира, время не является «иллюзией» в смысле ложно воспринимаемой реальности. Скорее, времени не существует. Для Абсолюта, для трансцендентного единства времени нет. И все инициатические религии учат, что цель человека — воссоединение с Абсолютом, с Богом, с царством «духа». Поэтому важным аспектом всех этих учений является настойчивое требование превосходить время, ибо именно время держит нас в рабстве у материального мира. Но так как наши тела связаны со временем, а наши потребности, удовольствия, страдания и желания так тесно связаны с нашими телами, то трудно внушить себе непоколебимую решимость дей-

ствовать в соответствии с необходимостью превосходить время — даже после того, как мы признаем это. Отсюда сложные дисциплины и ритуалы йоги, дзен и других форм восточных и западных религий. Изучение символизма чисел само по себе не позволяет человеку выйти за пределы времени, но, прояснив этот вопрос, продемонстрировав, как время и пространство играют свою роль в великой схеме Вселенной, символизм чисел может помочь нам увидеть их в их истинном свете и, возможно, сделать потребность в трансцендентности намного более насущной.

Творение происходит на основе времени и пространства, для определения которых требуется шесть понятий. Творение не происходит во времени; скорее, время — это результат творения. Все сущее не существует в пространстве, оно все есть пространство. Нет времени, кроме того, что определено творением; нет пространства, кроме того, что определено объемом. Материальная Вселенная представляет собой взаимопроникающую иерархию энергий различных уровней или порядков плотности, к которой наши чувства имеют лишь ограниченный доступ.

Наука, пытающаяся объяснить устройство Вселенной в терминах человеческого сенсорного опыта или с помощью машин, которые являются лишь количественным расширением человеческих чувств, неизбежно будет все дальше и дальше уходить от всеобъемлющего понимания. Такую ситуацию мы наблюдаем сегодня по мере распространения специальностей, и хотя на словах признается неоспоримое взаимодействие между различными областями, специалисты не имеют понятия о том, как и почему эти взаимодействия происходят. Бесконечные споры о том, является ли Вселенная в конечном счете материальной или духовной, продолжаются.

Рис. 16. Куб – символ проявления во времени и пространстве. Символическое мышление, а не художественный каприз, лежит в основе довольно распространенной египетской практики изготовления таких «блоков» или кубических статуй. Самым проницательным ученым остается выяснить, почему для кого-то изготавливались такие кубы, а для кого-то нет.

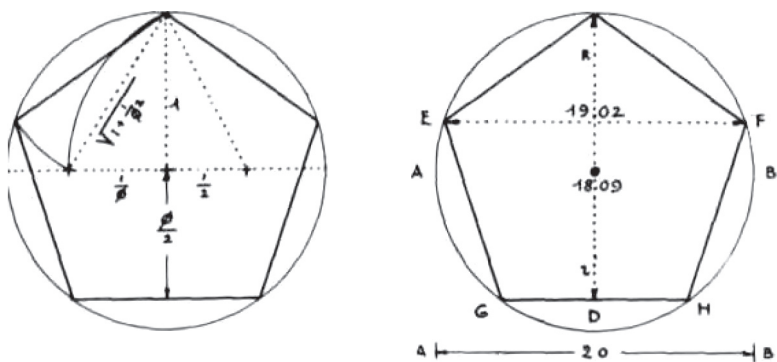

Рис. 17. Соотношение 18:19 возникает из геометрической игры, участвующей в создании пентагона внутри круга. Пентагон и пентаграмма, фигуры, священные для братства Пифагора, тесно связаны с ϕ , золотым сечением, которое само по себе является причиной и результатом того, что Шваллер де Любич называет первичным сечением. Обратите внимание на круг со значением радиуса, равным единице, представляющий единство. Диагональ, образованная делением на два, дает первое отношение золотого сечения, порождая как пятиугольник, так и последующее соотношение 18:19.

В Египте и других древних цивилизациях ситуация была противоположной. В виталистической философии не могло быть различия между разумом и материей: и то и другое понималось как аспекты единой схемы. Только первичное разделение было непознаваемо; все остальное происходило от этого события в терминах функций, принципов и процессов, и они были понятны в терминах чисел и передавались (в Египте) в именах Нетеру (так называемых «богов»), чьи атрибуты, жесты, размер и положение изменялись в соответствии с ролью, сыгранной в любой данной ситуации. (Мы делаем то же самое менее систематически на современном языке. Мы знаем — хотя и не можем «доказать» — что роль «мужчины» в полярности не та же самая, что «влюбленного» в отношениях.)

Шесть — число материального мира и, следовательно, времени и пространства. Это число выбрано египтянами для

обозначения временных и пространственных явлений. Шесть служили египтянам, как и нам, для основных временных делений: двадцать четыре часа в сутках (двенадцать часов дня, двенадцать ночи), двенадцать месяцев по тридцать дней в году, плюс пять дней, в течение которых «рождались Нетеру». Это не случайность и не совпадение, а естественное следствие функциональной роли шестерки. (В небесной механике при обсуждении движения используется шестимерное пространство — три измерения положения и три для скорости каждой частицы или планеты.)

Объем требует шести направлений расширения: вверх и вниз, назад и вперед, влево и вправо. Поэтому в Египте куб, совершенная шестизначная фигура, использовался как символ актуализации в пространстве; Куб — это символ объема. Фараон сидит прямо на своем троне, который представляет собой куб (иногда он скульптурно выходит из куба). Человек безошибочно помещен в материальное бытие. Ничто не может быть яснее, чем этот пример сознательного признания роли и функции Шести. Но чтобы распознать его, мы должны уметь мыслить, как пифагорейцы. Шесть также символизируется шестиугольником, печатью Соломона и двойными триграммами китайского И Цзин, каждая из которых представляет собой различный подход к Шести и иллюстрирует другой аспект, хотя эти аспекты в конечном счете дополняют друг друга. (Куб является результатом Шести; Печать Соломона и двойные триграммы — шесть в действии.) В Египте Шваллер де Любич обнаружил, что размеры некоторых конкретных залов храма Луксора определялись геометрической генерацией шестиугольника из пятиугольника. Это символическое выражение материализации материи из духовного творческого акта. В то же время это реальное выражение материализации. Храм есть во времени и пространстве, и одновременно с этим он символизирует время и про-

странство со всеми соответствующими законами.

Выбор двадцати четырех часов в качестве деления дня является довольно произвольным. Китайцы, например, использовали двенадцать субъединиц в день, а индусы решили использовать 60 субъединиц ... *ни одно естественное событие не прерывает день...* в двенадцати, двадцати четырех, шестидесяти или любой другой фракции ... Вавилоняне на ранней стадии использовали двенадцать равных долей дня от заката и до заката ... Китайцы разделили день на двенадцать равных периодов Ши. Однако, как вавилоняне разделили час на шестьдесят, и его части еще раз на шестьдесят, китайцы разделили ши на восьмерки ... Китайцы также разделили день на сотые доли.

W. M. O'Neil, *Time and the Calendars* (Manchester University Press), 1975, passim

Куб был фигурой Сатурна, как показал Кеплер в своей книге *Mysterium Cosmographicum*; в этом причина настойчивого требования кубических камней и кубических ковчегов.

Giorgio de Santillana and Hertha von Dechend, *Hamlet's Mill* (Gambit), 1969, p. 222

Каждая конструкция, как бы проста она ни была, имеет душу, потому что она имеет объем. Объем – это беспредельная субстанция духа, явленного в пространстве. Она жива, она специфична, она есть число, а следовательно, и музыка.

R. A. Schwaller de Lubicz, *Le Temple de l'Homme*, Vol. III Caracteres, 1957, p. 17

Для объяснения принципа жизни, акта творения, «события» требуется пять понятий. Шесть понятий описывают рамки, в которых происходит событие. Но шести понятий недостаточно для учета процесса возникновения бытия в себе, становления.

В материальном мире мы обычно переживаем этот процесс с точки зрения роста. Но когда мы начинаем соотносить функциональное значение семерки с повседневным опытом, у нас заканчиваются аналогии. В Пяти соответствие между скульптором и небесным «актом» было точным. В Шести мы зависаем на грани метафоры. Наш скульптор в шестерке не создавал пространство и время. Он уже был самим собой во времени и пространстве и творил. «Объём» его статуи уже существовал в деревянном полене (хотя с точки зрения статуи можно сказать, что скульптор воспроизводил ее). Он брал на себя роль Бога и творца времени и пространства, так как статуя не существовала прежде).

Однако в Семи наша аналогия становится чистой метафорой. Статуя скульптора «не растет» ни в материальном, ни в биологическом смысле. Мы растем. Яблоко растет. Но «рост» статуи чисто метафоричен. (Это может показаться не совсем метафорой скульптору, который, внимательно наблюдая за ходом своего творения от идеи или «зародыша» до завершения, может получить представление о принципе «роста»). Для объяснения феномена роста необходимо семь понятий. Рост является универсальным принципом, наблюдаемым (и измеримым) во всех сферах физического мира, за исключением самых микрокосмических — мы не можем наблюдать или измерять рост атома или молекулы.

Рис. 18. Сешат, также называемая Сефхет, что означает Семь, является женской копией Тота, следовательно, владычицей меры, и всегда присутствует на церемониях основания храмов. Ее эмблема – семилепестковый цветок. Сешат встречается в самых ранних записях. Поэтому очевидно, что соответствие между Семью (гармонией) и мерой было известно Египту с самого начала.

Подобно всем описанным до сих пор принципам и функциям, которые вносят вклад в наше восприятие мира как такового, «рост» не может быть объяснен научно. В поведении атома водорода нет ничего, что делает предсказуемым то, что котенок вырастает в кошку. Но, как и все функции и процессы, невежество маскируется научным жаргоном. Все растет, потому что «механизмы», случайно инициированные в ходе «эволюции», доказали, что «рост» является фактором, способствующим «выживанию». Эта бессмысленное хождение вокруг да около называется «рациональным мышлением». Интересно отметить, что до сих пор, связывая число с функцией, мы могли показать, почему именно числа Два, Три, Четыре и т. д. применимы к поляр-

ности, взаимосвязи и субстанциальности, но мы не могли легко найти конкретные физические примеры для обоснования корреляций: мы не можем найти физического доказательства того, что кристалл соли, как материал, по смыслу представляет четверку. Скептик мог бы назвать универсальное применение Шести как системы измерения времени и пространства. Однако когда мы имеем дело с семеркой, мы не можем напрямую соотносить это с нашим опытом — мы не можем сами инициировать «рост». Но в физическом мире мы находим множество примеров, в которых Семь проявляется в растущих или активных системах.

Рост — это не непрерывный процесс. Он происходит дискретными шагами, квантовыми скачками. Кажется, что дети внезапно словно «выстреливают». Так они и делают. Скелет не меняется, но они сначала растут в длину, а затем вширь. В определенные (численно определенные) периоды рост идет быстро, в другие замедляется. Семь понятий необходимы для объяснения принципа роста, и удивительно, как часто Семь или кратные семи управляют фактическими этапами или стадиями и последовательностями роста — еще более удивительно, учитывая тот факт, что наука отвергает пифагорейское мышление и не ищет таких соответствий. Но сведения всё равно накапливаются.

Феномены имеют тенденцию завершаться в семь стадий или завершаются в пределах своей конкретной стадии. В гармонической шкале семь тонов. Именно гармоническая шкала и человеческая функция слуха дают нам прямой доступ к процессу роста, к проявлению творчества. Именно по этой причине — а не по случайности или суеверию — пифагорейцы открыто, а египтяне негласно использовали гармоническую шкалу в качестве совершенного инструмента для обучения и демонстрации работы Вселенной.

Рассмотрим линию заданной длины как единство. Заставьте

ее вибрировать; она порождает звук. Остановите струну в середине и попробуйте снова. Он издает звук на октаву выше. Деление на два приводит к аналогу изначального единства. (Бог создал Адама по своему образу и подобию, и ему потребовалось семь дней, или отдельных этапов, чтобы выполнить свою работу. Схематически разделенная вибрирующая струна иллюстрирует принцип двойной инверсии, который пронизывает весь египетский символизм и который сейчас исследуется физиками-ядерщиками как фундаментальная характеристика материи.

Между изначальной нотой и ее октавой есть семь интервалов, семь неравных стадий, которые, несмотря на их неравенство, ухо интерпретирует как «гармоничные». Мы не можем описать или определить гармонию в рациональных или логических рамках. Но мы реагируем на нее — и на ее отсутствие — инстинктивно. Эта реакция характеризуется безошибочным чувством «равновесия». Ноты музыкальной гаммы складываются из деления одного на два. Эти ноты представляют моменты покоя в нисхождении единства во множественность. Можно сказать, что сотворенная Вселенная «возникает» между единицей и двумя, и гармония вызывает в ней инстинктивное осознание (или даже жажду) Единства, из которого истекает гармония.

Гармония — это призыв к единству. А искусство, основанное на гармонических принципах, пробуждает в нас чувство единства и космического или «божественного» порядка. В нашем мире все единства представляют собой состояния динамического (но временного) равновесия; это стадии возвращения к единству, оазисы в пустыне, которые подразумевает неконтролируемая множественность. Атом — это момент равновесия. Как и кошка. Равновесие — это состояние, в котором уравниваются положительные и отрицательные силы. Современная наука с ее учением об энтропии и негэнтропии⁷ выражает этот принцип, не

7 Энтропия: математическая идея, точно выражаемая только с помо-

признавая его функционального значения. Западный астрологический Зодиак (продукт примитивного воображения!) выражает этот принцип точно и полностью. Весы — это седьмой знак. Семь означает соединение Духа и материи, трех и четырех.

Одна из форм, которая традиционно выражает значение Семи — это пирамида, столь характерная для египетской архитектуры — сочетание квадратного основания символизирует четыре элемента, а треугольные стороны символизируют три состояния духа. Различные пирамиды отражают разные функции золотого сечения. Пирамида, построенная по Золотому сечению, служит не только символом. Практически это форма, которая наилучшим образом служит множеству географических, геодезических, хронометрических, геометрических, математических, числовых, хорографических и астрономических функций — функций, которые ряд современных ученых неопровержимо включили в пирамиду (в частности, в так называемую Великую Пирамиду Хеопса). До недавнего времени египтологи предпочитали игнорировать эти данные, но есть некоторые признаки того, что изменения неизбежны.

8

Прежде чем обсуждать функции и принципы, присущие восьмерке, стоит предостеречь от ловушек символизма чисел. По мере того, как мы переходим от одного числа к другому, каждое число не только символизирует и определяет конкретную функцию, но и включает в себя все комбинации функций, ведущих к нему. Например, полярность и борьба

стью математики, но описываемая как подобие «степени разупорядоченности», например, энтропия вселенной, предположительно, приведёт, в конце концов, к «тепловой смерти». Сама жизнь существует благодаря принципу «негэнтропии» или воплощает его.

противоположностей проста и понятна. Но Пять не только представляет акт творения; оно включает в себя Два и Три, мужское и женское начало и два набора противоположностей — принцип двойной инверсии — объединенных невидимой точкой пересечения. Пять — это одно, или проявленное единство, деленное на четыре, или материя, а, следовательно, и творение. Когда мы подходим к Семи, все становится еще сложнее.

Каждый аспект или комбинация проявляется по-разному. Семь — это четыре и три — соединение материи и духа. Это пять и два — фундаментальная оппозиция, объединенная действием, «любовью». Это шесть и один — основной призыв «делай», актуализированный шестью. То есть во времени и пространстве она производит свой октавный тон, который является новым единством.

Это новое единство не тождественно, но сходно с изначальным единством. Это обновление или саморепликация. С учетом принципа саморепликации необходимо восемь составляющих. Прежнего единства больше нет, его место заняло новое единство: Король мертв, да здравствует король!

В Зодиаке это восьмой знак — Скорпион, который традиционно символизирует смерть, секс и возрождение. В Египте хорошо известный текст гласит: «Я — один, который становится Двумя, который становится Четырьмя, который становится Восемью, а затем я Один опять». Именно Тот (Гермес у греков, Меркурий у римлян) является «хозяином города восьми». Тот, посланник богов — это источник письменности, языка, знания, магии; Тот дает человеку доступ к тайнам проявленного мира, который символизируется восьмеркой. Этот краткий экскурс в отношения между числом и функцией не является полным или исчерпывающим. Скорее, он призван служить подготовкой к постановке нескольких вопросов, на которые можно ответить просто «да» или «нет».

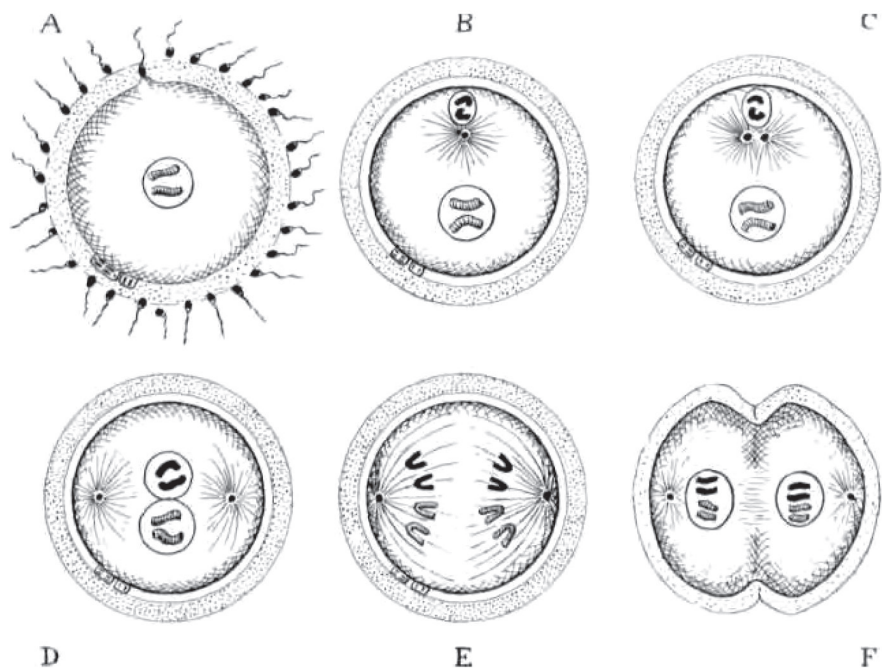

Рис. 19.

Схематическое представление оплодотворения может также быть биологическим выражением древней тайны: «Я — один, который становится Двумя, который становится Четырьмя, который становится Восемью, а затем я Один опять».

Были восемь предков ... у первой пары родились восемь разных животных, появившихся на небесах.

Marcel Griaule, *Op. cit.*, p. 127

Эти духи, называемые Нуммо, были двумя полубожественными духами (наполовину человек, наполовину змей) ... они родились прекрасными и совершенными; у них было восемь частей тела, и их число было восемь, что является символом речи... это вода [в Западном Зодиаке 4-й, 8-й и 12-й знаки являются водными знаками] ... Жизненная сила земли – вода. Бог сотворил землю водой. Кровь он тоже сделал из воды. Даже в камне есть эта сила.

Ibid., pp. 18–19

Разве мы не воспринимаем физический или природный мир в терминах полярности, взаимосвязи, субстанциальности, активности, времени и пространства, роста и секса, смерти и обновления? Потому что, кроме полярности, ни одно из этих слов не допускает строгого логического определения, имеем ли мы право отбросить их как «произвольные»? Символизм чисел, связанный с функцией, обозначает границы, которые делают мир нашего опыта определяемым.

В этом введении мы неизбежно коснулись только того, как число соотносится с физическим миром, или физическим опытом, — миром бытия. Но число также является ключом к миру ценностей (которые являются аспектами воли) и миру сознания, которые вместе с миром физического бытия составляют совокупность человеческого опыта. (Читатели заинтересованные в решении этих вопросов, найдут соответствующие книги в библиографии: В9.)

Итак, восьмерка соответствует физическому миру в том виде, в каком мы его проживаем. Но физический мир в нашем понимании еще сложнее. Взаимодействующие функции до восьми не допускают шаблона или плана — упорядочивания явлений. Система из восьми пунктов также не может объяснить источник порядка или шаблона — так сказать, создателя

шаблона. Она не сможет объяснить необходимость (принцип, примиряющий порядок и хаос).

Для того чтобы произошло «творение», в нем должна возникнуть необходимость. Наконец, существует матрица, в которой все эти функции действуют одновременно. Мы могли бы назвать ее миром возможностей.

Эти высшие числовые функции соответствуют девяти, десяти, одиннадцати и двенадцати. Функции, соответствующие этим числам, не являются частью нашего непосредственного опыта, но философски мы можем признать их необходимость. Надо признать, что эти понятия трудно осознать, особенно потому, что образование учит нас анализировать, а не синтезировать. Тем не менее, эти функции не являются абстракциями — не в том смысле, что квадратный корень из минус одного — это абстракция, ибо они необходимы для завершения границ нашего опыта, даже если мы не можем испытать их непосредственно. Они также необходимы с теоретической точки зрения. Как уже упоминалось, в первичном расщеплении Один становится одновременно Двумя и Тремя. Явления двойственны по своей природе и тройственны в принципе. Вибрирующая струна представляет собой фундаментальную полярность: движущую, мужскую силу (ту, которая совершает действие) и сопротивляющуюся, женскую силу (струну). Фактическая вибрирующая струна представляет собой отношение: движущую силу, сопротивляющуюся силу и посредническую или примиряющую силу (частота вибрации, которая является «взаимодействием» между двумя полюсами, еще не является ни тем, ни другим).

Изначальное разделение, создавая двойственность, формирует два единства, каждое из которых разделяет природу единства и двойственности: два в этом смысле равно четырем. Одновременное создание Двух, Трех и Четырех постулирует

взаимодействие между этими функциями, цикл, для полного осуществления которого требуется двенадцать этапов. Этот двенадцатиэтапный цикл выражен просто, схематично и полностью в традиционном Зодиаке. Хотя в Древнем Египте не было найдено ни одного настоящего зодиака, Шваллер де Любич предоставляет достаточно доказательств того, что знание знаков зодиака существовало с древнейших времен, и пронизывает и направляет весь египетский символизм, если только человек знает, где и как его искать. В Зодиаке каждый знак обладает двойственностью, тройственностью и четверичностью. Естественно, в газетной астрологии (которую ученые и считают единственной астрологией) этот фундаментальный аспект Зодиака остается незамеченным. К сожалению, большинство серьезных современных астрологов, интуитивно используя зодиакальные знаки, едва ли признают символизм чисел, на котором они основаны.

Как мы вскоре увидим, золотое сечение лежит в основе Изначального разделения, создавая асимметричную и циклическую вселенную. Этот циклический аспект означает, что кратные числа являются высшими регистрами меньших чисел. Физическая Вселенная в принципе реализована в четырех терминах: единство, полярность, связь и субстанциальность. Но полная реализация всех возможностей требует выработки всех комбинаций Двух, Трех и Четырех. Это происходит в двенадцати знаках зодиака. Зодиак делится на шесть наборов полярностей, четыре набора тройственности (модусов) и три набора четверичности (элементов). Каждый знак является одновременно полярным (активным или пассивным), модальным (кардинальным является иницирующий; фиксированным – действующий; мутабельным – влияющий на обмен силой) и элементарным (огонь, земля, воздух, вода). Полярность реализуется во времени и пространстве (шесть раз

по два), дух материализуется (три раза по четыре) и материя одухотворяется (четыре раза по три).

Таким образом, четыре составляющих создают мир. Восемь понятий дают миру актуализироваться во времени и пространстве. Двенадцать понятий дают мир возможностей и вероятностей. Хотя это краткое резюме касается только одного аспекта астрологического Зодиака, можно предположить, что эта древняя схема никоим образом не основана на видениях древних сновидцев, а построена в строгом соответствии с принципами Пифагора. Если мы надеемся понять физический мир, в котором живем (не говоря уже о духовном мире), мы должны исследовать принципы и функции, лежащие в основе всего нашего опыта.

Символизм чисел позволяет это сделать.

Именно исходя из такого понимания действовал Древний Египет и другие древние цивилизации. На этой основе и с таким пониманием можно разработать всеобъемлющую и последовательную взаимосвязанную систему, в которой наука, религия, искусство и философия определяют и исследуют конкретные аспекты целого, никогда не упуская друг друга из виду.

Египтологи признают, что такая система преобладала в Египте, но, оценивая ее со своей собственной точки зрения, они упускают ее из виду и сожалеют о том, что в Египте «теология» пронизывает все аспекты цивилизации. Хотя может показаться, что это лишь небольшой шаг к дальнейшему признанию того, что египетская теология была всепроникающей, потому что она основывалась на истине, даже он требует предельного психологического напряжения, и это отнюдь не легко осуществить. Такие точные доказательства Шваллера де Любича остались без внимания.

В других специализированных областях египтологии кро-

потливая, часто блестящая работа в астрономии, математике, географии, геодезии и медицине свидетельствует о точности и утонченности египетских знаний. Во всех случаях успехи в современных методах выявляют прежние недостатки и ошибки и неизменно меняют мнение о масштабах египетских знаний.

9

Египет взывал к числам, но никогда не объяснял их. Как мы видели, соотношения между числом и функцией не произвольны, и в каждом случае можно было увидеть эти соответствия в символах и мифах Египта. Однако, как правило, мы должны сначала найти их и понять функциональное значение числа, прежде чем узнать, как или где искать соответствия. Даже триады Нетеру (и триединства в мифологиях других цивилизаций) не являются явными показателями значения числа или понимания Трех как принципа отношений. Скептик легко мог бы возразить, что феномен мужской и женской природы, порождающий новую жизнь, настолько самоочевиден, что легко может служить символом вне философских или пифагорейских коннотаций.

Но выбор Девяти вовсе не является самоочевидным, и нельзя ошибиться в том значении, которое Египет придает числу девять. Девятка чрезвычайно сложна и практически не поддается точному словесному выражению. Великая Эннеада (группа из девяти богов) — это не последовательность, а девять аспектов Поворота Атума — взаимопроникающие, взаимодействующие, взаимосвязанные.

На диаграмме Великая Эннеада может быть проиллюстрирована самым интригующим из символов — тетрактисом, который считался священным в пифагорейском братстве.

Рис. 20.

Тетрады $1 + 2 + 3 + 4 = 10$

Тетрады считались священными у пифагорейцев и содержат в себе ключи к гармонии, которая, в свою очередь, управляет творением.

4: 3 = Четвертая доля

3: 2 = Пятая доля

2: 1 = Октава

и двойная Октава в четырехкратном соотношении: 4: 1.

Хотя тетраксис как символ кажется специфичным для пифагорейцев, символизм девятки широко распространен. Индуистская мифология говорит о «деяти кобрах Брахмы», параллельных Великой Эннеаде, расположившейся вокруг Атума. Каббала упоминает о девяти легионах ангелов вокруг престола сокрытого Бога. Тетраксис представляет собой метафизическую реальность, «идеальный мир» Платона, завершенный в рамках четырехмерной системы.

Творение требует пяти шагов. Пентактис представляет собой проявленный тетраксис.

Рис. 21.

Внутренний треугольник является символом триединой природы, имманентной единству; он представляет собой первую форму: форма требует трехмерной системы; форма является результатом взаимодействия положительного и отрицательного полюсов.

Пентактис изображают основную форму, окруженную двенадцатью «домиками», которые ее структурируют. Это понимание характерно для многих древних цивилизаций. На этом основана египетская физиологическая система. «Эти каналы, посредством небесного притока и оттока ведут красную и белую солнечную энергию к областям, где двенадцать сил спят внутри органов тела. Один раз, каждые два часа дня

и ночи, каждый из них активизируется дорогой Ра, солнца крови, и затем возвращается ко сну». Китайская акупунктура основана на «двенадцати меридианах тела». Каждые два часа один или другой из этих меридианов достигает пика активности. Двенадцать «домов» астрологического зодиака выражают то же самое понимание по-другому. «Дома» получают свое значение от взаимодействия чисел; они определяют природу времени, личности или события.

Великая Эннеада исходит из Абсолюта, или «центрального огня» (по терминологии Пифагора). Девять Нетеру (принципов), описанных вокруг одного (Абсолюта), становятся одновременно одним и десятью. Это символический аналог изначального единства; это повторение, возвращение к источнику. В египетской мифологии этот процесс символизировал Гор, Сын Бога, который мстит за убийство и расчленение (разделение) своего отца Осириса.

Тетрактис — это богатый, многогранный символ, который вознаграждает ищущего почти неиссякаемым потоком значений, отношений и соответствий. Это выражение метафизической реальности, «идеального мира» Платона. Его числовые соотношения выражают основы гармонии:

- 1:2 (октава);
- 2:3 (квинта);
- 3:4 (кварта);
- 1:4 (двойная октава);
- 1:8 (тон).

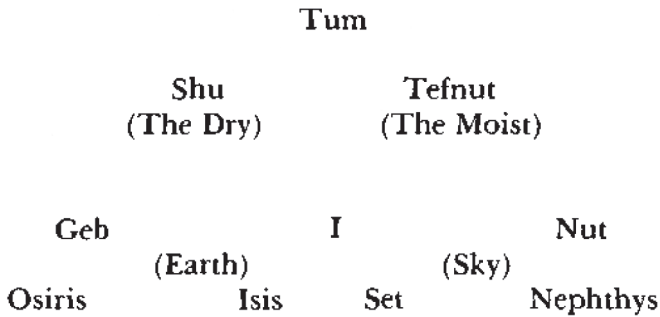

Рис. 22.

Египетская Великая Эннеада, расположенная в виде тетрактиса.

Применение или материализация четырёх начал:

Осирис = воплощение/перевоплощение, жизнь/смерть, обновление

Исида = женский аспект Осириса

Сет = принцип противостояния, антагонизма

Нефтида = женский аспект Сета

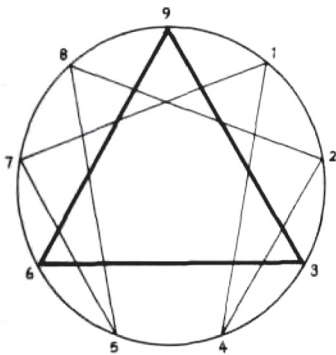

Рис.23. Эннеаграмма — универсальный символ. Все знания могут быть включены в эннеаграмму и интерпретированы с ее помощью. И в этой связи только то, что человек может вложить в эннеаграмму, он действительно знает и понимает. Для человека, способного пользоваться эннеаграммой, книги и библиотеки теряют смысл. Все можно включить и прочитать в эннеаграмме. Человек может быть со-

вершенно один в пустыне, начертить ее на песке и прочитать в ней вечные законы Вселенной. И каждый раз он может узнать что-то новое, чего раньше не мог вообразить.

Если два человека, которые учились в разных школах, встретятся, они нарисуют эннеаграмму и с ее помощью смогут сразу понять, кто из них знает больше, а кто меньше, на какой ступени, так сказать, находится вся филосо-

фия человека. Девятка является Учителем, потому что все числа являются учениками. Эннеаграмма — это схема, которую следует рассматривать как деление единства, статическая диаграмма *вечного движения*... математическое отношение числа к единству является ключом к его природе.

Тетрактис можно понимать как символ Великой Эннеады, но можно выйти и за пределы мифа. Это один из способов уловить проблеск многих значений эннеаграммы. (Еще один необычный символ, который Гурджиев якобы заново открыл из древнего источника. В то время как тетрада показывает проявленную Великую Эннеаду, эннеаграмма показывает ее в действии как Семь, октаву, число роста и процесса, пронизывающее три, изначальную триединую природу единства. Соответствия между работой Гурджиева и работой Шваллера де Любича поразительны, хотя ни один из них не знал работы другого.)

Свойства чисел, и то, как они ведут себя, для пифагорейцев были доказательством божественного порядка. Для современного рационалиста эти свойства являются просто естественными следствиями абстрактной системы, не имеющей внутреннего смысла или космического значения. Изучение этих свойств сводится к математическим играм и развлечениям. Наконец, выбор между лагерями зависит от индивида, но это не тот выбор, который следует делать не глядя: в конечном счете, от него зависит вся ваша философия. Эзотерически, поскольку все числа должны рассматриваться как подразделения единства, математическое отношение числа к единству является ключом к его природе. И три, и семь – это числа «вечного двигателя». Разделенные на единство, они делятся бесконечно.

$1:3 = .333333333333...$

$1:7 = .1428571428571...$

Три: число отношений, «слова», мистической Троицы, три в одном.

Семь: число роста, процесса, гармонии дает то же самое, следуя

этой последовательности. Повторяющаяся последовательность из единицы, деленной на семь. Обратите внимание на эннеаграмму.

Г. Гурджиев, цит. по П. Успенский, *В поисках чудесного*

Центриоли [ядра живой клетки] имеют на самом деле очень любопытную структуру: это маленькие цилиндры... стенки каждого цилиндра состоят из девяти трубочек ... Эти скопления вызвали заметный интерес, когда стало известно, что эти структуры из девяти элементов (или кратных девяти) заключены во всех видах формаций, наделенных движением.

Marcel Bessis, *Ultra-Structure de la Cellule*, Monographies Sandoz, March 1960, pp. 39–40

Когда мы видим, как ветви деревьев похожи на сеть артерий и на притоки рек, как хрустальные зерна похожи на мыльные пузыри и пластины черепахового панциря, как головки папоротников, галактики и вода вытекает из ванны подобной траекторией, мы не можем не удивляться, почему природа использует только несколько родственных форм в столь многих различных контекстах. Почему кольца змеи, извилистые реки и петли веревок принимают одну и ту же форму, и почему трещины в грязи и отметины на жирафе располагаются как пленки в пене пузырьков? В вопросах визуальной формы мы чувствуем, что природа выбирает любимые формы. Среди самых любимых – спирали, кольца, ветвистые узоры и углы в 120-градусов. Эти шаблоны возникают снова и снова. Природа действует как театральный режиссер, который каждый вечер приводит одних и тех же актеров в разных костюмах для разных ролей. Актеры выполняют ограниченный репертуар: пятиугольники делают большую часть цветов, но не кристаллы; шестиугольники обрабатывают большую часть повторяющихся двухмерных узоров, но никогда сами по себе не заключают трехмерное пространство. С другой стороны, спираль – это вершина универсальности, играющая роль в репликации самого маленького вируса и в расположении материи в самой большой галактике.

Peter S. Stevens, *Patterns in Nature* (Penguin), 1976, p. 3

Какой бы поверхностной ни была эта глава о пифагорействе, ее должно быть достаточно, чтобы предположить как чрезвычайную сложность, так и чрезвычайную важность Девяти. И учитывая ее значение в метафизике структуры, неудивительно, что девятка проявляется в строении живой клетки, митоз которой, по мнению некоторых биологов, начинается в центриоли, состоящей из девяти маленьких трубочек. Важность и повторяемость некоторых чисел, комбинаций чисел и форм давно отмечена натуралистами, ботаниками и биологами.

По мере того как наука все глубже проникает в молекулярную, атомную и субатомную сферы, физический мир продолжает обнаруживать свою врожденную гармоническую и пропорциональную природу все более поразительным и точным образом. Ученые отмечают эти данные, но поскольку они обычно не знакомы с учением Пифагора, они продолжают все больше и больше узнавать о том, как устроен мир, но не о том, почему он так устроен. Тем не менее, эти ответы лежат на поверхности, стоит лишь задать правильные вопросы. Форма двойной спирали и последовательности аминокислот и белков в основных клеточных структурах и ферментах следует четко определенным и точным шаблонам, пропорции и числовые соотношения которых должны скрывать причину того, почему эти вещи таковы, каковы они есть. Например, вода (H_2O) отображает два основных гармонических атрибута. Два атома водорода на один атом кислорода дают октаву; по объему восемь кислорода на один водород дает 8:9, тон. Это совпадение? Никто не может доказать, что это не так. И все же эти основные гармонические свойства кажутся слишком пифагорейскими, чтобы их игнорировать. Помните, что в древней системе «вода» является четвертым элементом, первичным, основным «веществом» и аналогом Единого, как Октава является основой. В физическом мире вода является опорой жизни. В метафизическом мире

Египта Атум создает себя из Нун, первобытных вод. Творение протекает гармонично. Октава — инструмент процесса, «жизни», а первая нота октавы — тон. Чтобы получить идеальный тон, струна должна быть пропорциональна 8:1 — как отношение кислорода к атомам водорода по объему. А творение — это объем, который есть пространство.

Символическая интерпретация Египта Шваллером де Любичем доказывает, что египтяне понимали, почему мир таков, каков он есть; выбор символов, а также бесчисленные указания из научных, математических и медицинских текстов доказывают, что они также знали очень многое. Очевидно, в Египте не было лазеров, электронных микроскопов или ускорителей частиц; они не могли обладать конкретными количественными знаниями о микроскопическом мире. Но любопытная близость, проявляемая символами и текстами, ясно показывает, что технология — не единственный способ проникнуть в эти сферы.

ЗМЕЙ В НЕБЕСАХ

Божественная двойственность

Язык научного дискурса излишне линеен и последователен. Связывая числа с функциями, я лишил их движения, лишил жизни. Это неизбежно. Чтобы узнать анатомию бабочки, мы должны поймать ее, прижать к земле, умертвить, препарировать. Но если мы хотим понять бабочку, мы никогда не должны

упускать из виду то обстоятельство, что, устанавливая конкретные факты, мы жертвуем живым воплощением принципа. И для того, чтобы эти факты обрели смысл, нам нужно еще раз взглянуть на живую бабочку.

Функции, определяемые числом, не работают отдельно от него. Мы не воспринимаем отдельные случаи полярности, взаимосвязи или субстанциальности. Мир нашего опыта — это сеть одновременно проявляющихся функций.

Дискурсивный язык не способен описать простейший опыт, не лишив его жизни. Но высшие языки мифа и символизма могут его передать.

Нетеру Древнего Египта являются олицетворением функции в действии. Египетские фрески могут показаться нам особенно грубыми и безжизненными по сравнению, скажем, с греческими. Но греческое искусство было призвано выражать чувственный опыт, как и наше собственное искусство.

У египетского искусства изначально другие цели. В этом отношении мы подобны человеку без музыкального образования, пытающемуся понять партитуру Бетховена, или того хуже, мы словно ученики, которые научились читать ноты, но никогда не слышали музыки. Наши суждения — не более чем отражения и проекции субъективных убеждений и желаний.

Шваллер де Любич доказывает, что символизм нетеру включал как тщательно продуманный выбор, так и глубокое понимание (основанное на тщательном наблюдении и теоретическом рассмотрении) природы конкретного символа. Он поддерживает это утверждение рядом примеров, один из которых я приведу здесь. На первый взгляд, змей может показаться идеальным символом единства. Что может лучше выразить единство, нежели Змей необъятной длины?

Для Сейорна Теотиаукан был местом, где змей чудесным образом научился летать, то есть «где индивидуум через внутренний рост достиг уровня небесного существа».

Peter Tompkins, *Mysteries of the Mexican Pyramids* (Harper & Row), 1976, p. 387

Апоп имел множество имен; чтобы уничтожить его, необходимо было проклинать каждое имя, под которым он был известен.

E. A. Wallis Budge, *Hieroglyphic Vocabulary to the Theban Rescension of the Book of the Dead* (Kegan Paul and Co.), 1911, p. 273

Тем не менее в Египте змей был символом двойственности, а точнее силы, приводящей к двойственности. И эта сила сама по себе имеет двойной аспект; она одновременно созидательна и разрушительна: созидательна в том смысле, что множественность создается из единства, а разрушительна в том, что творение

представляет собой разрыв совершенства Абсолюта.

Когда мы осознаем, что змей обладает раздвоенным языком и половым органом, нам становится ясна глубинная мудрость выбора. Как символ двойственности, змей представляет интеллект, то есть способность, с помощью которой человек делает выбор, а значит разбивает целое на составные части.

Но неконтролируемая двойственность — это хаос. Крайняя точка анализа — полное расщепление. Просто знать, не синтезируя, значит пародировать Бога, и, вероятно, поэтому, украв египетского змея, Книга Бытия использует его как символ искушения.

Змей, кажущийся единым целым, двойственен в своем выражении — как вербальном, так и сексуальном, амбивалентен и противоречив по своей природе.

Но двойственность, и в этом отношении разум, является не только человеческой, но и небесной функцией. Есть высший и низший разум. Поэтому символически существует змей, рожденный ползать, и высший разум, позволяющий человеку познать Бога — Небесный Змей, змей в небесах. Египтяне прекрасно знали, что змеи не летают. Но есть глубокий смысл в том, что они помещают змея на небеса при определенных обстоятельствах. Крылатый змей, общий для многих цивилизаций, также использовался в Египте и играл аналогичную символическую роль.

Двойственный разум направляет Союз кобры и Стервятника на двойную корону фараона, что означает союз Верхнего и Нижнего Египта и в то же время символизирует триумфальный союз способностей выбора и ассимиляции, знак совершенного или царственного человека. (Шваллер де Любич также демонстрирует связь между змеем и обонянием и показывает место в святилище храма Луксора, где символически выражено это чувство. Это, в свою очередь, относится к иероглифу Нейт,

богини «ткачества», поскольку действие ткацкого станка и нити — это египетский символ «плетения», которое характерно для процесса мышления.)

Поэтому выбор богатого и могущественного символа змея для выражения двойственности раскрывает как полное понимание многих ее аспектов в созидательном и разрушительном смыслах, так и столь же полное понимание природы животного, избранного для представления двойственности. Важно также, что в то время как в целом Египет дал каждому животному одно имя, змей, в своей роли «разделителя» (а, следовательно, и разрушителя) трудов Ра упоминается под множеством разных нечестивых имен (возможно, в некотором роде определяя конкретный вид разрушения или отрицания). Он появляется в бесчисленном множестве ритуалов и текстов, в которых умерший должен молиться, чтобы освободиться от изменчивой формы отрицания. Сет, разделяющий огонь, в христианском понимании становится Сатаной, который известен своим коварством; другими словами, Сатана появляется во многих обликах, а в Египте под многими именами.

φ: Золотое сечение

Нетеру Египта берут свою основу в числах, как и египетские иероглифы.

Числа можно назвать «языком Абсолюта» — это утверждение является не метафорой, а близкой аналогией, которая вскоре может получить официальное подтверждение. Успехи лингвистики делают все более очевидной гипотезу о том, что человеческий язык — это не «эволюционировавшая» система обезьяньей речи, а скорее неразгаданная схема, основы которой могут быть общими для всех людей, несмотря на огромные различия между отдельными языками. Более пятидесяти лет назад алхимик Фулканелли заявил, что некоторые звуки и комбинации звуков имеют одно и то же значение независимо от того, в каком языке они встречаются (хотя изначальное значение вполне могло быть потеряно на протяжении веков). Знание этих комбинаций, вероятно, лежит в основе создания заклинаний, песнопений и мантр, которые становятся лишь суеверием, когда коренное знание теряется и остается лишь внешняя форма. Во всяком случае, универсальность фонетического значения в наши дни получает определенную поддержку; и весь звук в принципе сводится к частотам — а значит к числам.

Мы воспринимаем мир как иерархию ценностей. Наиболее распространенным выражением этого является наше различие (хотя и субъективное) между лучшим и худшим. Будучи людьми, мы способны выбирать. Мы даже можем стать бихевиористами и утверждать, что у нас нет выбора. В биологии признается иерархический строй организма: мозг управляет системой органов и желез, которые, в свою очередь, управляют потоком гормонов и выделений. В армии генерал командует офицерами, которые командуют сержантами и так далее. Это естественное,

инстинктивное соответствие иерархическим принципам, пронизывающим вселенную — принципам, которые всегда понимались инициатическими и религиозными системами. (Сравните христианство с его сферами ангелов и архангелов с Древним Египтом, где существует иерархия нетеру). Хотя такая терминология сегодня может показаться странной, эти сферы или иерархии описывают области, недоступные органам чувств, но необходимые в рамках любой четкой универсальной схемы, отражающей реальность и принципы организации в человеческой среде.

Организация происходит сверху вниз, а не наоборот. Очевидные исключения из этого правила при ближайшем рассмотрении обнаруживают скрытое подчинение ему: действующая демократия — это иерархия по мандату, а племенные общества имеют свои советы старейшин или какой-либо другой взаимно согласованный руководящий орган. Даже все жизнеспособные коммуны изначально организованы отдельным управляющим органом.

Ресторан начинается с шеф-повара, а не с посудомоечных машин. Я пишу эту книгу, держа в уме ее план. Я не иду вслепую слово за словом, надеясь, что рано или поздно предложение «эволюционирует». Скульптор видит готовую статую в необработанном камне.

Вместо того, чтобы думать, будто человеческий язык «эволюционировал», пришло время серьезно и буквально относиться к утверждениям всех великих древних цивилизаций и многих так называемых первобытных обществ: этот язык был дарован людям «богами». В каком бы смысле это ни подразумевалось (самими «богами» или мудрецами, находящимися в непосредственном контакте с «богами»), это согласуется с тем любопытным фактом, что доселе не было обнаружено языка, который не был бы грамматически и синтаксически полным. Ни

один язык не обнаруживался в раннем состоянии «эволюции». Самый примитивный язык позволяет его носителям передавать все, что они хотят передать в рамках системы отчета этого общества. Языки, конечно, меняются, но они не «эволюционируют» — наш язык «эволюционировал» не дальше, чем шекспировский, и во многих отношениях он вырождается, искажается рекламой и средствами массовой информации в тупые клише или извращается служителями науки в жаргон, доступный для «посвященных».

Признавая универсальность иерархии и помня о том, что современная физика видит материю как преходящую форму сконцентрированной энергии, мы можем по-новому взглянуть на язык. Вместо того чтобы воспринимать его как изолированное явление, присущее только человечеству (и в более простых формах животным), мы можем рассматривать его как человеческую форму общения, которая также имеет место в более высоких сферах, чем наша. Тогда мы могли бы справедливо рассматривать астрологию как «язык» солнечных систем. А нетеру, основанные на числах, являются «языком» абсолютно или трансцендентного разума. С этой точки зрения становится легче рассматривать язык мифа и символизма в собственном свете как язык, превосходящий наш собственный — а значит высший, потому что он основан на функциях и принципах высших сфер, к которым они относятся, и связан с ними через числа.

Аналогично, нетеру служат согласными космического языка. Гласные обеспечиваются взаимодействием между нетеру. Все эти взаимодействия основаны на функциях, возникающих в результате первичного деления и связаны с ними. Одно из самых важных из них мы называем ϕ , Золотое сечение. Возможно самым большим достижением в рамках интерпретации Шваллера де Любича является открытие понятия Золотого сечения —

решение проблемы, которая занимала многих великих мыслителей и художников по ходу истории. Когда значение будет раскрыто, читатель может быть озадачен тем, почему столь очевидно элементарное объяснение так долго оставалось загадкой. Но факт остается фактом: это решение ускользнуло от гения Леонардо и Кеплера, от ряда блестящих современных биологов и от множества пронизательных художников и исследователей эстетики. Возможно тайна до конца не раскрыта до сих пор, потому что значение числа изначального разделения так и не было понято до конца.

Однако известно, что ϕ управляет пропорциями бесчисленных живых организмов, что воронка «спиральной галактики» является спиралью ϕ , орбиты планет нашей Солнечной системы находятся в сложных отношениях ϕ друг с другом, пропорции готических соборов и греческих храмов основаны на ϕ .

Хотя задолго до работы Шваллера де Любича ряд ученых отмечали пропорции ϕ в пирамидах и других египетских памятниках, только в последние несколько лет это было признано египтологами. Даже сейчас предпринимаются неосознанные попытки показать, как египтяне могли использовать золотое сечение. Но дело в том, что египтяне знали и использовали ϕ , начиная с самых ранних династий, а вместе с ним так называемые числа Фибоначчи, производные от ϕ . Очевидно, что египтяне, строители греческих храмов и готических соборов, и в некоторой степени художники и неоплатоники эпохи Возрождения тоже знали значение ϕ и способ его эффективного использования; знание, которое они либо намеренно держали в тайне, либо непреднамеренно потеряли. Даже современные художники, которые были заинтригованы ϕ и пытались использовать его (Мондриан и Ле Корбюзье, например) не понимали его смысла и добивались успеха лишь отчасти.

Золотое сечение, или ϕ , получается разделением отрезка AC точкой B таким образом, что весь отрезок AC длиннее первой части AB настолько же, насколько первая часть AB длиннее второй части BC. То есть $AC/AB = AB/BC = 1.618$.

Почти столетие назад Фехнер продемонстрировал, опросив большое число людей обоого пола, что прямоугольник, построенный на Золотом сечении со сторонами 21:34, имеет гораздо большую привлекательность, чем любой другой прямоугольник: он не имел абсолютно никаких отклонений и получил 35% предпочтений. Результаты этого опроса были отброшены как неубедительные многими авторами, которые, по-видимому, игнорируют тот факт, что два прямоугольника, ближайших к золотому сечению, получили более 19% предпочтений; другими словами, Золотой прямоугольник и два близких к нему получили около 74% от общего числа голосов; рассматриваемый в этом свете опрос кажется показательным и подразумевает, что соотношение Золотого сечения дает эстетически совершенный прямоугольник. Вергилий также верил, что поэтические фразы или группы фраз, содержащие то же самое соотношение, точное или приблизительное, имеют математическую красоту формы, которая способствует совершенствованию структуры его эпоса.

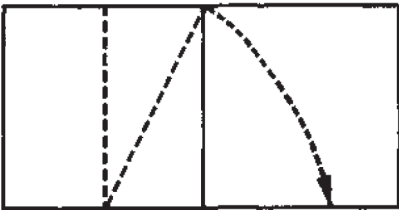
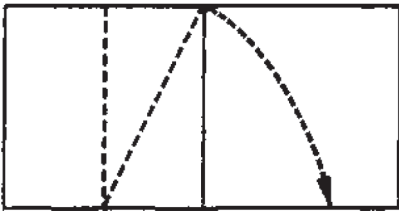
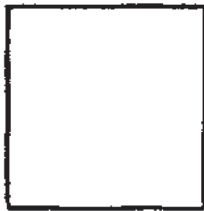
G. E. Duckworth, *Structure, Pattern and Proportion in Virgil's Aeneid* (Michigan), 1962, p. 77

Отрезок AC делится на B таким образом, что AB к BC относится как AC к AB. Другими словами, меньшая часть относится к большей, как большая к целому. Отношение AB/BC равно отношению AC/AB, и это отношение равно ϕ , или 1.6180339...

Выраженное простыми математическими терминами, это едва ли может показаться удивительным. Но как мы узнаем, где провести линию, где разместить точку B? Когда мы геометри-

чески укажем, как мы приходим к ϕ и соотносим его с символизмом чисел, мы можем мельком проследить его универсальное значение.

ϕ : последствия разделения

$\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$.618

Рис. 24

Поскольку материальная Вселенная «идеальна» и предполагает четыре понятия, ее физический аспект закономерно символизируется квадратом, который представляет собой единство. Вспомните, что четверка — это аналог единства. Единство становится двойственностью, мы делим площадь квадрата пополам. Диагональ каждой половины относительно основной линии создает ϕ , Золотое сечение. Но в этот момент мы сталкиваемся с трудностями. В каком-то смысле мы не можем выразить то, что смогли сейчас изобразить. С другой стороны, мы не можем нарисовать то, что выражаем. Александрийский математик Теон Смирнский пытался решить подобную

проблему математической абсурдности, которая является мистической истиной. Он описал ситуацию, в которой диаго-

наль квадрата равна стороне. Выражаясь иначе, мы можем сказать, что Один, становясь Двумя, делится на неравные части, и что неравенство не вызвано ϕ , — оно и есть ϕ . Рациональный разум не может понять это. Поскольку современное образование воспитывает только рациональные способности, мы не можем не почувствовать свою неловкость перед лицом очевидного парадокса. Однако, мы можем признать метафизическую необходимость этой ситуации. Если бы единство, становясь двойственностью, было просто делением на равные половины, то любая Вселенная, выходящая из деления, приходила бы к бесконечному числу материализованных симулякров Абсолюта (как бы это ни выглядело!) В Египте признание этого фундаментального неравенства выражается иероглифом для одной половины, который ясно показывает стороны неравной длины. Очевидный, рациональный метод иллюстрации одной половины состоял бы в том, чтобы сделать стороны равными. Другой способ обойти проблему — ввести понятие бесконечности. (И только в этом случае понятие бесконечности оправдано, ибо бесконечен только Абсолют.) Когда бесконечность обычно используется в современных математических уравнениях, это просто абстракция, не имеющая отражения в опыте, и, конечно же, не способная быть доказанной наукой. Поэтому мы обычно имеем дело с наукой, которая гордится тем, что основана на опыте, применяющей математику, никак не связанную с опытом.

Если наш квадрат бесконечен, то и его сторона, и его диагональ равны бесконечности. (См. J. G. Bennett в библиографии.)

В школьной математике ϕ рассматривается лишь как еще одно иррациональное число.⁸ Оно равно $\frac{1 + \sqrt{5}}{2} = 1.618 \dots$

⁸ Иррациональное число — это корень алгебраического уравнения, который не может быть выражен как дробь или целое число, например, корень из двух, трёх и т. д.

Часто отмечается любопытное преобладание φ в природных формах, а также его отношение к ряду Фибоначчи и способ, которым ряд Фибоначчи также появляется в природе. Иногда оно изучается в деталях для определения силы пропорций.

Но φ и другие иррациональные числа по-прежнему рассматриваются как особый класс чисел, и именно эта точка зрения отдаляет науку, и математику в частности, от понимания значения иррационального.

Иррациональное как функция

φ — это не число. Это *функция*. Рассматривать иррациональное как число, пусть даже как особый класс чисел, значит сводить понятие числа к бессмыслице. Число подразумевает способность к счислению, и по определению невозможно считать иррациональными числами: мы не можем иметь или вообразить 1.618... курицы или 3.141... яйца.

φ , π и квадратные корни из двух, трех и пяти — это все, что требуется для формирования всех совершенных геометрических тел⁹ и для определения и описания всех возможных гармонических комбинаций. Именно на эту сеть взаимодействия, на этот обширный комплекс гармоний мы реагируем как на «мир», в данном случае физический мир, который является лишь одним (осязаемым, воспринимаемым) из аспектов духовного мира, или мира сознания. Ключом к этому гармоническому миру является число, а средством, с помощью которого число нужно понять,

9 Совершенное тело – это тело, все грани которого идентичны и являются равносторонними плоскостями, например, треугольниками, квадратами или пентагонами. Пять совершенных тел – это тетраэдр, куб, октаэдр, додекаэдр и икосаэдр.

является геометрия.

Платон считал геометрию священной, пифагорейцы провозглашали «все есть число», а заголовок египетского папируса Ринда гласит о том, что он содержит «правила для исследования природы и для познания всего сущего, каждой мистерии, каждой тайны».

До недавнего времени наука концентрировалась на вопросе «как?» а не «почему?», и поэтому упустила из виду причины такого почитания геометрии и взаимодействия чисел. Ученые рассматривают математику как показательный инструмент, который позволяет им описывать явления с возрастающей точностью; для пифагорейцев математика была символическим представлением функций и процессов, результаты которых считаются явлениями, относящимися к современной науке.

Непонимание менталитета древних имеет тенденцию порождать своего рода едкое презрение, особенно среди популяризаторов науки и математики. (Подлинно творческие умы в этих областях иногда делают заявления, которые показывают, что в глубине души они пифагорейцы. Это

На высоте 2500 миль вы можете поддерживать скорость всего 2 мили в секунду, и ваша орбита станет еще больше... Чтобы вырваться из этого круговращения, нужен, условно говоря, толчок из этой точки. Правило заключается в том, что на любой орбите, которая постоянно удерживает вас над Землей (или над любым другим гравитационным телом), все, что нужно сделать – это умножить свою скорость на 2, чтобы полностью преодолеть притяжение этого тела. Если любой спутник со средней скоростью 2 мили в секунду увеличивает ее до 2,2 или 2,8 миль в секунда, он просто никогда не вернется.

Guy Murchie, *Music of the Spheres* (Dover), 1961, Vol. 1, p. 30

естественно и почти неизбежно; творение подразумевает синтез, а чисто аналитический разум никогда не сможет творить. Вспомните знаменитый призыв Э. М. Форстера: «Соединяйте!») К сожалению, именно популяризаторы и авторы школьных учебников имеют доступ к наибольшей аудитории, и как правило, самоутверждаются, развивая тенденцию неправильного мышления, по крайней мере до того момента, пока сообщество больше не сможет скрывать фатальные внутренние противоречия и несоответствия. Снежный ком катят на гору лишь до тех пор, пока импульс не иссякнет.

Возрождение учения Пифагора

Эта точка еще не достигнута, но до нее, возможно, не так уж и далеко. В математике и смежных ей областях и дисциплинах некоторые аспекты пифагорейского мышления переживают возрождение. Терминология Платона все еще может казаться странной, но все большее число людей начинает понимать, что она относится к реальным вещам; что существует внутреннее функциональное различие между «квадратными», «прямоугольными» и «треугольными» числами; что законы гармонии универсально применимы к физическому миру; и что они созвучны человеческому опыту и могут быть доказаны. И поскольку становится очевидным, что это удивительное древнее учение скрывает истину, становится еще более очевидно, что большая доля неоспоримой современной терминологии представляет собой не более чем вымысел. Рассмотрим, например, «естественный отбор», который не может объяснить происхождение видов, не прибегая к помощи «мутации» (которая является загадкой); или «выживаемости» и «биологичес-

кому превосходству», которые по сути есть тавтология: то, что выжило, независимо от того, насколько плохо приспособлено для выживания, обладает «выживаемостью» и «биологическим превосходством», независимо от того, что тысячи на первый взгляд более эффективных существ уже давно встретили необъяснимое вымирание. Это можно объяснить лишь тем, что они снова прибегают к той же тавтологии: они вымерли, потому что не имели или потеряли свое «биологическое превосходство».

Признав необходимость пересмотра наших представлений о числах, геометрии и гармонии, мы можем снова вернуться к Египту, источнику идей Платона и Пифагора и цивилизации, в которой эти идеи и представления господствовали в течение четырех тысяч лет.

Гармония сегодня преподается только изучающим музыку без каких-либо намеков на то, что этот чисто математический механизм имеет универсальное значение. Я уже говорил об ограничениях (с точки зрения Пифагора) нашего геометрического и математического образования. Пытаясь представить панораму символического Египта, я столкнулся с проблемой, которая, судя по всему, не имеет решения. Все, кроме (чисто гипотетической) горстки читателей, придут к пифагорейскому мышлению, как я пришел к нему сам — в состоянии полного невежества. И дело не в том, что геометрические, числовые и гармонические основы египетской мысли невероятно сложны. Они не более сложны, чем, скажем, продвинутая геометрия. Для определенного склада ума они гораздо менее сложны, чем алгебра или счет. Но чтобы понять египетскую мысль, нужно идти неспешно, шаг за шагом. И эта лестница должна занять около ста страниц текста. Как и в любой другой геометрии, вы не сможете просто «прочитать» предмет, вы должны изучить его. Работа Шваллера де Любича фактически нечитабельна: она предназначена для изучения. Данная книга предназначена для

чтения.

Я хотел бы представить точный масштабный труд, который позволил бы получить полное представление обо всем, что и как делалось в Египте. Но я смогу написать только о символическом Египте, выбрав конкретные свидетельства, чтобы показать, на каких доказательствах основывается эта радикальная интерпретация.

Вся египетская цивилизация на протяжении своей четырехтысячелетней истории должна рассматриваться как единый ритуальный жест, акт почитания божественной тайны творения. Единство, осознавая себя, разворачивается в сотворенную множественность и тем самым во Вселенную.

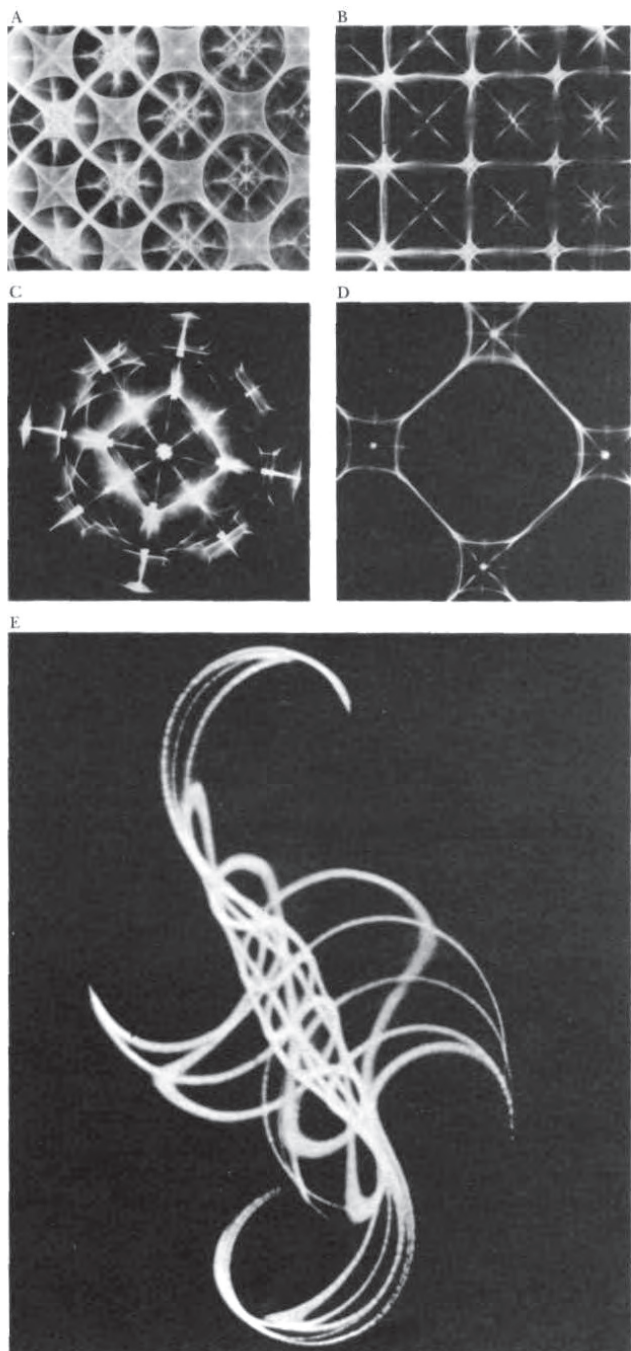
В свою очередь, постигая себя, оно создает Атум из Нун, первобытных вод. Теория «Большого взрыва», которая рассматривает вселенную как материальное событие, возникающее в результате критического накопления чисто физических сил, является тривиальной, лишенной духовности версией этого мифа. Египет создал на нем цивилизацию.

Христианство выражает египетское откровение как Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. И хотя фундаменталисты яростно утверждают буквальную истину о непорочном зачатии, а наука столь же яростно отрицает ее, в аспекте эзотерической космологии непорочность можно рассматривать как эквивалент Нут, «неба», (необходимой) девственной матрицы основной субстанции.

Первичное разделение провоцирует ситуацию, которая может быть выражена геометрическими схемами. Мы можем показать, что этот единственный акт сам по себе приводит в движение последовательность целых и «иррациональных» чисел (которые мы представляем как диагонали). Иррациональные числа следует рассматривать не как числа или особый класс чисел, а как функции; *диагонали определяют взаимодействия*

между числами. Различные гармонические шкалы тесно связаны с числовым символизмом и геометрией, которые могут быть геометрически или математически получены из чисел, установленных в игре первичным разделением.

Гармония быстро становится чрезвычайно сложной, и, возможно, из-за этого для наших органов чувств остается неясной фундаментальная роль создания «формы». Именно гармония отвечает за конкретные физические явления, которые ученые называют «реальностью», но мудрые люди понимают, что это всего лишь физический аспект реальности, полученный через восприятие органами чувств. Мы говорим о музыкальной «форме». Мы знаем, что музыка есть результат гармоний, которые могут быть сведены к вибрациям, то есть к числу. Но мы склонны думать о музыкальной «форме» метафорически, а значит должны рассматривать ее буквально. Звук — это громкость. С современной точки зрения мы говорим, что звук «заполняет» пространство; поэтому с научной точки зрения он является «объемом». С точки зрения эзотерических дисциплин мы бы сказали, что звук — это вибрация, и поэтому звук есть пространство. В любом случае это объем. Это буквально такая же «форма», как кошка или священный собор; все они являются результатом взаимодействия гармонии, а в конечном счете и чисел. Абсолют выражает себя через число (Нетер), а число — это божественный язык: кошка — это стихотворение или соната, сочиненная богом.

Puc. 25.

Рис. 25.

Киматика, – наука, изучающая формы волн, хорошо иллюстрирует взаимосвязь между частотой и формой. Конкретный материал подвергается определенным вибрациям и принимает разные формы. Каждая форма может проявиться только на соответствующей ей частоте; форма есть отклик на частоту. Форма – это то, что мы называем «реальностью», но эта реальность очевидно, условна, поскольку именно структура наших органов восприятия отвечает за конечную картинку. Если бы наши органы чувств были настроены иначе, реальность явила бы совсем другой аспект. Мы могли бы воспринимать материю как движение, если бы наши чувства реагировали быстрее; а если бы они работали медленнее, мы бы осознавали видимое движение солнца, и весь наш мир казался бы движением. Вибрация – это чередование положительных и отрицательных полюсов. Метафизически это проявление бунта духа против заточения в материи. В Египте Птах, создатель форм, изображался в виде мумии. Киматика дает визуальное выражение «В начале было Слово» – или, точнее, «глагол». На фото А, В, С и D масло скипидара подвергалось вибрациям, и полученная картина фотографировалась. Такая картина преобладает повсюду, она может быть сфотографирована на микроскопическом уровне. Е представляет собой электронный пучок, подвергнутый воздействию двух противоположных магнитных полей.

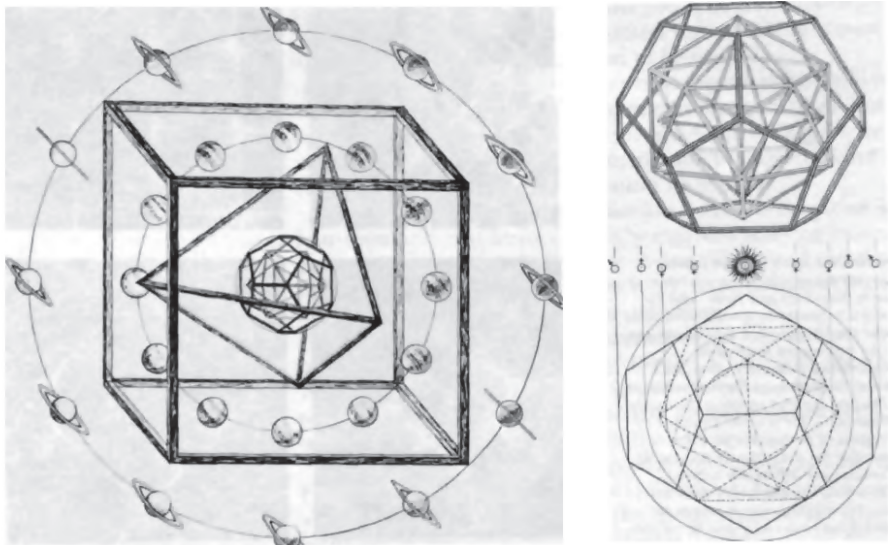

Рис. 26.

Поскольку современные физики теперь понимают, что материя – это не «вещь», а состояние или паттерн энергии, описываемый математически, очевидно, что пифагорейцы были правы, заявляя, что «всё есть число». Они также были правы, полагая, что существуют достоверные аналогии формы и функции. Но физический мир, как правило, реагирует не так точно, как хотелось бы пифагорейцам. Кеплер пытался установить связь между совершенными или «платоновскими» твердыми телами и орбитами планет. Но планеты никак не хотели убеждать современных астрономов в справедливости результатов. Тем не менее, последнее слово еще не было сказано; более сложные исследования могут еще подтвердить некоторые из идей Кеплера.

Форма и частота

Существуют эмпирические данные, демонстрирующие прямую связь между частотой и формой. Наука, которую основатель Ханс Дженни назвал «киматикой» (исследование форм волны) существенно иллюстрирует это эзотерическое изречение. Различные виды материалов, подвергающихся воздействию определенных звуковых частот, принимают определенные формы и узоры — и эти формы и узоры возникают только на этих определенных частотах. Никто еще не смог ответить, почему или каким образом эти формы относятся к данным частотам, ответственным за их возникновение. Но тот факт, что форма и частота тесно связаны, теперь неоспорим.

Это проливает новый свет на некоторые высказывания древних, которые до сих пор считаются просто поэзией или фантазией. В Древнем Египте «слова» Ра, явленные через Тота (египетского Гермеса, или Меркурия), становятся материальными творениями этого мира.

Слово и мир

Евангелие от Иоанна начинается словами: «В начале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог». Египетская Книга Мертвых, самый древний письменный текст в мире, содержит поразительно схожий по смыслу фрагмент: «Я — вечный, Я — Ра ... Я есть тот, кто создал слово... Я есть слово...» Эзотерически роль «слова» была бы яснее, если бы Логос был переведен как «глагол», как это звучит на французском языке. «Слово» (любое слово) с научной точки зрения является набором вибра-

ций. Хотя эзотерический смысл сильного, но парадоксального изречения Иоанна толковался многими христианскими мистиками и мастерски объяснялся в средневековом контексте Мейстером Экхартом, его точный научный, пифагорейский смысл был утерян.

Вероятно, он был скрыт даже для его автора; хотя в равной степени возможно, что предпочтение поэтического языка философскому было преднамеренным (обратите внимание на дилемму Платона и более позднего Плотина, пытавшихся выразить эти понятия на философском языке того времени). Сегодня мы можем описать это современными терминами примерно так: непостижимый для человека, невообразимый, но тем не менее выразимый и логически необходимый момент изначального разделения Абсолюта, осознав себя, создал проявленную вселенную, фундаментальным формирующим аспектом которой является вибрация, феномен волны, характеризующийся движением переменной частоты и интенсивностью противоположно заряженных полюсов. Это движение не следует рассматривать как отдельное или отличное от них, а скорее как нечто, что своим существованием создает или притягивает значение соответствующих полюсов, поскольку негативность и позитивность требуют лежащего в их основе понятия противоположности/сходства, чтобы обозначить их смысл; поэтому предполагается, что изначальному единству, являющемуся абсолютной или трансцендентной первопричиной, присущи три аспекта или силы. (звучит не лучше, чем у апостола Иоанна).

В Египте искусство, наука, философия и религия были аспектами или гранями целостного понимания и использовались одновременно: не было египетского искусства без науки, не было философии, которая не была бы религиозной. Центральное место в этом понимании занимало знание о том,

что человек, исходя из своих способностей и телосложения, представляет собой материальный прообраз всего творения. И поэтому египетский символизм и все измерения происходили от пропорций человека, от самой земли до Солнечной системы. Египтологи безуспешно ломают голову над поразительной системой весов и мер. Предположим, что наша современная десятичная система является улучшением всего, что было до этого. Шваллер де Любич не одинок в оспаривании некоторых аспектов этого предположения. Даже египтолог и математик К. Х. Нимс указывал на то, что по крайней мере египетская система мер выдержала суровое испытание временем. До недавнего времени большинство из этих мер были в текущем использовании (под неегипетскими названиями) во всем мире.

Из английских мер, используя один архаичный термин и три из современных кулинарных книг, мы можем на основе одного *геката*, равного 1 имперскому британскому галлону, дать эквивалентные названия для всех дробных мер. Например: 1 галлон, одна половина = $1/2$, 1 кварта = $1/4$, одна пинта = $1/8$, одна кружка = $1/16$, один джилл = $1/32$, один стакан = $1/64$, одна столовая ложка = $1/320 = 1 \text{ po}$, 1 чайная ложка (США) = $1/3 \text{ po}$. Ставим в начале серии 1 бочку = 100 галлонов (британская мера, 1749, согласно *Оксфордскому словарю английского языка*) и один бочонок = 10 галлонов (произвольная цифра), и мы могли бы написать ответ на Московскую Задачу 20, $133 \frac{1}{3} \text{ геката}$ как 1 бочка, 3 бочонка, 3 галлона, 1 кварта, 1 чашка, 1 столовая ложка и 2 чайные ложки...

C.H. Nims, 'Problems of the Moscow Mathematica Papyrus', *Journal of Egyptian Archaeology*, 44 p. 65

Хотя легче *вычислить* значение в десятичных числах, трудно *работать* с мерами, продиктованными этой системой. Самый гениальный ученый не может легко представить себе 117,46 литра. Но любой крестьянин может представить себе точно пять галлонов, две четверти, одну пинту и четыре столовые ложки. Математик С. Лавиль (A 1, Vol. 1, p. 209) рассматривал многообразные преимущества недесятичных систем. «Поскольку человек жил, руководствуясь своими органическими импульсами и конституциональными тенденциями до того, как великие цивилизации сделали из него существо, почти полностью оторванное от природы, он использовал недесятичные системы. Самым мудреным из его *искусственных* творений было создание 10 в качестве основы для расчетов... Десятичная система находится в постоянном конфликте с нашими естественными тенденциями, она находится вне связи с нашими составляющими... естественный способ умножения — удвоить, учетверить, то есть увеличить в 2, 4, 8 раз».

Такой системы придерживался Египет на протяжении всей своей истории. И, кстати, сегодня мы можем встретить новую науку кибернетику, возвращающуюся к двоичной системе чисел. Компьютеры также являются двоичными. Как это часто бывает, то, что наиболее продвинуто в науке и математике, оказывается возвратом к древним традициям, но с решающим отличием: современные ученые и математики редко имеют видение целого, частью которого является их специализированное знание, и поэтому их «решения» являются временными паузами в бесконечном регрессе кризисов и требований. Мудрецы Египта точно знали, что они делают и почему; ни один аспект их знания не отделен от любого другого его аспекта.

Измерение, объем и глаз

Египетские меры и веса относятся равно как к человеку, так и к материальным объектам, и символические средства, которые Египет выбрал для выражения своей системы мер, отражают глубокое понимание отношений между самими мерами и человеческими способностями к измерению. Возможно самым ярким и убедительным примером этого является глаз Уаджет. Глаз дает человеку доступ к пространству, к объему, а следовательно, к его измерению. В Египте символ глаза состоит из символов, которые обозначают различные доли *геката*. Это числа до $63/64$ (сумма ряда дробей единицы никогда не будет равна единице).

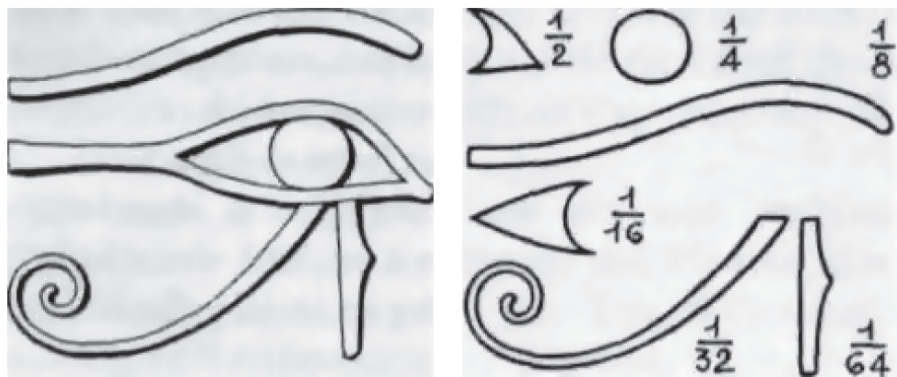

Рис. 27. Глаз дает доступ к пространству, то есть к объему, и, следовательно, к его измерению. В Египте области глаза — это глифы для частей от $1/2$ до $11/64$. Всего фрагментов $63/64$. [Сумма последовательных делений никогда не достигает единства, за исключением бесконечности, которая соотносится с египетской мыслью: только Абсолют един.]

Символы для частей происходят из мифа, в котором Глаз Гора разрывается на части множеством. Позже он чудесным образом восстанавливается.

Помимо *геката* другие египетские меры также основаны на идеях устройства Вселенной. Они соотносятся друг с другом гармонически, геометрически и математически. Они связывают человека и со временем, и с пространством. Для сведущего они означают постоянное обновление сознательного откровения при выполнении задач повседневной жизни. Для обычного человека, не заинтересованного в непосредственном духовном опыте и неспособного работать над этим высшим состоянием сознания, называемым по-разному «благодатью», «самадхи» и «нирваной», неосознанное, но постоянное использование весов и мер обеспечивает контакт с определенными аспектами высших реальностей, несмотря на то, что он не понимает их.

Теологические соображения, пронизывающие все аспекты египетской мысли и опыта, гарантировали общество, в котором практически каждый частный и общественный жест каким-то образом затрагивал намеренно внесенные гармонии, от размера пивной кружки до формы пирамиды. У нас же все с точностью до наоборот. Мы рождаемся в негармоничном пространстве и проживаем свою жизнь в гротескном окружении, формы которого были продиктованы благовидными соображениями полезности и экономии. Как упоминалось ранее, в отступлении о тайне, худшие последствия прогресса теперь поддаются измерению. Наиболее продвинутые ученые дошли до стадии, когда их данные заставили согласиться с художниками и поэтами девятнадцатого века (такими как Блейк, Новалис и Мелвилл), которые могли чувствовать последствия, но не могли их измерить.

Признание реальных физических и психологических эффектов окружающей среды, в которой живут люди, вызывает

ряд вопросов, касающихся искусства и архитектуры Египта. Пустынный климат Египта сохранил больше своего искусства, чем любая другая цивилизация. Поэтому невозможно сказать, были ли другие столь же привержены художественным целям. На первый взгляд, с возможным исключением неизвестных строителей Мачу-Пикчу в Андах, ни одна другая цивилизация не применяла искусство и архитектуру более искусно или в сопоставимых масштабах. Помимо медицинских и математических папирусов, наши знания о Египте в значительной степени основаны на изучении его искусства и архитектуры. Но так как ясно, что египтяне строили не для того, чтобы удовлетворить любопытство сегодняшних ученых, нам необходимо рассмотреть египетское искусство и архитектуру с новой точки зрения, чтобы попытаться понять мотивы строительства (которые, очевидно, отличаются от мотивов, движущих нами сегодня), а также, если возможно, попытаться понять практические последствия такого яркого художественного интереса.

Искусство старое и новое

Строго говоря, современный мир рассматривает искусство как роскошь. Эволюционная доктрина исключает возможность объективных ценностей, выходящих за рамки биологического выживания, не являющегося ценностью в каком-либо этическом или философском смысле, а лишь неизбежным следствием «естественного отбора». Как продолжение этой философии, все, что способствует повышению «уровня жизни» (до определенной крайней точки), имеет практическую ценность.

Как только требования полезности удовлетворены, появляется время для развлечений, одним из которых является искусст-

во — возможно, важное, но ни в коем случае не существенное для выживания вида явление. Но «полезность» — это эмоционально наполненное слово. Говоря об искусстве как о непрактичном явлении, мы автоматически подразумеваем избыточность. Даже Шваллер де Любич следует условности, называя искусство неутилитарным.

Но с египетской точки зрения наше понятие полезности наивно.

Цель всего человеческого существования — возвращение к истоку. Это послание Египта и всех других инициатических учений. Согласно им, мы здесь для того, чтобы работать над восстановлением высшего состояния сознания, которое принадлежит нам по праву рождения. Если мы не выполняем эту обязанность, то наше биологическое выживание не имеет цели, и наша озабоченность полезностью бессмысленна. Все, что способствует обретению сознания, полезно. Полезно построить пирамиду или храм Луксора. Строительство аэропорта, полеты на Луну, повышение уровня жизни сверх того, что остро необходимо для удовлетворения наших реальных физических потребностей... все это бесполезно. Если искусство бесполезно, то весь технический прогресс является по этому определению ерундой.

Хотя очевидно, что любовь человека к личному богатству и роскоши не отсутствовала в Древнем Египте (периодически коррумпированное духовенство и бюрократия присваивали себе богатства Египта), на протяжении длительного периода своей истории Египет в какой-то степени преуспел в том, чтобы сохранить жизнь своего народа простой и незамысловатой, в то же время посвятив большую часть своих талантов и богатства развитию духовного искусства и архитектуры.

Изучая египетское искусство и архитектуру, Шваллер де Любич смог восстановить цепь посвященных храма, которые

были ответственны за сохранение мудрости, нетронутой на протяжении всей истории Египта и проявленной в его мастерстве. Именно это, по мнению Шваллера де Любича — а не гипотетический врожденный консерватизм — объясняет удивительную согласованность египетского искусства на протяжении всей его долгой истории. Обвинение можно нивелировать тем, что постулируемая цепь посвященных является такой же гипотезой, как и другие. Но так как египетские науки, язык и удивительные технические навыки были совершенны уже в самом начале истории, то либо египтяне были смелыми экспериментаторами, чтобы приобрести эти невероятные навыки и знания (в этом случае внезапное изменение к «крайнему консерватизму» необъяснимо), либо, как считает Шваллер де Любич и многие неортодоксальные источники, мудрость Египта является наследием от предыдущей, утраченной цивилизации (в этом случае уже способность сохранить столь обширный объем знаний нетронутым и вечным подразумевает целенаправленную и преднамеренную организацию). Некоторые примитивные племена можно привести как консервативные следствия, но на самом деле антропологи не могут обнаружить четырехтысячелетней истории ни у одного из этих племен. Их мифы и легенды часто указывают на перемены, времена, когда их организация была не такой, как сейчас; и самое главное, ни одно из этих племен не построило эквивалент пирамиды Хеопса или храма Луксора. Их «консерватизм» неприменим к Египту.

Египетское искусство

Чтобы понять египетское искусство, мы должны сначала научиться тщательно отличать его от нашего собственного.

В западном мире «искусство» означает для всех нечто иное: это «самовыражение», «реакция общества», «искусство ради искусства», «средство радикализации масс» или «инструмент для получения эстетического удовольствия». Строго говоря, для нас «искусство» лишь изредка является тем, чем оно должно быть, и чем оно всегда было: средством воздействия на человеческие способности для того, чтобы вызвать сознание сверхчеловеческих реальностей — царства за пределами чувств.

В каждой великой древней цивилизации искусство использовалось для углубления понимания, оно было призвано привести мужчин и женщин к возвышенному переживанию реальности, которое они могли достичь самостоятельно. Искусство не предназначено для того, чтобы им «наслаждались», оно должно давать просветление. В Египте нас впечатляет гармоничность пропорций и упорядоченность композиции, хотя эстетическое удовлетворение является лишь побочным эффектом, второстепенной производной взаимодействия чисел (которое, используя сложные гармонические принципы, вызывает в нас соответствующее осознание этой гармонии).

К сожалению, это различие не имеет большого значения, если мы лично не испытали хотя бы на мгновение эффекты этого высшего искусства. Немногим из нас это дано.

У нас нет собственной цивилизации, и поэтому очень мало истинного искусства. Со времен Ренессанса (который был не более «возрождением», чем Просвещение было «просвещением») искусства в его традиционном смысле не было. Несколько отдельных гениальных людей путем невероятной личной борьбы

прорвались в это трансцендентное царство. Их работа передает силу и глубину (но никогда не величие) Шартра, Тадж-Махала, Луксора. И в то время как простые крестьяне и ремесленники ощущают влияние этих древних строений, величайшие современные западные произведения недоступны для масс — и, судя по критике, написанной «авторитетами», еще более недоступны для специалистов. Не каждый может прочесть роман Достоевского. Вы можете усердно слушать поздний квартет Бетховена снова и снова, и не услышать ничего, кроме энергичного грохота, пока однажды что-то не щелкнет, и вы не поймете, что находитесь в центре драмы, где неумолимые космические силы сталкиваются друг с другом.

Остальная часть западного искусства не достигает таких высот и редко претендует на них. В лучшем случае это своего рода возвеличенное изложение актуальных событий — в конечном счете, прославление именно тех аспектов повседневной жизни, которые, согласно всем инициатическим учениям, фиксируются лишь для того, чтобы признать их препятствиями, которые необходимо преодолеть. В своем худшем проявлении западное искусство — это эгоизм или невроз, или то и другое вместе.

Как правило, египтологи и искусствоведы занимают двойственную позицию по отношению к искусству Египта. Они признают совершенство техники и величие работ. (Пирамида Хеопса использует больше камня, чем все церкви Англии, построенные со времен Христа; комплекс пирамид Джосера является крупнейшим памятником, объединенным единой целью, когда-либо построенным человеком.) Но Египет сурово критикуют за его «консерватизм», отсутствие оригинальности; ученые сочувствуют угнетенному египетскому художнику, вынужденному теологическими соображениями подавлять свои творческие порывы. Иногда в знак протеста раздается мягкий голос, призывающий нас воздержаться от суждений, когда мы

имеем дело с произведениями культуры, столь чуждой нам, как Египет. Это звучит великодушно и терпимо, но столь же глупо. Пока мы не станем святыми или мастерами Дзен, мы не способны остановить суждение о чем-либо, что эмоционально влияет на нас. Это неприятная правда, и иллюзия открытого разума обычно лелеется самыми ограниченными умами. Лучшее, что мы можем сделать, столкнувшись с чуждой культурой, — это признать, что мы действительно судим ее с точки зрения своей, и поэтому стараться делать скидку на наши неизбежно субъективные взгляды.

Что касается творчества, оригинальности и хваленой «свободы самовыражения», которые якобы так важны для творческой натуры, то они тоже во многом являются иллюзиями. Чаще всего их значение подчеркивают не столько художники, сколько ученые, искусствоведы и эстеты — то есть те, кто сами не являются творцами. Правда, догма «свободного самовыражения» глубоко укоренилась в нашем воспитании, и большинство художников бездумно отдают ей должное. Но если мы внимательно посмотрим на методы, используемые лучшими современными творческими профессиями, даже теми, что считаются «абстрактными», мы скоро увидим, что в отсутствие установленного канона или теологического императива художник отчаянно стремится найти свой личный «стиль».

Но что такое «стиль»? Это одновременно выражение личности художника и личный набор *правил*. И тогда художник начинает работать в рамках этого набора правил, исследуя каждую возможность. Без него он вообще не сможет работать. Если он начинает с решимостью не следовать никаким правилам, то результатом — как в случае с Джоном Кейджем, Уильямом Берроузом и другими авангардистами — будет хаос, а не искусство. Разве целью искусства является создать хаос, захвативший дух

эпохи? Ибо, как и хаос, эти творения не вызывают особого отклика. Чтобы создать художественный хаос, приводящий людей в отчаяние за такое короткое время, какое требуется для чтения книги, просмотра картины или прослушивания музыкального произведения, необходимо сознательно использовать эффективные дисгармонии: чтобы знать, какие пропорции создадут желаемый эффект, художник должен сначала знать или, по крайней мере, чувствовать гармонические законы, которые должен нарушить.

Необходимость «свободы творчества» отнюдь не самоочевидна. И если мы посмотрим на искусство с точки зрения результата (самый правильный способ взглянуть на него), можно выдвинуть сильные аргументы *против* личной свободы художественного выражения. Однако, я не буду развивать эту тему дальше, поскольку для этого действительно есть веские основания. Но последнее не основано только лишь на соображениях. Оно основано на присущей специфической природе деятельности, свойственной последующим прецессионным эпохам. Иными словами, эпохи Тельца, Овна, Рыб и Водолея требуют (по своей природе, по естественному раскрытию и развитию человеческих способностей) различных средств и способов выражения.

Между тем, важно не упускать из виду различие между искусством, явленным при тирании — пустыми, идеологическими мертворожденными коммунистической России и Китае — и искусством, воплощенным под руководством эзотерической традиции, которая завещала нам чудеса Египта, готические соборы и Тадж-Махал.

Искусство, ясность и логика

Когда мы проведем различие и посмотрим на понятие «свобода выражения» с некоторой осторожностью, мы можем по-новому взглянуть на египетское искусство и на мотивацию, стоящую за ним, которая опять же отличается от нашей.

Возможно, лучший подход к этому новому видению — сначала изучить кое-какие детали, прежде чем рассматривать искусство Египта в целом. Для этой цели достаточно проанализировать один абзац из знаменитой статьи в журнале известного археолога Н. Ф. Уиллера. Статья «Пирамиды и их назначение» (“Pyramids and their purpose”) появилась в *Antiquity* в 1935 году.

Эта статья считается в египтологических кругах положившей конец тогдашнему хрупкому положению пирамидологии. Все выводы автора, по мнению самого автора, были сделаны на основе «надежных археологических данных» и «здравого смысла».

Уилер говорит о художниках самых ранних династий Египта. «Нет никаких сомнений в том, что египтяне эпохи пирамид были весьма удивительным народом, и что они развили исключительное техническое и художественное мастерство. Они были четкими и логичными мыслителями, систематичными во всем, что делали; они были настойчивы и поразительно точны в выполнении данных им планов, никогда не ограничиваясь приблизительным соответствием. Они ни в коем случае не боялись обращаться к самым труднообрабатываемым материалам и предпочитали их в это время (век пирамид) более легким».

На первый взгляд, все довольно безобидно; если бы вы наткнулись на это в университетском учебнике, вы бы пропустили это без вопросов, не обратив особого внимания.

Тем не менее, это психологическая непоследовательность выда-ет полное пренебрежение способностью, якобы ответственной за ее порождение — то бишь «здравым смыслом».

Каким образом «четкое логическое мышление» приводит художников к работе с трудными, а не легкими материалами? Конечным результатом будет статуя или храм, который будет выглядеть более или менее одинаково независимо от используемого материала. Африканский бушмен, которому какой-то прогрессивный зануда посоветовал обратиться к сельскому хозяйству, отвечает: «Зачем нам сажать, когда в мире так много орехов монго-монго?» Это здравый смысл и прекрасный пример «ясного логического мышления». Наш здравый смысл привел бы нас к такому же выводу. Зачем делать ненужную работу для себя? Очевидное техническое и художественное мастерство храмов Древнего Царства предполагает какое-то ясное мышление. Но какая логика диктует предпочтение работе с трудным материалом? Чтобы понять мотивы египтян, мы должны идти от логики. Там мы находим ряд вариантов. Первый, наиболее очевидный, заключается в том, что египтяне были заинтересованы в долговечности, поэтому работали с гранитом и диоритом, а не с известняком. Но, возможно, этот выбор включает в себя философский взгляд, а не логику.

Эта правдоподобная версия по большей части исключается изучением египетских методов. Такие гранитные и диоритовые статуи часто устанавливались в храмах, построенных из гораздо более мягкого камня, а сами храмы часто строились на фундаментах, которые никуда не годились.

Рассуждая на западный манер, египтологи делают вывод, что дело в экономии. Но, как указывает Шваллер де Любич, фантастическая тщательность и детализация (а, следовательно, и расходы), с которой была выполнена остальная часть храма, исключает этот мотив. Так что один только срок службы камня

не мог быть в приоритете.

Если логика или долговечность не диктуют выбор материала, то остается два варианта. Во-первых, египтяне почему-то считали, что художественное творение оправдывает дополнительный труд. По какой причине? Египетский художник не был свободен в выборе своего материала или предмета. Получается, что вышестоящие сознательно выбрали тяжело обрабатываемые материалы, чтобы создать трудности для своих художников. Как я уже упоминал, это всеобщий закон, продиктованный числами, — достижение возможно только перед лицом соразмерного противостояния.

Заставляя художников работать с самыми неподатливыми материалами (и намеренно избегая разработки сложной технологии для облегчения задачи), мудрецы Египта ставили своим художникам задачу, которая дала им возможность достичь уровня мастерства, которого они никогда не смогли бы достичь самостоятельно.

Западные художники, даже великие, редко бывают мыслителями. Мы часто видим, что когда лучшие из наших художников обсуждают собственные работы, они не продумывают этот вопрос до конца, в то время как мыслители и теоретики, которые не могут написать роман или картину, сочинить симфонию, вызывают у нас недоверие, потому что не способны говорить из опыта. Кто поверит поваренной книге, написанной "авторитетом", который никогда не жарил яйца?

Для кого искусство?

Главный бенефициар искусства — художник. Он может вкладывать в свою работу только то, что он лично понимает. Воплощая результаты своего искусства, он развивает свое понимание.

В западном понимании «коммуникация» – это настолько важный аспект искусства, что мы едва ли можем представить себе искусство, не задуманное что-то «сообщать» в нашем понимании этого слова. Если современный автор пишет роман или пьесу, он предполагает, что его произведение прочитают или увидят на сцене. Тем не менее, можно быть уверенным, что, если вы прочитали или увидели его и что-то из этого узнали, сам автор узнал гораздо больше, когда создавал его. Тем не менее, это вопрос удачи.

Если западный художник, благодаря сочетанию таланта и дисциплины, приходит к пониманию себя и собственных мотивов, он может создать поздний квартет или *Братьев Карамазовых*. С другой стороны, если он не приходит, то до конца жизни продолжает болтать о своих несчастных детских или расовых проблемах, не узнавая ничего, достойного знания.

В Египте безымянные мудрецы были художниками в нашем современном вдохновенном смысле. Они задумывали храмы, статуи и настенные фризy. Скульпторы, художники и каменщики были лишь толкователями, это правда. Но в этом нет ничего постыдного. Мы не считаем скрипача-виртуоза «подавленным», если он должен играть по нотам Бетховена или Бартока. Более того, в рамках ограничений, наложенных произведением, есть возможность для известной доли творчества, иначе все виртуозы на данном уровне профессионализма звучали бы одинаково. И если виртуоз настоящий, то он станет причастен

к откровению Бетховена.

Египетский художник находился в такой позиции, хотя несколько более выгодной: ему не нужно было бесконечно играть Шумана и «Ночь в старой Вене», чтобы порой получить возможность сыграть квартет в С# миноре. Скорее, он был ограничен работой с формами, навязанными космическим, гармоничным законом, и успешное выполнение задачи гарантировало обогащение его собственного понимания этих аспектов данной мудрости.

Эти огромные произведения были задуманы с самого начала, чтобы давать озарения в мудрость храма на каждом уровне, от скромного рабочего карьера до мастера-скульптора, художника и каменщика.

Пролистайте любой художественный альбом египетского искусства и архитектур и получите некоторое представление о масштабе и мастерстве их работ; минутное размышление даст понимание всеобъемлющей природы деятельности, требовавшейся, чтобы создать такое. Тогда, если вместо того, чтобы пассивно принять ортодоксальный вывод, что всё это был лишь продукт заблуждения, организованного для удовлетворения жреческой и фараоновской мании величия, мы взглянем на это как непрерывные усилия по развитию индивидуального сознания, мы придём к тому, что можно считать одним из аспектов египетской мотивации.

Сегодня технология лишает массы людей получения удовольствия от своей работы. Социологи мягко заверяют нас, что всё это цена, которую нужно платить за «прогресс». Тем не менее, верно, что даже в современных условиях немногие изобретательные, героические души создают для себя вызов в таких занятиях, что не содержат никакого присущего им вызова. Но массы людей на это не способны. И это второстепенная причина продукта, ставшего человеком двадцатого столетия:

лишённым направления, веры или понимания, с забытой фактами головой, так что единственной реакцией на неизбежные волнения в человечестве становятся насилие, секс или апатия.

В Египте всё было устроено иначе. И в этом свете неудивительно, что древнегреческие источники, написанные во времена, когда Египет уже не был на пике военного могущества и, по сравнению с былыми временами, находился в художественном упадке, сообщают, что египтяне были самым счастливым, здоровым и набожным народом. Поскольку нет особых причин полагать, что эти греческие источники дурачили свою аудиторию, подобные сообщения вполне можно принимать как есть. В наше время достаточно оглянуться на бесчисленные, но неизбежно мимолётные тирании, чтобы понять, счастливы и здоровы ли люди при таких режимах, не говоря уж о религиозности.

Поскольку наши суждения никуда не привели, мы по крайней мере можем признать нашу неспособность посмотреть на это чуждое искусство осознанно.

Мы должны также признать, что, кроме чуждой нам системы иероглифов, мифологии и Нетер, у нас нет возможности увидеть египетское искусство в целостности и сохранности. У нас прекрасно сохранились статуи, фризмы и другие отдельные предметы, впечатляющие сами по себе. Но они всегда должны рассматриваться в контексте завершённого храма (когда они предназначались для публики, а не для гробниц, в которых они служили символическим, магическим целям). Мы не можем увидеть искусство во всей его полноте. Какими бы огромными ни были египетские руины, они по-прежнему остаются руинами.

Краски выцвели, стены обвалились, крыши рухнули.

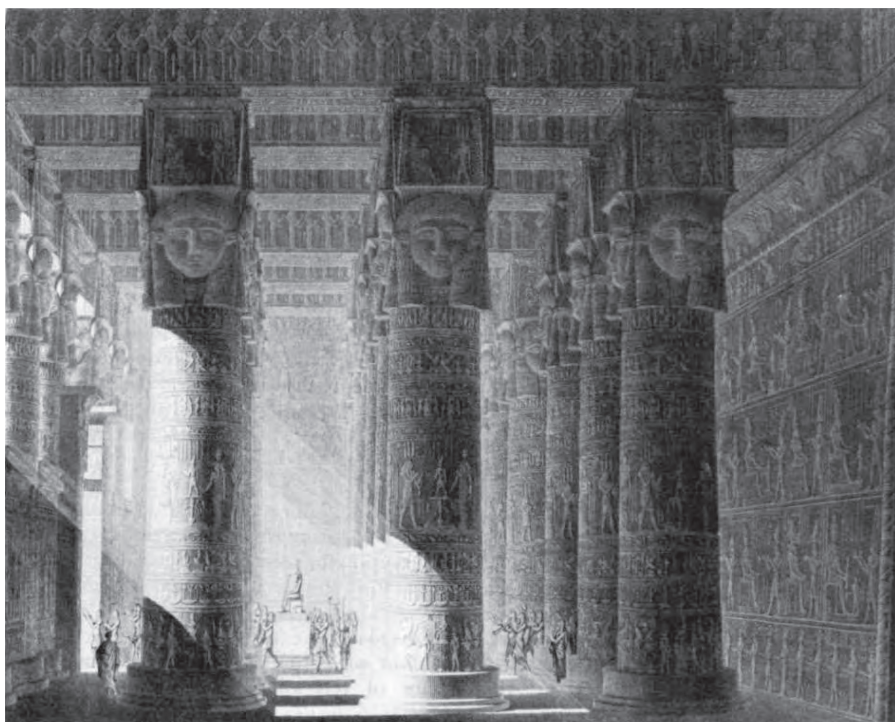

Рис. 28.

Художники времен Наполеона запечатлели храм Дендеры в действии. Учитывая степень свободы романтического воображения, оно, вероятно, передает идею лучше, чем любая фотография, перспектива позволяет художнику делать то, на что объектив камеры не способен.

Мы можем лишь представить каково это было, когда в один конкретный день года, и только в этот день, рассветный луч скользил сквозь открытые ворота вниз по восьмидесятиметровому притвору храма, бросая пылающий узор на единственный колосс из белого камня — и это посреди ритуала, пения и благовоний, предназначенных для единой цели, выраженной в соответствии с определенными гармоническими законами.

Поскольку египетское искусство основано не на личном

вдохновении, каким мы его знаем, а на знании, и поскольку это знание записано в руинах с помощью пропорций, иероглифов и мифов (все из которых основаны на значении чисел), мы можем последовать за Шваллером де Любичем и нашим современным фрагментарным способом раскрыть многослойные аспекты египетской мудрости.

Мы сейчас очень далеки от тех «четких, логичных мыслителей», которые предпочитали использовать труднообрабатываемые материалы. Тем не менее, мы еще не затронули самый важный аспект египетского искусства и архитектуры: конечная цель, которой оно служит.

Мы имеем в своем распоряжении огромные руины общества, которое в течение четырех тысячелетий тратило свои ресурсы на искусство в служении религии. (Строго говоря, то, что Шваллер де Любич называет египетским «храмом», является более сложной и более всеобъемлющей системой, чем религия, какой мы понимаем ее сегодня, но из-за отсутствия более точного слова мы будем обозначать ее так).

Хотя очевидно, что я не могу «доказать», что это организованное искусство служило художникам средством для развития сознания, аналогии, проведенные с утверждениями лучших современных художников, делают это правдоподобным предположением: искусство ни в коем случае не должно быть «коммуникативным», чтобы себя оправдать.

Даже сегодня существует своего рода «искусство», призванное вести исполнителя по пути к сознанию, хотя мы и не думаем об этом как об «искусстве», а скорее как об упражнении или дисциплине. В эту категорию попадают дзенская стрельба из лука и живопись, чайная церемония и боевые искусства, а также танцы дервишей и храмовых танцоров Индии и Бали.

За возможным исключением дзенской живописи, эти

искусства не предназначены для «сообщения». Посмотрите на танец дервиша, и вы ничего не получите от него. Попробуйте станцевать танец дервиша, и вас ждет большой сюрприз. Но большая часть искусства Египта, по-видимому, не попадает ни под эту категорию, ни под западную категорию общественного искусства. Если мы допустим, что все искусство, которое не является простым самовыражением, является упражнением в развитии сознания, мы все еще не сможем полностью объяснить Египет.

Искусство как «магия»

Разумеется, в Египте были свои танцоры, музыканты и воины, и практически наверняка они выполняли эти действия, находясь в связи с сакральным. Римский писатель Лукиан говорит о египетских мимах, которые выражали самые глубокие духовные тайны через жесты. Считается, что древняя форма этих танцевальных взаимодействий еще сохранилась в музыке, которую сегодня играют копты. И вполне объяснимо, что во всей египетской живописи пристальное внимание уделяется ритуальным жестам.

Рис. 29. Эти ритуальные танцы Древнего Царства удивительно похожи на те, что практикуются сегодня в некоторых группах, посвященных «внутреннему развитию».

Но даже принимая искусство и ремесленничество как законную, расширяющую сознание деятельность, мы не в состоянии объяснить египетские мотивы захоронения всех этих шедевров в гробницах, которые никогда не должны были быть открыты. Какой в этом был смысл?

Для современного сознания египетская озабоченность смертью, погребальными обрядами и загробной жизнью кажется безусловным суеверием. Но если задуматься о том, что качество современной жизни является прямым следствием качества понимания тех, кто ее формирует (ученые, педагоги, медиа-деятели; в меньшей степени художники; и в еще меньшей степени политики и сама общественность), то мы сможем оспорить любые господствующие предположения, которые не обоснованы железными доказательствами. Например, рассмотрев представленные доказательства, мы можем смело согласиться с наукой в том, что Земля круглая, но ни в коем случае не обязаны принимать научное мнение о таких предметах, как реинкарнация или путешествия души после смерти — даже если наука утверждает свои взгляды с такой же уверенностью, как будто говорит о форме планеты.

Центральными темами искусства и архитектуры Египта являются реинкарнация, воскрешение и путешествие души в мир иной. По факту, наука ничего не знает об этих вопросах. Её убеждения, какими бы настойчиво они ни выразались, остаются беспочвенными. Другой факт заключается в том, что эти темы имеют центральное значение для верований других древних цивилизаций, все из которых, очевидно, управляли своими обществами лучше нас. Учитывая состояние нашего невежества в этих областях, мы вольны выбирать между выводами противоположных авторитетов, ни один из которых не может быть подкреплён надёжными свидетельствами; я бы скорее принял наставления о душе от создателей Луксора, чем

от изобретателей напалма.

Помня о том, как современная физика показала, что физический мир лишь форма энергии, есть все причины считать, что эти туманные слова «душа» и «дух», которыми так часто злоупотребляют, также не лишены смысла.

Должное рассмотрение вопросов реинкарнации, воскрешения, магии, символизма, души и духа выходит за рамки этой книги. Я лишь утверждаю, что наша наука достаточно продвинута, чтобы раз и навсегда уничтожить все рационалистические предположения, будто эти темы с необходимостью являются вымыслом. В физической науке нет ничего, что делает реинкарнацию невозможной или даже невероятной. Это предмет, находящийся за рамками науки; он неизмерим. Невозможно также измерить особое умственное состояние, оставившееся на измеримости как окончательном критерии. Материализм – это метафизическая позиция: инфантильная философия и негативная вера, но всё равно философия и вера. Это не логический вывод науки.

Сохранность души за пределами физической смерти является почти универсальным принципом религий и философий. Я полагаю, что это не только выражение человеческого эгоизма; это неизбежная культурная формулировка самого главного и самого существенного требования любого живого существа – желания выжить. В теории Дарвина это было полностью реализовано успешным и обильным самовоспроизводством. Для эгоцентричных платоников реинкарнация тоже была необходима... Переселение души не оригинальная идея Платона и не является примером его самой радикальной гипотезы. Пифагор, который, вероятно, основал геометрию своей теоремой о размерах прямоугольных треугольников, думал, что в предыдущем воплощении он был кустом. Религиозная философия пифагорейского братства сегодня кажется смехотворной.

Colin Blakemore, *The Listener*, 11 Nov. 1976, p. 596

Рис. 30.

Сцены из повседневной жизни, на которые ученые взирают со своего рода облегчением от навязчивой теологии Египта. Но эти сцены не менее духовны по замыслу и содержанию. Царь, земной представитель небесного или «развитого» человека, всегда озабочен исключительно духовными вопросами; искусства и ремесла служат не только для отделения знати от простолюдинов, а символизируют достижение духовного посредством материального. Как и в сценах, посвященных теологии, детали несут глубинное значение и не выбираются произвольно. В Древнем Египте не было кино, но был известен его принцип. Обратите внимание на сборщика папируса в нижнем ряду. Он идет дальше, чем требуется, чтобы собрать одну связку папируса, сначала он молод, но взрослеет в каждом «кадре». Он также тщательно отметил единственный согнутый стебель, когда он стоит прямо и поддерживает его рукой. Это символическое изображение одного из аспектов жизни Оук-хотепа, подданного Сесостриса I [Двенадцатая Династия, 2000–1788 гг. до н. э.], который, очевидно, был человеком высочайших достижений: «уникальный доверенный, казначей, Великий Вождь жрецов Хатхор, владычицы Кузы, писец божественных свитков, Мастер всех Скипетров и облачений», «уникальный в своем роде, никогда не имевший равных, владеющий тайнами, известными лишь ему одному».

Рис. 31. Церемония открытия рта покойного железным крюком. Этот странный ритуал также распространен среди якутов Восточной Сибири, народа, который, как полагают, изначально пришел из Турции. Эта церемония уже встречается в самых ранних текстах Книги Мертвых [пятой династии], и упоминание о железном крюке очень необычно, поскольку железо, хотя и было известно Древнему Египту, использовалось крайне редко. Зачем же тогда железный крюк? Амбициозные молодые египтологи могут попытаться найти ответы на более интересные вопросы, чем количество змей, ответственных за смерть Клеопатры.

Как и все другие инициатические учения, Египет считал, что целью человека на Земле было возвращение к источнику. В Египте признавалось два пути к этой цели. Одним из них был путь Осириса, который представлял циклическую природу универсального процесса; это был путь последовательных перевоплощений. Вторым был путь Гора, прямой путь к воскрешению, которое человек мог достичь в течение одной жизни. Именно путь Гора лежит в основе христианского откровения, и, согласно Шваллеру де Любичу, цель христианства состояла в том, чтобы сделать этот прямой путь доступным для всех, кто решил ступить на него, а не для небольшой группы избранных посвященных, которые в Египте составляли «храм». В этом, и только в этом смысле, произошла «эволюция» жизни человечества.

Теперь, когда смерть рассматривается не как окончательное растворение (как у нас), а скорее как переходный (и решающий) этап путешествия, тогда кажущаяся египетская озабоченность смертью становится прямо противоположной тому, чем видится. Это, по сути, поглощенность жизнью в самом глубоком смысле.

Поскольку принципы, лежащие в основе вселенной, везде одинаковы, аналогия является более точным, и в конечном счете более «научным» средством для достижения понимания явлений, чем простое измерение. Вот почему все священные учения используют притчу, аналогию, миф и символ вместо фактов. Факты не помогают пониманию.

Если реинкарнация — реальность, то при смерти бестелесная «душа» находится в аналогичной ситуации с физической оболочкой. Нужно пробить скорлупу, чтобы вылупиться. Как и хрупкий росток, чистая, но при этом способная бороться за жизнь «душа» очень уязвима. Ее легко растоптать. Ей нужно питание согласно ее потребностям. Однако в случае души

эта пища не физическая, а духовная. Отсюда повсеместное распространение сложных похоронных обрядов, молитв и так далее. Для нас, конечно, обеспечение такого питания является «магией», и наше образование, основанное (даже сейчас, после семидесяти лет теории относительности и квантовой физики) на материалистическом викторианском тщеславии, внушает нам представление о том, что магия является синонимом суеверия.

Шваллер де Любич определяет магию как манипулирование гармоническими силами, которые могут лежать вне чувственного восприятия и поэтому находятся за пределами возможности измерения.

Даже сейчас мы живем в волшебном мире. Искусство – это магия. Его воздействие нельзя измерить, и оно не может быть понято рационально. В какой-то степени методология искусства может быть вычислена, разбита на составляющие ее гармонии, вибрации, длины волн и ритмы. Но это не объясняет и не может объяснить произведенный эффект, который является магическим. Внутри нас произошла трансформация энергии. И только понимание значения чисел, управляющих ритмами, длинами волн и так далее, может объяснить эти преобразования. Мы едим картофель. Вскоре энергия картофеля может быть преобразована в энергию мысли. Это тоже магия – магия нетеру. Наша наука может проводить измерения количественных аспектов этого явления; превращение картофеля в мысль, ярость или гнев – это факт. Но чтобы объяснить *качественные* аспекты трансформации энергии, наука способна лишь вернуться к хитроумному эволюционному жаргону: энергия трансформируется, потому что организмы, которые могли трансформировать энергию, имели «биологическое превосходство» над теми, кто не мог. Это навязывание человеческого мышления якобы слепым и

случайным силам природы. «Превосходство» подразумевает цель. Согласно этой теории, нет никакой цели.

Цель огромных художественных и архитектурных усилий Египта была магической. В храмах эта магия была публичной, предназначенной для того, чтобы воздействовать своими преобразованиями на людей, его посетивших. В гробницах магия была направлена на бестелесную душу умершего. Кто мы такие, чтобы говорить, что это было суеверие, что это было заблуждение, что это не сработало?

С этой точки зрения египетская озабоченность «смертью» имеет смысл, хотя она все еще чужда нашей собственной озабоченности, которая даже не связана с «жизнью», а с уровнем жизни. Здания, статуи и фризы Египта были предназначены для того, чтобы привести как живых людей, так и бестелесные «души» мертвых к нетеру.

Символическое искусство

Наконец-то мы подошли к символизму. Все египетское искусство символично.

Мы принимаем символ как нечто иное, нечто неясное. В литературе, как, например, у Джойса и Вирджинии Вулф, это субъективная система соответствий, которая что-то означает для ее автора, и может или не может передать схожий смысл читателям. Мы можем принять символ за произвольное устройство, представляющее собой понятие или набор понятий – например, американский флаг. Для нас символ не имеет никакого значения, если мы заранее не знаем, что он должен означать. Тогда он служит своего рода знаком или условным обозначением.

В Египте символизм был точной наукой. Мы уже касались глубокого символа змея, демонстрирующего силу двойственности. Все египетские символы и иероглифы столь же глубоки и стоят каждый на своем месте. И именно в изучении египетского символизма мы начинаем ценить острые наблюдательные (то есть «научные») способности египтян.

Их символы тщательно выбираются из природного мира, и избранный символ наилучшим образом выражает или воплощает в себе функцию или принцип. Этот символ представляет эту функцию или принцип одновременно на всех уровнях – от простейшего, наиболее очевидного физического проявления до наиболее абстрактного и метафизического.

К сожалению, символизм Египта единственная наиболее распространенная и поразительная черта его цивилизации, для нас наименее доступен. Даже если, следуя за Шваллером де Любичем, мы сможем проникнуть в глубинные значения отдельных символов, есть вероятность, что немногие из нас когда-либо смогут «прочитать» текст так, как он должен был быть прочитан. Природа символов с их многообразными значениями такова, что они не могут быть прочитаны линейным, последовательным образом, так, как мы читаем книги; они требуют того возвышенного состояния сознания, которое сегодня некоторые люди испытывают после многих лет медитативной практики, в котором все воспринимается как часть целого.

Иногда, если нам повезет, мы можем испытать это чувство, соприкоснувшись с картиной или музыкальным произведением. Если вам знаком этот опыт, вы не ошибетесь в нем, и тогда распознаете психологическое состояние, необходимое для чтения египетских писаний в том виде, в котором они должны быть прочитаны, даже если вы не можете понять их.

Но если этот непосредственный опыт недоступен для нас, мы все еще можем признать несостоятельность традиционных взглядов, которые не видят в египетском символизме (и во всех египетских методах) ничего, кроме примитивного, тяжелого способа делать то, что нам дается легче.

Рис. 32.

Жук-скарабей, хепра, символ утреннего солнца, Солнце как преобразующий принцип. Скарабей откладывает яйца в навозный шарик, и в конце концов появляются личинки, как бы самопроизвольно рождаясь, питаясь шаром. Очевидна аналогия с Солнцем, исчезающим ночью и появляющимся в своей славе утром. Символ также относится к функции солнца. Говоря человеческим языком, мозг человека – это его солнце и его преобразующий принцип. Шваллер де Любич отмечает сходство в форме скарабея и человеческого черепа.

Рис. 33.

Гиб, «бог земли», разорванный или отделенный от Нут, «богини неба». Ученые находят эти графические изображения творения примитивными, хотя иногда и привлекательными. Но чтобы объяснить факт творения, те же самые ученые должны прибегнуть к фантазмагории эволюционной теории, возможно, самой необоснованной совокупности суеверий, когда-либо заражавших человеческий разум. Египет имел дело с принципами, лежащими в основе фактов. Нут, женщина, является матрицей творения. Гиб, мужчина, оплодотворяющий принцип. Но творение на этом уровне духовно, а не материально: фаллос направлен на пуповину. Таким образом разделение неба и земли является одновременно причиной и следствием.

Египтолог, как послушное дитя восемнадцатого века, верит в кредо простоты. Математика проще, а значит автоматически лучше; алфавит, позволяющий каждому писать все, что он хочет, совершеннее, чем иероглифическая система, которая требует много лет обучения.

Мы настолько привыкли воспринимать простоту как синоним прогресса, что никогда не подвергаем ее сомнению. Однако это произвольное оценочное суждение.

А

В

Рис. 34.

А. Осирис – фаллический символ возрождения. Фаллос помещают на месте пуповины. Правильное анатомическое расположение фаллоса было задачей в пределах возможностей древних египтян. Фаллос, расположенный на пуповине, символизирует силу самообновления Осириса.

В. Плачущие женщины. Гробница Рамоса. Обратите внимание на точность деталей жеста. Один жест активен и изображается двумя правыми руками; один жест восприимчив и изображается двумя левыми руками. Доказательством того, что это сделано намеренно, служит фигура девочки в нижнем ряду, третьей слева, которая обнимает взрослую женщину правой и левой рукой.

Эта забота об упрощении называется «здравым смыслом»; но на самом деле это еще одно бездумное преклонение перед алтарем экономики, культом потребления Запада. (Вероятно, нынешняя всемирная одержимость спортом отражает врожденное желание превосходства, нужно чего-то достичь только для того, чтобы достичь. Трудный путь — вызов, который раньше был встроен в повседневную жизнь, теперь уничтожен техноло-

гией. Немногие счастливики имеют представление о природе проблемы и противопоставляют себя друг другу или обстоятельствам, в то время как миллионы наблюдают за ними и получают только косвенное переживание опыта, который должен был стать их собственным.)

Когда мы смотрим на Египет и находим некоторые аспекты его цивилизации тяжелыми, консервативными или излишне примитивными, мы всегда должны помнить, что их ценности не совпадали с нашими. Всегда, когда мы внимательно смотрим на их методы, учитывая их цели, отказ отвергнуть сложные и трудоемкие методы, разработать алфавит или более продвинутую технологию, был преднамеренным и основанным на более глубоком понимании человеческой природы и человеческой судьбы, нежели то, чем обладаем мы.

Рис. 35 А.

Рис. 35.

А. Укрощение дикого быка. Это, несомненно, изображение метода подчинения быка, подготовленного к жертвоприношению. В то же время дикий бык представлял собой неукротимую внутреннюю (обычно сексуальную) силу. Фактическое жертвоприношение быка – это символическое представление необходимого внутреннего, духовного поиска.

Рис. 35 В.

Рис. 35.

В. Сцена охоты. Египетские собаки охотились на антилопу в пустыне. Но антилопа была также одним из многих существ, принадлежащих Сету [возможно потому, что она убегает от врага?], поэтому сцены охоты символизируют один из аспектов победы над силами Сета.

Рис. 35 С.

Рис. 35.

С. Кажется маловероятным, что в повседневной жизни смотрители псарен одновременно тренировали своих борзых и обезьян. Но животные силы внутри человека должны быть в согласии. Бесполезно выгуливать собак, пока обезьяны терзают сад.

Puc. 35 D.

Рис. 35.

Д. Птах, творец формы, огонь, упавший на землю, творческий аспект Ра. Птах стоит на глифе наполовину, представляя собой изначальный раскол, разрыв Совершенства Абсолюта.

Рис. 36 А

Рис. 36 В

Рис. 36.

А. Сеть для ловли диких птиц. Египтологи считают такие сцены не более чем примитивными представлениями о повседневной жизни. Но когда [как в Эдфу] сеть содержит не только птиц, но и связанных пленников и животных, ясно, что она имеет другое значение.

В. Сеть держит правитель вместе с тремя нетеру, что кажется любопытным способом проводить свободное время даже в Египте. Шваллер де Любич обнаружил, что сеть была также основана на чрезвычайно интересных геометрических пропорциях. Дикае птицы на самом деле пойманы этим методом, но «дикие птицы» здесь являются символами духа, который человек должен поймать в поисках внутреннего мастерства.

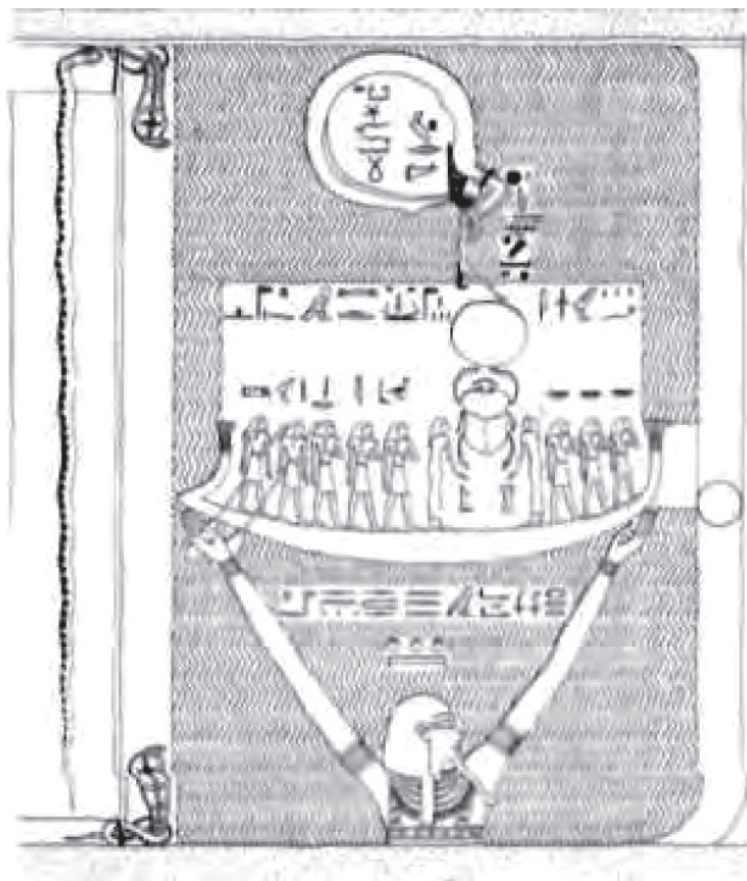

Рис. 37.

Рис. 37. Солнечная ладья, поддерживаемая Нут, небом (с левой ладонью на правой руке и правой на левой руке), управляемая «сознанием» и «словом». Каждая деталь в любом египетском барельефе или фреске имеет точное и продуманное значение. Ничего случайного, никаких прихотей или суеверий. Все детали можно рассмотреть с помощью метода символического толкования, разработанного Шваллером де Любичем.

Резюме

Давайте теперь кратко рассмотрим конкретные аспекты египетской науки, символизма, мифа и литературы в интерпретации Шваллера де Любича и некоторых других. Но поскольку это отступление в сторону смысла и цели египетского искусства заняло так много времени, ведь чтение – это линейный процесс, и замечания, сделанные тридцать страниц назад, будут уже полностью или частично забыты, я хотел бы суммировать все те трудности и недостатки, с которыми мы сталкиваемся, когда приближаемся к египетскому искусству.

1. Египетское знание — это одно целое. Ни один его аспект не должен изучаться отдельно от остальных. Поскольку для нас нет другого способа изучить его, кроме как по частям, мы всегда должны иметь в виду, что любые выводы, к которым мы придем, всегда должны быть связаны с целым, из которого они были извлечены.

2. Египетское знание всегда сокрыто, оно никогда не было явным. Оно было «тайным» только в том смысле, что не было предано писанию (если только в утерянных книгах Тота, хранившихся в Гермополесе и упоминавшихся лишь в некоторых текстах). Египет не говорил о своем знании, а скорее включал его в свое искусство и архитектуру, позволяя ему воздействовать эмоционально: Египет говорил с умом сердца.

3. Самовыражение не является необходимым аспектом творчества.

4. Египетское искусство, религия, философия, миф, математика и наука основаны на абстрактной и метафизической, но логически неизбежной предпосылке изначального разделения.

5. Из этого естественно вытекает поток и взаимодействие числа, носителя золотого сечения и связанных с ним «иррациональных» значений и гармонии. Изучая число, иррациональность и гармонию, человек в состоянии понять все творение и все законы, принципы и функции, лежащие в основе физических явлений, которые являются их результатами. Наша наука изучает только эти результаты, или, точнее, измеримые аспекты результатов. Таким образом, живой факт по определению находится вне досягаемости западной науки, как это практикуется в настоящее время; нынешняя наука является погребальной дисциплиной, посвященной вскрытию трупов явлений.

6. Египет был практичным. Искусство, строго говоря, практично. Практично организовать общество таким образом, чтобы позволить людям реализовать свои духовные цели и даже побудить их к этому.

7. Хотя мы не можем испытывать эмоциональное воздействие египетского искусства и архитектуры, мы можем, по крайней мере, смотреть на него в его собственном контексте, не как на обращение к эстетической чувствительности или как на инструмент навязанной тирании, а как на постоянное упражнение в развитии сознания.

8. Наконец, поскольку методы Египта были, в конкретном и широком смысле магическими, цели, на которые были направлены египетское искусство и архитектура, должны оставаться непостижимыми для нас, и останутся таковыми до тех пор, пока современный человек не достигнет соразмерного понимания

духовных реальностей, на которых был основан весь Египет. То, что для нас в Египте было «магией», для них было наукой, а в каком-то смысле даже технологией.

Современная наука не знает о перевоплощении и воскрешении, но если мы можем принять возможность того, что это существует, то мы должны подходить к египетскому знанию лишь для того, чтобы учиться, ибо нам нечего к нему добавить.

Мы также испытываем недостаток в наших знаниях и трактовке символизма. Каждый символ Египта был тщательно отобран из природного мира как лучше всего выражающий и воплощающий гамму принципов и значений, от самых абстрактных до самых конкретных.

Шваллер де Любич рассматривает всю египетскую цивилизацию как огромный, сознательно организованный символ, соответствующий этапам, через которые проходило человечество. Поэтому, когда мы смотрим на отдельные аспекты египетского знания, мы никогда не должны забывать, что все это было разработано для применения по задуманной схеме.

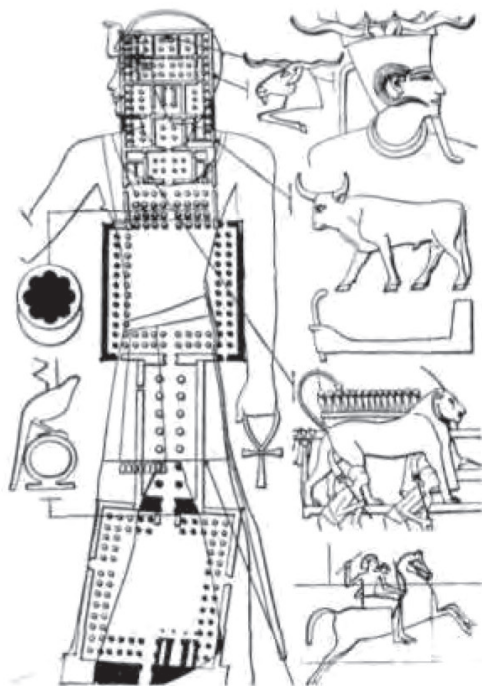
НАУКА И ИСКУССТВО В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Астрономия

Со времён Наполеона и до наших дней астрономы, интересовавшиеся развитием своей науки, обращались к Египту и, хотя расходились в деталях, в целом приходили к выводу, что египетская астрономия была более продвинутой, сложной и утончённой, чем признают египтологи. Шваллер де Любич тщательно изучает и собирает доступные свидетельства, добавляя свои поразительные идеи.

Рис. 38.

Астрология традиционно соотносит части и органы тела с доминированием различных знаков Зодиака. Хотя известный нам Зодиак, похоже, не существовал в Египте, Шваллер де Любич полагал, что знание о Зодиаке и астрологии определяло возведение и разрушение храмов и сдвиги в акцентах египетского символизма. В храме Луксора он нашёл символы, соответствующие зодиакальным знакам в большинстве залов и комнат, с которыми соотнесла бы их средневековая астрология. Большинство рельефов Луксора находятся в крайне плохом состоянии или совершенно стёрты, и раньше вполне могли существовать ныне отсутствующие знаки. Похожее аналогичное понимание скрывается за египетским соотношением часов дня и ночи со властью конкретных нетер – эта практика также распространена в китайской акупунктуре и теперь ждёт подтверждения современной медициной.

Puc. 38.

Рис. 39.

Хотя до сих пор в древнем Египте не нашлось ничего напоминающего индивидуальный гороскоп, свидетельства о том, что можно назвать макро-астрологией, предполагают существование некой индивидуальной астрологии. Я не могу доказать, что египтяне проводили важную связь между индивидуумом и моментом рождения, но поскольку «рождение» храмов предопределялось астрологически, едва ли это было иначе. Точно можно сказать, что Египет понимал соответствие между человеком и звёздами.

Это безошибочно демонстрируется одним египетским рисунком, значение которого ускользало от исследователей, даже пытающихся доказать существование астрологии в Египте, пока не было истолковано недавно автором под псевдонимом Musaios (доктор Чарльз Мьюсес) в книге **The Lion Path: You can take it with you**, опубликованной в 1985 г.:

«Фигура ниже взята из второго золотого святилища в гробнице Тутанхамона. Она находится в ряду идентичных фигур-мумий, часть сложного и особенно загадочного похоронного текста. Но

какими бы загадочными ни были текст и рельефы, астрологическое значение рельефа безошибочно. Лучи силы или энергии связывают сознание человека и звёзд: никак иначе это истолковать нельзя. Одного этого маленького рельефа достаточно, чтобы доказать существование астрологии в Египте».

Как и все древние цивилизации, Египет посвящал много времени и энергии изучению небес. Историки полагают, что сочетания практической сельскохозяйственной необ-

ходимости и первобытных суеверий достаточно, чтобы объяснить этот всеобщий древний интерес.

Египет наблюдал небеса с максимальной точностью. В некоторой степени эти сведения находили применение в сельском хозяйстве, геодезии и системе весов и мер. Но в то же время данные астрономии изучали ради их смысла: иными словами, они служили целям астрологии, представляющей собой изучение соответствий между событиями в небесах и на земле.

Существует предостаточно неоспоримых свидетельств, что эти соответствия существуют. Изобилие и качество прямых и косвенных современных свидетельств, подтверждающих эти соответствия, было бы достаточно в любой другой области, чтобы окончательно разрешить вопрос. За последние десять лет приятно большое число учёных, рассмотрев свидетельства, приняли их. Но по многим психологическим и философским причинам предмет астрологии остаётся эмоционально заряженным в такой степени, что недавно 186 видных учёных, включая девятнадцать Нобелевских лауреатов, подписали петицию, осуждающую рост интереса к астрологии. Этот совершенно тщетный, но крайне интересный символический жест прежде всего говорит о том, что 186 учёных не рассматривали накопленные свидетельства, подтверждающие соответствия между небом и землёй, а кроме того, что коллегия кардиналов, правящая церковью прогресса, уже не так уверена в своём положении: несколько десятилетий назад учёные не считали своё положение достаточно опасным, чтобы выпускать официальное осуждение (1.4).

Эти современные свидетельства, хотя и неопровержимые, естественно, касаются только тех астрологических соответствий, которые согласуются с современными методами измерения. Однако, уместно будет оправдать такое аналогическое мышление, что необходимо для прояснения того

применения, которое Египет находил для астрологии.

Как мы видели, начиная с мистического изначального разделения и далее через исследование чисел, мы понимаем физические явления как результат взаимодействия функций и процессов. Чтобы разобраться в путанице впечатлений, внушаемых чувствами, мы классифицируем эту информацию по масштабу. Наука с неохотой принимает такую классификацию, но едва ли может что-то с этим поделать. Обычные люди делают это инстинктивно, непосредственно и точно.

Ключевые слова этой врождённой системы – «иерархия», «ритм» и «цикл».

Вселенная организована иерархически, как и все человеческие учреждения.

В физическом мире более простые или «низшие» единства сочетаются, чтобы составить более сложные или «высшие» единства. Мы различаем между «высшим» и «низшим» по множеству неизмеримых, но неизбежных качеств: чем «выше» единство организма, тем больше степень его чувствительности, разумности, ума и, наконец, выбора. Капуста «выше» камня, собака «выше» капусты, человек «выше» собаки. Позитивист может утверждать, что «высшее» – это субъективный и сбивающий с толку термин в случайной, бессмысленной вселенной, но если это не чрезвычайно быстро мыслящий позитивист, его реакция после того, как он переедет капусту, будет не совсем такой же, когда он переедет собаку или ребёнка.

Наука не может избежать иерархической природы физического мира. (С точки зрения одной только математической статистики, этот факт препятствует возможности эволюции как случайного события.) Наука признаёт в человеке иерархическое единство (или организм), составленное из желез и органов, которые сами состоят из клеток, каждая из которых состоит из молекул, в свою очередь составленных из атомов. Каждая стадия

(вверх от атома) характеризуется более высокой степенью чувствительности, сознательности, сложности, организации и автономности.

Здесь современная наука останавливается. Ограниченная навязанным критерием измеримости, она отказывается признать, а уж тем более попытаться исследовать те высшие иерархии, которые аналогически, если не логически, требуются, чтобы сделать этот опыт постижимым.

Индивидуум – это иерархический организм или единство. Он часть высшего организма или единства: человечества. Человечество – это часть органической жизни, которая сама по себе часть земли, представляющей собой часть Солнечной системы, являющейся частью нашей галактики. Каждая стадия представляет высшую иерархию или область, из которой выводимы высшие степени чувствительности, сознательности и так далее.

Тем временем, мы наблюдаем, что физические явления следуют изменчивому ритму в рамках циклического шаблона. Вдох, выдох; пробуждение, сон; весна, лето, осень, зима; все эти перемены навязаны двойственной, полярной природой творения. И цикл оплодотворения, рождения, роста, созревания, старения, смерти и обновления характерен для всех иерархий. (Хотя он не различим на молекулярном и атомном уровнях, в некоторой степени его можно заметить на высших галактических иерархиях.)

Учитывая степень, в которой мы можем наблюдать иерархическую структуру, изменяющиеся ритмические и циклические шаблоны в физическом мире, недалеко и глупо отказывать в праве на существование этим принципам в тех областях, что выходят за пределы чувств и потому недоступны прямому измерению.

Египет и другие древние цивилизации никогда не

останавливались перед такими произвольными границами. Именно астрономия на службе астрологии позволила ему заглянуть в высшие миры и действовать на основе этих озарений, иногда прямо, иногда символически.

Для нас, ограниченных узким, утилитарным представлением об обществе, может быть трудно понять полученные результаты, но мы можем понять лежащее в их основе мышление.

Для иерархической организации повсеместно характерно, что «высшее» упорядочивает низшее, тогда как «низшее» дезорганизует высшее.

Шеф-повар организует посудомоек и официантов в ресторан. Если посудомойки непокорны (или шеф-повар пьяница и тиран), они восстанут и разрушат организацию. Раковая клетка внутри тела восстаёт, отказывается подчиняться, старается добиться «самовыражения» и разрушает всё устройство тела. Но хотя организация продвигается сверху вниз концептуально, в своём исполнении она движется снизу вверх. Книга завершена в голове автора до того, как он возьмётся за перо; дуб целостен и потенциально скрыт уже в жёлуде. Но книга движется слово за словом, дуб начинается с ростка, и только эта часть процесса доступна наблюдению. Конечно, именно этот наблюдаемый процесс используется для подкрепления эволюционной теории, но, как прекрасно понимал Платон, это лишь механическая и наименее интересная часть истории.

Эти принципы организации заметны во всех наблюдаемых областях. Потому нет причин полагать, что они отсутствуют в тех областях, которые трудно или невозможно наблюдать, и потому также точно нет причин, почему бы в этих областях действовали точно противоположные принципы.

Как мы видим в человеческом теле, иерархии взаимодействуют и зависят друг от друга; дезорганизация в низших облас-

тях расстраивает и может даже уничтожить высшие.

Так что когда во имя прогресса мы насилуем землю ради её ресурсов, уничтожаем экологическое равновесие, значительно растрачивая потенциальную энергию планеты (уголь, нефть, даже гидроэлектрическую силу), мы вполне можем говорить о разрушительном действии, которое может иметь последствия по всей земле, даже за пределами Солнечной системы, ведь мы понятия не имеем, какую роль органическая жизнь на Земле играет в общем замысле. Маленькая заражённая рана может привести к гангрене и разрушить всю систему.

Во всяком случае, именно данные астрономии, истолкованные в терминах числа, циклов и иерархии дают понимание высших областей. Египет упорядочил и обустроил свою цивилизацию на основе этого знания; именно это объясняет структуру его системы календаря, изменения в символических акцентах, вознесение одного Нетер над другим и сдвиги в теологической гегемонии различных религиозных центров.

Что до физических средств получения необходимых точных астрономических сведений, то Египет обладал точнейшими обсерваториями до развития современных телескопов. Два английских астронома, Ричард А. Проктор и сэр Джозеф Локьер в конце XIX века продемонстрировали, как пирамиды, сначала в усечённой, а затем в завершённой форме, могли использоваться в качестве обсерваторий.

Календарь

Циклы луны и солнца очевидно соответствуют событиям на земле (а также циклы планет, Солнечной системы, неподвижных звёзд и созвездий, но менее очевидно). На самом очевидном практическом уровне человек должен следить за этими циклами. Всякое человеческое общество, практикующее сельское хозяйство, требует некоего календаря, если оно вообще собирается планировать.

Всё сельское хозяйство Египта зависело от ежегодного подъёма и разлива Нила, и в этом, по мнению египтологов, была изначальная причина изучения астрономии и развития в течение столетий поразительно сложного, крайне оригинального и очень точного календаря.

Но почему эти ясные, последовательные мыслители, любившие работать с трудными, а не простыми материалами, использовали три календаря одновременно? Чтобы усложнить жизнь фермерам?

Египет работал по лунному календарю из двадцати восьми- и тридцатидневных месяцев, переходному или гражданскому календарю из 360 дней плюс пять дополнительных дней (в которые, как считалось, родились Нетер) и календарю из $365\frac{1}{4}$ дней, основываясь на гелиакическом возвращении звезды Сириус – именно этот календарь управляет нашим годом сейчас.

Насколько я знаю, никто не пытался проработать в деталях связи между независимыми, но одновременно действующими календарными системами Египта. Но Шваллер де Любич делает наблюдение, которое, в конечном счёте, может привести к полному пониманию.

Двадцатипятилетний цикл соответствовал 309 лунным месяцам (лунный месяц – это период между одной новой луной

и следующей). Расчёт таков:

$$25 \times 365 = 9125 \text{ дней, и}$$

$$9125 / 309 = 29.5307 \text{ дней в лунном месяце.}$$

Это само по себе даёт крайне точные наблюдения. Современная астрономия считает, что лунный месяц длится 29.53059 дней, то есть разница составляет около секунды. Но Шваллер де Любич отмечает интригующую равнозначность двадцати пяти лет 309 лунным месяцам.

$$\frac{(\phi - 1) * 1000}{2} = 309$$

Выбор этого числа как определяющего цикл не может быть случайным. (Двойной цикл, выражающий Золотое сечение, составляет пятьдесят лет;

$$618 = (\phi - 1) \times 1000.$$

Интересно, что это цикл, данный африканскими догонами для орбиты невидимого спутника звезды Сириус, на которой основана вся астрономия догонов).

Как мы видели ранее, ϕ , Золотое сечение, представляет собой функцию, геометрически рождающую пять. В пифагорейском числовом символизме пять – это число творения, шесть – это число времени и пространства. Мы находим это толкование отражённым в египетском символизме, и теперь похоже, что эти числа играют роль и, возможно, были определяющими факторами египетской календарной системы. Ведь различные циклы могут быть сведены к взаимодействию пяти и шести и их множителей. А поскольку египетский календарь считается чудом точности, интересно отметить, как факты астрономии,

похоже, подтверждают положения чисто символического пифагорейского мышления.

Лунный календарь состоял из циклов по двадцать пять лет из 309 лунных месяцев. Сам год рассчитывался двумя способами. Был 365-дневный «гражданский год», похожий на наш. Но, в отличие от нашего, он не разделялся на месяцы произвольной длины, чтобы составить 365 дней. Египет считал двенадцать месяцев из тридцати дней каждый (произведение двух шестёрок и шести и пяти) плюс пять дополнительных дней. Как считалось, в эти дополнительные дни были «рождены» Нетер (или божественные начала).

Как мы знаем, фактический год состоит не из 365, а из $365\frac{1}{4}$ дней. Мы добавляем дополнительный день каждые четыре года в наш «високосный год», что позволяет синхронизировать календарь.

Однако, Египет использовал два календаря одновременно. Гражданский или переходный год постепенно смещался относительно неизменного или сотического года (Сириус = Сотис по-гречески, Сопдит на египетском языке). Гражданский год, теряющий день каждые четыре года, совпадал с сотическим за 1461 год ($365\frac{1}{4} \times 4$). Дата этого совпадения отмечала то, что Египет называл Новым Годом. Именно египетская привычка записывать события по обоим календарям позволяет современным египтологам устанавливать хронологию Египта с точностью, поскольку астрономическое совпадение гелиакического восхода Сириуса с летним солнцестоянием можно определить в узких рамках. Египетский Новый Год также позволяет нам установить дату основания Египта как единого царства, поскольку эта дата, согласно записям, выпадает на первый Новый Год. Однако, здесь среди египтологов возникает спор, к какому гелиакическому восходу Сириуса следует отнести эту дату.

На табличке из слоновой кости, изображающей царя Ден (I династия) *знак года* окружает две из этих церемоний, свидетельствуя о *существовании в то время* полностью действующего календаря. Потому именно благодаря этому календарю, уже действующему до 3000 г. до н. э., можно пересчитать во времена V династии анналы первых царей, год за годом, вплоть до месяцев и дней.

R.A. Schwaller de Lubicz, *Le Roi de la Theocratie Pharaonique* (Flammarion), 1961, p. 142

Есть три возможных даты: 4240 г. до н. э., 2780 г. до н. э. и 1320 г. до н. э. Последняя из них исключена, поскольку *известные* египетские династические списки нельзя вместить в оставшееся время. Вторая дата выпадает на период, которые египтологи считают расцветом эпохи пирамид. Однако, известная египетская история не вписывается и в эту дату, и тексты пирамид Пятой династии (ок. 2500 г. до н. э.) постоянно ссылаются на празднование «Нового» Года, что указывает на прежнее существование двойного календаря, введённого до 4240 г. н. э.

Египтологам претит принять такой вывод по той простой причине, что они не хотят верить, будто египетская цивилизация настолько древняя. Более того, установление сотического года – это сложный астрономический процесс; он предполагает способность выделить на всём небе одну звезду, позволяющую определить год из $365\frac{1}{4}$ дней. Это, в свою очередь, требует длинного процесса точных наблюдений ещё до 4240 г. н. э.

Только видный немецкий египтолог Людвиг Борхардт принял астрономическое свидетельство как есть и поддержал 4240 г. как дату установления египетского календаря. (Это любопытное исключение, ведь Борхардт во всех остальных случаях презрительно относился к египетской науке.) Другие

египтологи пытались установить египетскую хронологию при помощи не-астрономических способов. Но большинство признаёт важность сотического календаря. Однако, не способные принять последствия признания даты 4240 года до н. э., они придерживаются 2780 г. до н. э.

Но даже эта дата предполагает длинную историю точных астрономических наблюдений. Не принимая этого, исследователи ищут какой-то безыскусный, примитивный метод, при помощи которого Египет мог бы наткнуться на крайне точный сотический календарь случайно или методом проб и ошибок; и в этом поиске отбрасывают все обычные исследовательские и научные правила. Годится всё, если это позволяет исследователям продолжать верить, что наука началась в Греции.

Например, Отто Нойгебауэр думает, что вычисляя среднее значение периодов между последовательными ежегодными разливами Нила через 240 лет можно получить точное число в 365,25. Никаких подтверждений этой гипотезе нет. Но даже без учёта отсутствия свидетельств она абсолютно несостоятельна, ведь нет случаев, чтобы египтяне высчитывали средние значения, и крайне маловероятно, чтобы любое среднее, взятое за 240 лет, дало бы точно 365,25 дней.

Даже если бы такое среднее значение дало точное число, египтяне просто не смогли бы понять, что оно точное, *если бы только не знали его заранее.*

Если число было получено таким методом, не было бы причин придавать такое значение гелиакическому возвращению Сириуса. Ежегодный разлив Нила лишь грубо совпадает с Сириусом и расходится с ним вплоть до шестидесяти дней год от года. Если бы египтяне действительно рассчитывали на то, что Сириус предвещает подъём Нила, они бы все утонули задолго до Первой династии.

Чтобы точно определить длину года в 365,25 дней, всё это не

нужно. Нужно лишь тщательное наблюдение за длиной теней. Время, прошедшее между двумя самыми короткими (или самыми длинными) тенями года даст точную длину года. За несколько лет число будет подтверждено и станет точным. Именно совпадение года из 365,25 дней с Сириусом влечёт за собой продвинутую астрономию.

Лишённая подтверждений и недоступная для подтверждения, гипотеза Нойгебауэра, куда менее правдоподобная, чем самые дикие мечтания пирамидологов, пользуется поддержкой многих видных египтологов. Ведь наука, как все знают, началась в Греции.

Вне зависимости от того, как она была получена, египетская календарная система считается следствием нужд сельского хозяйства.

Но грубого лунного календаря вполне достаточно для сельского хозяйства. Египет работал по крайне точному тройному календарю, и причина для этого выходит далеко за рамки острых сельскохозяйственных нужд. Зная, что египтяне планировали свои празднества по всем трём календарям, и некоторые из этих празднеств передвигались в соответствии с календарями, мы получаем ключ к их мотивам.

Циклы Луны, Солнца, Сириуса и неподвижных звёзд разделялись, потому что их воздействие было разнородным. Дни празднеств предназначались для освящения и использования этих воздействий в точное время. Сельскохозяйственные празднества и праздники плодородия следовали лунному календарю. Другие следовали гражданскому календарю, тогда как иные соответствовали сотическому календарю.

Выработав 365,25-дневный год, египтяне вполне могли выдумать високосный год. Но это сделало бы невозможным слежение за теми датами, которые зависели от неизменного

(сотического) года и цикла в 1461 гражданский год до сотического Нового Года. Это, наряду с египетским обозначением Сотис как Великой Подательницы, показывает, что Египет мыслит в терминах иерархии областей и циклов. Ведь если Сотис как подательница была просто синонимом разлива Нила, зачем тогда сдвигать даты празднеств? Древние источники утверждали, что египтяне считали Сириус другим и более великим солнцем. Современная астрономия говорит, что Сириус – это двойная звезда с одной огромной половиной низкой плотности и другой, более мелкой, крайне плотной половиной. Шваллер де Любич полагает, что это похоже на ядро атома с его позитроном и нейтроном. И это может быть связано с «центральным огнём» Пифагора. Но его точная космическая роль, как и точная роль в Египте, остаётся загадкой. Возможно, что Египет знал то, о чём подозревают некоторые современные учёные: Сириус – это большее солнце, вокруг которого вращаются наше Солнце и вся Солнечная система.

Отправная точка творения – это звезда, обращающаяся вокруг Сириуса и называемая «звездой Дигитария»; догоны считают её самой маленькой и самой тяжёлой из всех звёзд; она содержит зародыши всех вещей. Её движение вокруг собственной оси и вокруг Сириуса поддерживает всё творение в космосе. Мы увидим, что её орбита определяет календарь.

Marcel Griaule and G. Dieterlen, *African Worlds*, ed. Daryll Forde (Oxford), 1954, pp. 83–110

Сатурн известен [догонам] как «звезда, ограничивающая пространство» в некой связи с Млечным путём.

R. Temple, *The Sirius Mystery* (Sidgwick & Jackson), 1976, p. 29

Сигуи среди догонов празднуется каждые шестьдесят лет. ... У египтян был такой период, связанный с Осирисом [принцип обновления]. ... Лично я в вопросе о периоде из шестидесяти лет склонен думать в терминах синхронизации орбитальных периодов двух планет, Юпитера и Сатурна, ведь они сближаются почти за шестьдесят лет. ... Во внешнем круг Стоунхенджа шестьдесят камней. ... (Этот) внешний круг – восточный цикл Врихаспати. ... Потому интересно, что догоны считают шестьдесят числом космической плаценты. ...

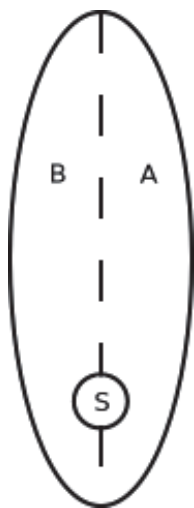
Шестидесятилетний цикл также даёт связь между египетским сотическим годом и Великим годом прецессии равноденствий, связанными друг с другом, как египетский гражданский год из 360 дней связан с тропическим годом из 365 дней. Прецессионный месяц из 2160 лет разделяется на три «декана» по 720 лет. Два «великих» гражданских года из 360 лет (6 x 60) плюс пять эпагоменальных лет за «великий» год $2 * (360 + 5)$ даёт прецессионный «декан» из 730 лет.

Вероятно, эти связи определяли египетский год из 360+5 дней с самого начала; этот расчёт, насколько я понимаю, не был должным образом рассмотрен. Во всяком случае, 72 сотических шестидесятичетырёхчастных цикла по 360 лет каждый плюс один великий эпагоменальный год (72 x 5 лет) дают прецессионный год. Чтобы вписать пентагон в круг, его нужно разделить на углы в $5,72^\circ$, и потому на большом масштабе сотический и прецессионный циклы снова отражают отношения 5 и 6 и их множителей и степеней. Шестидесятилетний цикл догонов и египетский цикл Осириса потому представляют собой «день» прецессионного цикла. Возможно, в этой великой галактической схеме Сириус играет роль, схожую с ролью Юпитера в Солнечной системе; её египетский титул «Великой подательницы», возможно, даёт ключ к дальнейшим исследованиям. [Примечания автора]

Ibid., p. 258

Если это так, мы можем считать циклические долгосрочные эффекты аналогичными легко различимым краткосрочным эффектам нашего лунного и солнечного циклов. Лунный цикл управляет плодородием и другой биологической периодичностью в сонме низших организмов, а также различными метеорологическими явлениями; солнечный цикл управляет временами года со всем, что это влечёт за собой. Так что сотический год, согласно такому мышлению, тоже будет иметь свои фазы и времена; понимание их влияний позволит цивилизации принимать меры, чтобы усилить и улучшить эти аспекты ради собственного блага, минимизируя неблагоприятные. Мы не понимаем эти последствия, но Египет, похоже, понимал. Иначе трудно понять озабоченность сотическим годом.

Рис. 40.

S = Сириус
 B = Крайняя плоть
 A = Нож

Символ догонов, связывающий обряд обрезания с орбитой Дигитарии вокруг Сириуса. Какой бы странной ни казалась концепция, выражающая простой религиозный обряд в космологических понятиях, диаграмма напоминает «рот Ра», египетский символ Единства, который случайно или по замыслу принимает ту же форму, что и монохорд, вибрирующий по всей длине и производящий свой фундаментальный звук. Можно также считать, что символ догонов включает в себя тройной принцип творения в траектории Дигитарии.

Яркая звезда Сириус не так важна для догонов, как крошечный Сириус В, который догоны называют *po tolo* (*tolo* = звезда). *Po* – это хлебный злак ... ботаническое название которого *Digitaria exilis*. Говоря о звезде *po*, Гриоль и Дитерлен называют её “*Digitaria*”.

Ibid., p. 21

Догоны также знают действительный орбитальный период этой невидимой звезды, составляющий пятьдесят лет. ... Самое поразительное из утверждений догонов таково: «Дигитария» – это самая маленькая вещь. Это самая тяжёлая звезда. ... У догонов четыре разных календаря ... солнечный календарь, венецианский календарь и календарь Сириуса. Четвёртый календарь сельскохозяйственный, и он лунный.

Орбита Дигитарии ... в центре мира. Дигитария – это ось всего мира, и без её движения никакая другая звезда не смогла бы двигаться своим маршрутом.

Ibid., pp. 24–27, 44

Сириус играл роль великого центрального огня для нашего Солнца (которое представляет собой Глаз Ра, а не самого Ра), для Храма. ... Потребовались недавние открытия в астрономии и физике, чтобы предположить другую роль Сириуса, совпадающую с тем, что мы начинаем понимать об атомном ядре, состоящем из Позитрона (гигантская звезда низкой плотности) и Нейтрона куда более незначительного объёма относительно массы атома, но в котором содержится весь его вес (невероятно плотная карликовая звезда).

R.A. Schwaller de Lubicz, *Le Roi de la Theocratic Pharaonique* (Flammarion), 1961, p. 38

Наконец, есть великий цикл созвездий (цикл особой важности для данного цикла), о котором мы знаем куда больше.

Земля не вращается прямо на своей оси; мы можем считать это вращение слегка смещённым относительно центра. Если небо считать задником с созвездиями, то из-за «колебания» Земли вокруг оси весеннее равноденствие каждый год отступает назад, постепенно смещая фон созвездий. Астрономы называют это «прецессией равноденствий», и открытие этого явления обычно приписывается греческому астроному Гиппарху во II в. до н. э. Конечно, как и со всеми астрономическими явлениями, никакой особой важности этому не придают.

Древние рассматривали вопрос иначе. Требуется грубо 2160 лет, чтобы равноденствие прошло через один знак. Потому нужно около 25920 лет, чтобы весеннее равноденствие прошло полный круг созвездий. Этот цикл называется Великим или «Платоновским» годом. Именно прецессия равноденствий по созвездиям даёт названия различных эрам: нынешней эре Рыб, начавшейся грубо в 140 г. н. э., эре Овна, начавшейся около 2000 г. до н. э., эре Тельца, начавшейся до 4000 г. до н. э., эре Близнецов – около 6000 г. до н.э. и так далее, с грядущим Водолеем.

Хотя древние источники подтверждают, что прецессия равноденствий была известна в Египте, современные исследователи не нашли прямых свидетельств, хотя, учитывая их страсть приписывать всё «научное» грекам, они особенно и не старались.

Считается, что египтяне разделяли небо на тридцать шесть секторов по десять градусов каждый, называемых деканами, и эти деканы связаны с десятидневными периодами в 360-дневном гражданском году. Но разделение неба на созвездия, открытие знаков Зодиака и приписывание смысла знакам относят ко грекам, и в данном случае незаслуженно, потому что осторожные и рациональные в остальном греки просто проглотили

целиком халдейское суеверие и применили свои острые астрономические умы к развитию системы, которая, хотя и ошибочная, была достаточно связной.

Действительно, никаких зодиаков в Египте не было до падения под власть греков, как нет и письменных свидетельств, что Египет называл созвездия или считал их важными. Но изучая развитие египетского символизма, Шваллер де Любич раскрыл свидетельства, говорящие о том, что, начиная с самых ранних династий, прецессия по Зодиаку направляла течение египетской художественной и архитектурной политики.

Объединение Верхнего и Нижнего Египта считалось чисто политическим делом. Однако, дата объединения, около 4240 г. до н. э., совпадала с установлением сотического года в то время, также отмечавшего прецессионный переход от Близнецов к Тельцу. Хотя о до-династическом Египте известно мало, безошибочно можно выделить акцент на двойственности, на отдельных царствах Верхнего и Нижнего Египта, на гегемонии двух близнецов Шу и Тефнут. Найденные храмы подчёркивают эту двойственность и имеют два входа. Вдобавок, столицы Верхнего и Нижнего Египта были двойными городами: Деп/Пе и Нехем/Нехед.

Объединение Египта произошло при легендарном царе Менесе (его греческое имя). Историки считают это событием чисто политического значения. Без сомнения, политические перемены происходили, но в то же время началась новая эра в искусстве и архитектуре. Хотя вопрос о хронологии сложен, даже без прецессионной теории Шваллера де Любича, есть много причин предпочитать дату 4240 г. до н. э. как начало Первой династии объединённого Египта.

Теперь акцент резко меняется; символизм Менту, быка, становится самой яркой чертой египетского искусства; архитектура становится монолитной и достигает масштабов,

Например, диаметр Земли составляет одну миллионную диаметра Солнечной системы; но диаметр Солнечной системы, пожалуй, лишь одна сорок миллионная диаметра Млечного пути. Когда в нашей собственной системе мы находим такие отношения, то не между солнцем и планетами, а между солнцем и *спутниками* планет. ... По аналогии с масштабами и массами, мы должны ожидать, что Солнечная система будет вращаться вокруг некой большей сущности, в свою очередь, обращающейся вокруг центра Млечного пути; как и Луна обращается вокруг Земли, в свою очередь, обращающейся вокруг Солнца.

Что же за «солнце» у нашего Солнца и где оно? Было несколько попыток определить «местную» систему в Млечном пути, особенно попытки Шарлье, который в 1916 году, похоже, установил такую группу в 2000 световых лет в поперечнике с центром в несколько сот световых лет от нас в направлении созвездия Корабль Арго. Если мы изучим своё непосредственное окружение в галактике, то найдём интересную градацию звёзд, две из которых с этой точки зрения впечатляют. В пределах десяти световых лет мы находим одну звезду, похожую по масштабу на наше солнце, и Сириус, больше чем в двадцать раз ярче. Между сорока и семьюдесятью световыми годами мы находим пять намного больших звёзд, от 100 до 250 раз ярче; между 70 и 200 световыми годами семь ещё больших ... и между тремя сотнями и семью сотнями световых лет шесть огромных гигантов в десяти тысяч раз ярче. Самая большая из них, Канопус, на расстоянии в 625 световых лет, находящаяся точно в следе Солнечной системы и в 100000 раз ярче нашего Солнца, вполне может быть «солнцем» локальной системы Шарлье. ... Самый яркий объект на небесах после тел самой Солнечной системы – это, конечно, двойная звезда Сириус. ... По физическому расстоянию, сиянию и массе система Сириуса в некотором роде заполняет обширный разрыв между космосами Солнечной системы и Млечного пути. В самом деле, расстояние от Солнца до Сириуса (миллион расстояний от Земли до Солнца) естественным образом попадает в масштаб упомянутых космических отношений, предоставив астрономам XIX века прекрасную единицу для небесных измерений, сириометр, те-

перь, к сожалению, не используемую.

Rodney Collin, *The Theory of Celestial Influence* (Stuart), 1954, pp. 14–15

невиданных в письменной истории, а также неповторимого мастерства. Египет Древнего царства излучает своего рода непомерную спокойную уверенность. То малое, что известно о других цивилизациях эры Тельца, показывает, что они разделяли эти черты. Возможно, что почитание коровы в Индии датируется с этого периода. Параллельная цивилизация Крита также почитала быка. Кроме того, хотя это невозможно облечь в термины, приемлемые для скептика, астрологическая природа знака Тельца (женский, фиксированный, земной и управляемый Венерой) хорошо соответствует Египту Древнего царства. На самом деле, эры Овна и Рыб тоже хорошо соответствуют природе своих знаков, и есть почти безошибочные указания, что мир движется к таким формам, заботам и установкам, что характерны для Водолея. (Они могут быть во многом созидательными или во многом разрушительными, но природа этой созидательности или разрушительности будет характерной для Водолея, то есть предсказуемой в известных пределах.)

Применения, которые Египет находит этому символизму, были сложными и вечно изменчивыми. Как день в Египте был разделён на часы (но они не были «неизменными», а изменялись со временами года), каждый из которых имел своё «влияние», как месяц был разделён на дни и год на времена года, так и прецессионный «месяц» не был константой. В виталистической философии Египта неизменным было только Изначальное Разделение; всё остальное двигалось, изменялось, текло ... и Шваллер де Любич обнаруживает в тельцовом символизме, доминировавшем две тысячи лет, отчётливые перемены в акцентах. Так, в статуях и рельефах царей ранних династий в

те времена, когда сила быка была значительным «влиянием». акцент на силе шеи и плеч (признаки силы быка) отражается на портретах.

Многие из царей Древнего царства помещали Менту, быка, в свои имена, и эпоха Менту закончилась с Ментухотепами с I по V. В храме Менту, посвящённом Ментухотепу II, царь изображён стариком. Слово *хотеп* обычно переводится как «мир», но в интерпретации Шваллера де Любича оно принимает более богатое значение, ведь *htp* – это Птах наоборот, творец формы, что в этом смысле говорит о реализации или завершении, для которых «мир» является лишь одним из аспектов. Птахотеп значит «реализация (работы) Птаха», что в данном случае, вероятно, символически верно, но исторически скорее похоже на принятие желаемого за действительное, поскольку доступные свидетельства показывают, что Древнее царство развалилось при Ментухотепах из Одиннадцатой династии. Из этого периода происходит «Речение Ипувера», документ, который, несмотря на все лакуны и обычные трудности перевода, остаётся одним из самых ярких описаний подобных бедствий.

Менту был известен с Древнего царства. ... [Священным животным Менту был бык, которому были посвящены четыре храма: Фивы, Медамуд, Гермонтис и Тод] ... Только к XII династии появляется Амон как «Царь богов». ... Священными животными Амона были баран и нильский гусь. ... [Упоминается огромная статуя барана в переднем дворе храма Амон-Ра в Карнаке.] ... В одном из залов храма Ах-мену в Карнаке, представлявшего собой часть храма Амона, написано: «прибежище для величественной Души, *верховный зал Барана, пересекающего небо*». [Курсив автора.]

Paul Barguet, *Le Temple d'Amon – Re a Karnak* (Le Caire), 1962, p. 2 ff

Преыдущая эра Овна была возведена Моисеем, спустившимся с горы Синай «двурогим», то есть увенчанным рогами Барана, тогда как его паства танцевала вокруг Золотого Тельца, который был скорее «Золотым Быком», Тельцом Зодиака.

G. Santillana and H. Dechend, *Hamlet's Mill*

Если прецессионное объяснение египетского символизма у Шваллера де Любича верно, разительные перемены в акцентах можно предсказать около 2100 г. до н. э., когда равноденствие сместилось в созвездие Овна.

Именно об этом говорят записи. Бык Менту исчезает и замещается бараном Амуна. Архитектура теряет свою монолитную простоту. Хотя традиция остаётся узнаваемой, перемену «характера» не заметить невозможно. Фараоны помещают Амона в принятые имена: Аменхотеп, Аменофис, Тутанхамон.

Египтологи относят падение Менту и взлёт Амона к гипотетической жреческой вражде, из которой победоносными вышли жрецы Амона. В этой гипотезе нет ничего нелогичного или невозможного, но, в то же время, она не подкреплена никакими свидетельствами.

Свидетельства говорят о сдвиге символизма от двойственности Близнецов к быку и барану. Эти сдвиги совпадают с датами астрономической прецессии.

Дальнейшее подтверждение египетского знания и использования прецессии равноденствий и невероятной связности и рассудительности египетской традиции Шваллер де Любич вывел из детального изучения знаменитого зодиака из храма Дандара. Этот храм был возведён Птолемеями в I в. до н. э. на месте прежнего храма. Иероглифы гласят, что он был сконструирован «согласно плану, заложенному во времена

спутников Гора», то есть до появления династического Египта. Египтологи считают это утверждение ритуальной фигурой речи, которая должна выразить уважение к традициям прошлого.

Зодиак Дандара изображён в форме, более или менее узнаваемой для нас, и ко времени построения Дандара греческий Зодиак был известен уже повсеместно через греков и александрийцев. Но Шваллер де Любич смог показать, что заметные аномалии в Зодиаке и некоторые иероглифы, смысл которых ускользал от египтологов, говорят о том, что Имхотеп был вовлечён не по ритуальным, а по буквальным причинам.

На зодиаке Дандара начало равноденствия отмечено в созвездии Рыб. В то же время, его ориентация и символизм обращают внимание на прецессионный переход к двух предыдущим эрам Овна и Тельца. Свидетельство записано прямо на Зодиаке.

Рис.41. Круговой зодиак из храма Дандара. Зодиакальные созвездия расположены в неправильном круге вокруг центра. Отметьте любопытное размещение созвездия Рака, прямо в круге, описанном другими, или, возможно, задуманного как внутренняя точка спирали.

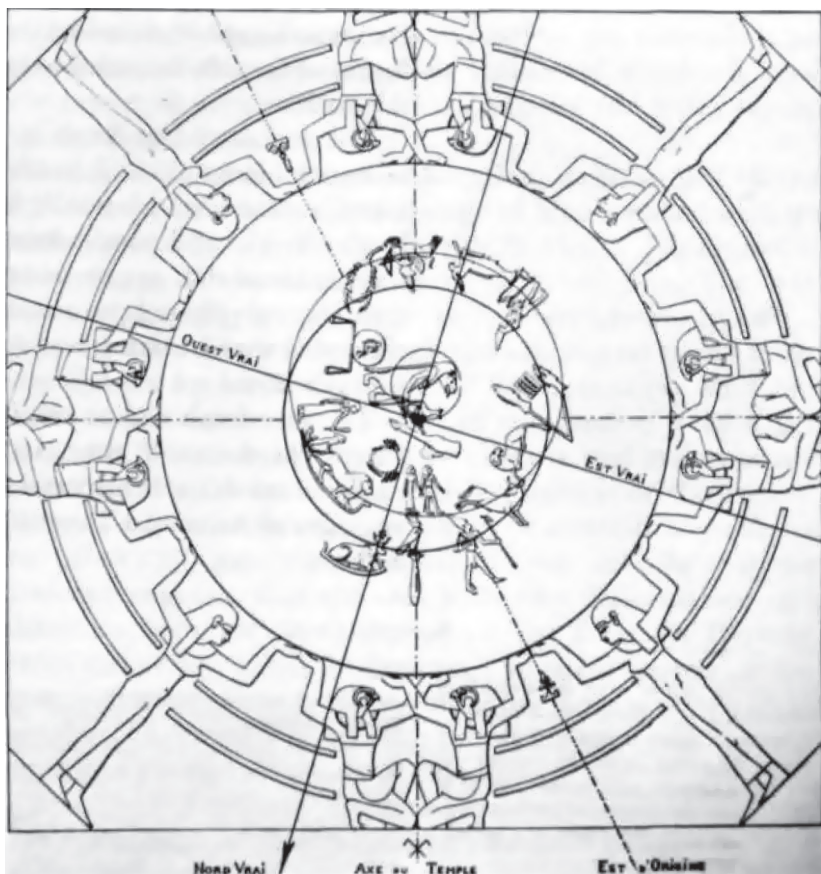

Рис. 42. Детали кругового зодиака Дандара. Шваллер де Любич считал, что знаки Зодиака расположены вокруг эксцентрического круга с одним центром на полюсе эклиптики (сосок самки гиппопотама), а другим на Полярной звезде (шакал или собака). Мне это не кажется вполне убедительным. Отметьте размещение созвездия Весов, например. Но какой бы ни была схема, управляющая расположением, ясно, что знак Рака выделялся специально.

На потолке главного гипостильного зала в храме Дандара другой зодиак таинственным образом начинается со знака Рака. Это вызывало самые разные учёные споры, но в данном случае, я думаю, объяснение есть. Египетский Новый год начинался 19 июля, на гелиакический восход Сириуса, но в знаке Рака. Храм Дандара был связан с календарным и астрономическим наследием, и именно здесь праздновался египетский Новый год.

Понимание физического (и духовного) мира в терминах иерархии, ритмов и циклов ведёт к системе аналогий и соответствий, свидетельства которой, хоть и в вырожденной форме, мы находим до сих пор: обратите внимание на связь популярной астрологии со «счастливым» числом, цветом, цветком, драгоценным камнем и так далее.

Поскольку знание, требовавшееся для установления этих соответствий, исчезло, сегодня невозможно сказать, какие из них верны. Но принцип остаётся основательным: взаимодействие чисел лежит в основе взаимодействующих функций, результаты которых представляют собой явления физического мира. Киматика продемонстрировала, что форма – это результат частоты; частота – это колебание между противоположными полюсами. Отсюда следует, что в теории возможно возвести строгую систему соответствия в наблюдаемых (и выводимых из наблюдений) иерархических царствах – минеральном, растительном, животном, человеческом, планетарном, даже галактическом – поскольку аналогии форм предполагают аналогии числа и потому функции.

Есть кое-какие прямые и гораздо больше косвенных накопленных свидетельств, говорящих о существовании этих соответствия, часто подкрепляющих старые «суеверия». Эксперименты последователей немецкого мистика и исследователя Рудольфа Штейнера показывают, что растворы конкретных металлов на фильтровальной бумаге реагируют на соединения конкретных планет (железо – на Марс, свинец – на Сатурн, олово – на Юпитер, медь – на Венеру). Статистика Мишеля Гоклена поразительно доказывает, что существуют важные отношения между некоторыми типами личности и планетами (Марса для атлетов и солдат; Сатурна для учёных; Юпитера для актёров и священников). Гомеопатия основана на близости или соответствии особых солей металлов с конкрет-

ными органами и болезнями.

Но если соответствия между формой и функцией теперь можно продемонстрировать, экстраполирование из твёрдо установленного сопряжено с опасностями. Это было любимое времяпрепровождение средневековых умов, видевших семь планет отражёнными в семи лицевых отверстиях и двигавшихся оттуда дальше. Для современного рационального ума вся эта процедура подвержена анафеме и потому зачастую в попытках объяснить установление некоторых соответствий в древние времена стараются мыслить по-средневековому, и когда это удаётся к удовлетворению учёного, эта гипотетическая реконструкция выдвигается со значительной уверенностью. Например, пока была астрология, планета Марс связывалась с войной, солдатами, атлетикой и союзной оккупацией. Пытаясь представить, как это вообще получилось, современный исследователь замечает, что Марс заметно красный. Поскольку кровь тоже красная, он делает вывод, что примитивный ум связывал красную планету с красной кровью, и потому Марс становился планетой войны. Но факт заключается в том, что ни у кого нет ни малейшего представления о том, как впервые было проведено такое соответствие, тогда как статистика Гоклена показывает, что в гороскопах атлетов прежде всего, но и у солдат и хирургов тоже, планета Марс появляется в одном из четырёх «критических» регионов с частотой, представляющей собой вероятность в много миллионов к одному.

Несмотря на древние свидетельства о египетском знании прецессии равноденствий, египтологи с неохотой принимали эту идею. Это было предложено в середине XIX века астрономом Ж.-Б. Био и получило значительную поддержку благодаря зодиаку Дандара. Расчёты Био никогда не опровергались и не оспаривались, но и не учитывались. Недавно французский египтолог Поль Баргет в работе о значении двенадцати часов

дня и двенадцати часов ночи предположил, что они могли соответствовать знакам Зодиака. Хотя это может показаться очень маленькой уступкой в свете переосмысления всей цивилизации у Шваллера де Любича, по научным понятиям это важный шаг вперёд. Ведь невозможно признать соответствие между часами и знаками, не признав существование Зодиака, что, в свою очередь, предполагает знание о прецессии и потому продвинутой астрономии, на чём тщетно настаивали Шваллер де Любич и другие.

Согласно Шваллеру де Любичу, египетская астрономия была утончённой и продвинутой наукой, и, как всякая древняя астрономия, именно значение данных (так сказать, астрономический смысл) определяло её практику, развитие и невероятную важность, которую ей придавали. Эти астрологические подтексты пробрались и в египетский язык, в символизм, в измерения и пропорции архитектуры и даже в медицину (медицинские папирусы часто указывают точное время назначения конкретных лекарств). Шваллер де Любич также приводит ещё одно применение, которое Египет нашёл для астрономии. Если эта идея будет признана, она откроет огромную и важную область исследований. Хорошо известно, что Египет постоянно занимался сносом старых храмов и возведением новых, часто на месте старых. Обычно это связывают с эгоизмом фараонов. (И если уж начистоту, даже с учётом символического толкования фараоны не были образцами скромности.) Но Шваллер де Любич возражает и поддерживает свою идею множество прямых и косвенных свидетельств, что в целом храмы не уничтожали, а скорее тщательно и целенаправленно разбирали, когда их предопределённое символическое значение проходило. Затем возводился новый храм и освящался тому Нетер, который обретал доминирование в сменившихся циклах времени. Эти храмы не были

задуманы оставаться навеки (когда условия требовали строить на века, египтяне вполне могли это сделать), они были должны простоять только когда этого требовал конкретный цикл или звёздная конфигурация. Иными словами, именно астрономия Египта, истолкованная в астрологическом свете, направляла всё развитие его искусства и архитектуры. На практическом уровне это значит, что мудрецы Египта намеренно и осмысленно устраивали обстановку или атмосферу целой цивилизации в гармонии с космическими требованиями. В принципе, через изучение монументов, их дат, расположения, освящения, символизма, пропорций и так далее, возможно восстановить кое-что из этого астрологического наследия. Ведь вполне может быть так, что именно оно скрывается за интригующими, но безнадежно недостаточными познаниями, которыми оперируют астрологи сегодня.

Математика

Школьные учебники и все книги, представляющие общий интерес для властей, создают упрощенный, нелицеприятный взгляд на математические достижения египтян. Среди специалистов такого невысокого мнения никогда не придерживались единодушно. Однако существование противоречий никогда не упоминается в статьях и учебниках, и это вводит в заблуждение.

Большинство египтологов утверждают, что египетская математика была практическим делом, связанным с раздачей зерна и земли. С этой целью была разработана громоздкая математика, и как только она была сформировалась, она никогда не улучшалась. Этот лагерь убежден, что египтяне не понима-

ли математических принципов, лежащих в основе их собственного метода, который, как предполагается, «развивался» методом проб и ошибок.

Но меньшинство оспаривает эту точку зрения и стремится доказать, что хотя правила и принципы никогда не излагаются явно, знание правил читается неявно; другими словами, если бы правила и принципы были им неизвестны, египетская математика не была бы и не могла бы быть таковой, какова она есть.

В идеале я хотел бы представить этот аргумент таким образом, чтобы позволить математически мыслящим людям судить самостоятельно. К сожалению, презентация шаг за шагом потребовала бы слишком много страниц, и нет какой-либо возможности привести ее кратко. Поэтому ситуацию можно представить по аналогии. Как будто через пять тысяч лет все следы западной технологии исчезли, за исключением одного детского конструктора и нескольких других механических игрушек.

Столкнувшись с такими доказательствами, великие правители из ряда современных египтологов утверждали бы, что технология двадцатого века была практичным, шутливым занятием, предназначенным для развлечения детей. Потомки другого лагеря не согласились, утверждая, что сама природа игрушек предполагала сложную технологию и глубокое знание теории в ряде областей.

Все, что известно о египетской математике, происходит из папируса Среднего царства, предназначенного как упражнение для детей, и нескольких фрагментов других текстов аналогичного характера.

Полный текст называется папирусом Ринда. Он состоит из свитка с восемьюдесятью задачами и их решениями.

Хотя это реликвия Среднего царства, утверждается, что

это копия более раннего папируса, но никто не может сказать насколько она древнее. Поэтому невозможно говорить о «развитии» египетской математики. Зная, что египетская мифология, символизм, иероглифы, медицина и астрономия были полностью развиты уже во времена самых ранних династий, нет особых оснований предполагать, что математика была более поздним дополнением.

Расшифровка математических текстов была трудной задачей. Помимо неизбежных лингвистических проблем, египтологи столкнулись с математической системой, совершенно не похожей на нашу, и, что еще больше усложнило дело, лучший и наиболее полный папирус, папирус Ринда, был переписан великолепным почерком писца Ахмоса, который, очевидно, больше восхищался своей каллиграфией, чем математической точностью. В папирусе есть ряд очевидных ошибок.

Вряд ли стоит тратить много времени на задачу, которая явно неполна и некорректна. Все, что нужно сделать, – это понять, что второй расчет является нахождением площади небольшого треугольника, основание и высота которого обозначены на рисунке $2\frac{1}{4}$ и 7 соответственно. В этой задаче множитель $\frac{1}{2}$ фактически записывается так, как это было $\frac{1}{2}$ *области* ... в то время как существует постоянная путаница между тысячью земельных участков, которые должны быть показаны в свободно стоящих единицах, и *областью*, которую нужно разместить под знаком прямоугольника.

Первый расчет безнадежен и, по-видимому, не имеет смысла сам по себе и никакого отношения к этой цифре. [Люси Лами смогла решить эту проблему, показав, что она связана со знанием тетрактиса и пропорции. Примечание автора.]

Ibid., p. 95

Рис. 43. Проблема из папируса Ринда. Выше приведена транскрипция проблемы. Ниже иероглифы перевернуты, чтобы соответствовать нашей системе чтения слева направо. Буквальный перевод текста Шваллером де Любичем иллюстрирует египетскую привычку персонифицировать проблему: «я трижды спускаюсь в гекат (бушель). Третья часть меня над собой. Я ухожу полностью удовлетворенный. Кто это сказал?» Шваллер де Любич обнаружил, что все проблемы папируса Ринда могут быть выражены геометрически, как в нижнем правом углу иллюстрации. Это не означает, что геометрическое выражение предшествовало постановке задачи, но что египетские математики формулировали эти школьные задачи на основе полностью развитого знания пропорции. Ибо если простые проблемы разделения хлеба, пива, земли были сформулированы бессистемно, они не все были бы восприимчивы к геометрическому выражению.

В процессе изучения точных наук Древнего Египта ... вскоре обнаруживается, что на первый взгляд кажется довольно «странным» в решении арифметических задач. Эта «странность» является одной из *отличительных черт*. Например, при должном учете техники и методов, доступных египетскому писцу, проблема может быть представлена с некоторой относительной трудностью, и можно найти объяснительный материал, особенно в арифметике, самого элементарного и простого вида, изложенного в обширных деталях, в то время как механизм самого заумного и тесно аргументированного расчета может быть полностью опущен. Это выглядит так, как будто писец не знал о какой-либо внутренней трудности вычисления, и поэтому он просто записывает ответ. ... Можно только удивляться тому, с каким трудом переписчик разбирается в вещах, которые кажутся нам столь элементарными; однако в других местах с операциями по сложению единичных дробей пугающих пропорций, он дает немедленные ответы с предельной беспечностью.

R. J. Gillings, "The Addition of Egyptian Unit Fractions", *Journal of Egyptian Archaeology* 51, pp. 95 and 97

Мы видим, что Вселенная проявляет признаки конструирующей или управляющей силы, которая имеет нечто общее с нашим индивидуальным разумом – не в той мере, в какой мы это обнаружили, – эмоции, мораль или эстетическое восприятие, а склонность мыслить способом, который за неимением лучшего слова мы можем назвать математическим... Недавно было высказано удивление, что математика, очевидно, является единственной уцелевшей наукой, поскольку все остальные сводятся к математике.

William Temple, *Nature, Man and God* (Macmillan), 1934, p. 149

Египтологов, установивших наличие ошибок, нельзя обвинять в допущении дальнейших ошибок копирования в некоторых задачах, на которые не удалось найти правильные ответы. Тем не менее, при повторном рассмотрении эти задачи решаются из пропорциональных, геометрических и гармонических соответствий, на которых египетская математика была фактически основана. Шваллер де Любич был способен показать, что задачи, ранее считавшиеся неразрешимыми или неверными, не были нерешаемыми (даже если они могли содержать ошибки), а скорее не могли быть приближены к текущим западным методикам.

Это различие в подходе применимо ко всем аспектам египетской математики, хотя очевидно, что результаты будут следующими: умножение есть умножение, деление есть деление, а площадь поверхности может быть только X квадратных футов или метров или локтей. Мы обычно учим правилам, затем ученик применяет правило к задаче, и при этом учится вычислять; но *он не получает понимания смысла самого правила*; он узнает, как ведут себя числа, но не то, почему они так себя ведут. Египетский ученик, рассматривая задачу, проводил расчеты, указанные писцом. Но правило никогда не давалось; как будто ученик сам должен был открыть это правило. Другими словами, математика была делом индивидуального открытия, а не удачно выполненного повторения, как у нас.

Даже язык, используемый в папирусах, способствует развитию этого чувства жизненности, живого взаимодействия. Наши школьные тексты характерно сохраняют задачу и ученика на расстоянии.

Если семь буханок хлеба понадобится чтобы прокормить девять семей, то сколько буханок хлеба понадобится, чтобы прокормить тридцать две семьи? Египет олицетворял проблему: «Я трижды спускаюсь в *гекат*. Ко мне добавляется одна треть

меня самого. Одна треть от одной трети меня добавляется ко мне, и одна девятая меня добавляется ко мне. Я возвращаюсь полностью удовлетворенным. Кто это сказал?» (*Папирус Ринда* 37), «Я трижды спускаюсь в один *гекат*. Ко мне добавляется одна седьмая. Я возвращаюсь полностью удовлетворенным» (задача 38). Наша система возлагает на ученика определенную задачу; египетская система предложила ему своего рода приключение в знакомой школьной математике: умножение, деление целых чисел и дробей, арифметические и геометрические прогрессии и пропорции, измерение и вычисление наклона пирамиды (в которой используется треугольник Пифагора, якобы неизвестный египтянам), правило трех и объем цилиндра.

Хотя это и удивляет, современные математики и египтологи не считают это особенно сложными или продвинутыми методами, которые отвергают возвышенное начальное утверждение папируса Ринда: «Здесь кроется каждая тайна, каждый секрет». Трудность в понимании египетской математики заключается в нежелании и, наконец, неспособности современного человека видеть вещи иначе, чем он привык их видеть. Хотя до Шваллера де Любича аргументы, выдвинутые в пользу египетского знания математических правил и принципов, были убедительными, даже они основывались на недвусмысленном предположении о «прогессе» в математике (как и во всем остальном). Предполагается, что Египет (и все другие древние или так называемые первобытные общества) в некотором роде являются пробными периодами для западного двадцатого века. Поэтому даже те ученые, которые считали, что египетская математика гораздо более сложна, чем принято считать, судили о ней с нашей собственной точки зрения, и смотрели, есть ли у них биномиальный, алгебраический, десятичный алгоритм; другими словами, они пытались увидеть, как далеко Египет «продвинулся» в нашем направлении.

Но Египет понятия не имел о «прогрессе». Чтобы оценить его математику, мы должны судить о ней в контексте египетской цивилизации, а не нашей. А во-вторых, наша всепоглощающая одержимость прогрессом и «эволюцией» побудила современных математиков рассматривать свою специальность в возвышенных и даже священных терминах. Тем не менее, при всей своей легкости в мирских сферах и утонченности в научной среде, современная математика открыта для критики. На самом глубоком уровне современные ученые и философы рассчитывают использовать математику для объективного описания физического мира. Математическая формула считается точной, незыблемой и невосприимчивой к субъективным интерпретациям в отличие от простого словесного описания.

Для современной науки и философии физический мир — это «реальность». Для нестигаемых материалистов эмоциональная и психологическая «реальность» — это всего лишь аспекты физической реальности, которые не поддаются мгновенному измерению. Но на этой стадии современный человек должен столкнуться с рядом парадоксов, созданных им самим. Эта «объективная» математика, несмотря на все свои успехи в механике, использует абстракции, которые не соответствуют никакому опыту. Квадратный корень из минус единицы, ноль, бесконечность — это абстракции, не соответствующие ничему в той физической сфере, которую мы называем «реальностью». И без этих абстракций формулы не работают. Другими словами, чтобы описать феноменальный мир «научно», наука должна прибегнуть к абстракции, что является эвфемизмом для фантазии.

Когда наука покидает область механики и техники и обращается к субатомной физике — науке об основной структуре материи и, следовательно, к науке, на которой базируются все остальные науки, — картина становится еще более сложной и интригующей.

Со времен теории относительности Эйнштейна было известно и принято, что материя — это форма энергии, сгущение или конденсация энергии. Одним из следствий этого является то, что для ученых материализм был временно невозможной философией, и этот факт никак не помешал большинству ученых исповедовать его.

В основном в надежде получить окончательное доказательство случайной природы и внутренней бессмысленности Вселенной (а следовательно, и их собственной жизни), ученые все глубже проникают в структуру материи, надеясь найти некий окончательный материальный строительный блок, от которого так или иначе зависит вся материя.

Этот поиск, интуитивно считающийся большинством современных физиков обреченным на неудачу, сейчас отвергается даже теми, кто психологически неспособен принять последствия своих собственных открытий.

Между тем, новое поколение физиков выросло с парадоксом волн, которые являются частицами, и частиц, которые являются волнами. Хотя они не более способны понять ситуацию интеллектуально, чем их предшественники, по крайней мере некоторые из этих новых физиков подходят к этому вопросу свободно от эмоционального наследия викторианских и ньютоновских заблуждений.

Теперь ясно и неизбежно, что последние открытия и теории, касающиеся структуры физической Вселенной, поразительно параллельны взглядам, имплицитным и часто эксплицитным в восточных философиях, происхождение которых, согласно принятой эволюционной теории, теряется в доисторической эпохе, когда наши предки только что спрыгнули с деревьев.

Сходства и соответствия были подробно исследованы недавно Фритъофом Капррой, физиком, досконально знакомым с восточной философией и, что более важно, с ее практикой.

Очень жаль, что Шваллер де Любич не успел комментировать Капру, и что Капра не читал Шваллера де Любича и поэтому не исследовал лежащую в основе реальность пифагорейства. Моя собственная компетенция комментировать ограничена; Я не физик и не математик, и не могу ни критиковать, ни хвалить авторитетно.

Тем не менее, насколько я могу понять, мне кажется, что физики находятся на грани отказа от наиболее прочно укоренившихся научных убеждений: способности науки открывать «объективную истину» о Вселенной.

Современная математика и древняя метафизика

В контексте субатомной физики нет и не может быть никаких «объективных истин». Есть только «процессы» и «паттерны вероятности». Стабильность «материи» — это иллюзия органов чувств. Математика может использоваться с возрастающей точностью для описания этих закономерностей, вероятностей и процессов. Но она не может в своей нынешней форме объяснить их самих по себе. Однако для этого можно использовать пифагорейский подход, который Шваллер де Любич считает основой египетской математики.

По крайней мере, несколько физиков внимательно изучают индуистский, буддийский и даосский взгляд на физическую вселенную: то, что мы называем «миром» или «реальностью», является лишь аспектом «разума». Она сама по себе не имеет «объективной» реальности, но принимает свою форму и подлежит измерению только посредством человеческих органов чувств. Другими словами, если бы наши чувства были организованы иначе, мир тоже выглядел бы иначе. Он был бы

«объективно» другим. Но восточные метафизические понятия выражаются вербально, а не математически, и вербальное никогда не может быть строго научным в нашем понимании этого слова. В той мере, в какой я могу следовать мышлению современных математиков, я считаю, что не существует способа, которым эта решающая и окончательная реализация может быть выражена научно; однако открытия субатомной физики заставляют ученых поддерживать метафизическое, нематериалистическое и в конечном счете духовное восточное мировоззрение.

Здесь становятся очевидными некоторые разительные отличия между восточными и западными методами (и целями). Несмотря на всю свою сложность, современная математика по своей природе не годится для описания абсолютного. Физик вынужден удовлетворяться всё более близкими и точными аппроксимациями, затрагивающими только избранные аспекты целого.

Наука решила взглянуть на сокровище Али-Бабы через замочную скважину; ее усилия направлены на улучшение оборудования и описательного языка (математики). Но, как известно всем вуайеристам, невозможно увидеть всю комнату через замочную скважину с любого заданного угла, а можно подглядывать только под одним углом.

Несмотря на сходство в описании, методы и цели мистика различны. Для мистика вуайеристский подход не служит никакой цели. Мистик тратит свою жизнь на то, чтобы научиться говорить «Сезам, откройся», а затем входит и забирает сокровище. Для пользы других он описывает то, что видит, как можно лучше, но его цель — пройти за дверь. В практическом плане последствия этих двух подходов отражаются далеко за пределами мистики, метафизики и философии науки: один ведет к водородной бомбе, а другой к Тадж-Махалу.

Рис. 44.

Следы субатомных частиц, полученные из «пузырьковой камеры». Частицы, которые являются не «материей», а скорее пакетами или фокусами энергии, сталкиваются и создают эти прекрасные узоры. Физик Фрительоф Капра справедливо усматривает в этом параллель с индийским танцем Шивы, представляющим собой мистическое творение. С точки зрения пифагорейской теории чисел интересно отметить образование в этом фундаментальном состоянии в этом фундаментальном состоянии спиралей и деление на четыре «числа» принципиальной материи.

В мире субатомной физики время и пространство в обычном смысле теряют свое значение, и язык не позволяет физикам выразить то, что они находят, в терминах, понятных рациональному интеллекту. Частицы, являющиеся одновременно волнами, могут находиться в двух «местах» одновременно, и субатомным событиям «прошлого» предшествуют события в «настоящем». Материя — это не вещь, а набор вариаций, вероятность которых может быть статистически определена математикой с некоторой степенью точности. Но это лучшее, что можно ожидать от современной математики.

Таким образом, при всей своей описательной силе она не может способствовать пониманию тех ключевых слов, которые снова и снова всплывают в этой радикально новой науке: это «паттерн», «процесс» и «коммуникация». Физики, включая даже Капру, склонны использовать эти слова так, как будто их значение самоочевидно, но это не так: они столь же загадочны и невосприимчивы к современным научным объяснениям, как время и пространство.

Хотя современные физики не в состоянии объяснить процесс, закономерность и взаимодействие (и, по-видимому, не осознают необходимости или важности этого), они заставляют математику работать, формулируя теории, которые могли бы, по крайней мере, описать их. На сегодняшний день ни одна из выдвинутых теорий не лишена недостатков, однако интересно обнаружить, что наиболее многообещающие из них поразительным образом соотносятся с основами египетской математики и символизма: создание материи предполагает «пересечение» противоположно заряженных частиц. Красивые и изящные фотографии, сделанные в пузырьковых камерах с их крестами и спиральями, кажутся почти преднамеренными или сознательными изображениями принципа двойной инверсии и разворачивающегося спирального действия золотого сечения, изначального принципа творения.

Написав книгу в 1950-х годах, Шваллер де Любич уже отмечал, каким образом успехи физики доказывают обоснованность древнеегипетской и пифагорейской философии.

Философская задача состояла в том, чтобы выяснить, измеряет ли эта волна, связанная с частицами (электронами или фотонами) (по своей интенсивности) вероятность их присутствия, не отрицая при этом квазitemпоральную природу и их детерминистское движение (позиция де Бройля и Эйнштейна); или же, наоборот, это открытие подразумевает на микрофизическом уровне полный отказ от детерминизма (позиция Гейзенберга и Бора). Эта полемика еще не закончилась. Отсюда и большой интерес к текущим дебатам, транслируемым здесь профессором Эспаньятом. ...

J. Pecker, *L'Astronomie*, June, 1975, p. 230

Таким образом, в той или иной форме фундаментальные квантовые принципы доминируют в мире физики. Они позволили не только прогрессировать, но и необычайно объединить наши знания. Неудивительно, что столь мощный инструмент прорывает привычные границы, что он заставляет нас думать о мире и нашем взаимопонимании с ним иначе, чем это делали наши предшественники. И это подводит нас ко второй части нашего очерка – роли новой механики в развитии идей. ... [Мы должны признать, что каждое мерцание качественно различных форм количественно реализуется через введение целых чисел. Эти целые числа, которые Кеплер тщетно искал на орбитах планет, регулируют орбиты атомов и молекул. Таким образом, благодаря долгому подходу (очищенному и лишенному архаизмов) основополагающая составляющая пифагорейской мысли возвращает себе репутацию.] Это первый пример того, что научное мышление есть мышление универсальное ... Как только завеса приподнимается, мы оказываемся лицом к лицу ... с удивительными перспективами, которые на самом деле возвращают вопросы, поставленные нашими предками перед видением мира, но на менее простодушном уровне.

Среди этих великих вопросов мы должны отметить вопрос о случайности. ... Говорят, что Эйнштейн не верил в индетерминизм, и цитируют его слова: «Бог не играет в кости». Но это всего лишь

анекдот. Проблема, по его мнению, не была фундаментальной. Проблема, занимавшая Эйнштейна, заключалась прежде всего в том, что квантовая механика вновь открыла столь же фундаментальное понятие «объекта» и заставила пересмотреть все современные научные взгляды на отношение между субъектом и объектом. Эта проблема не связана с бросанием костей, и она более серьезна. Я считаю, что мы должны обратить внимание на большие неопределенности Эйнштейна и Де Бройля, а также на менее известные голоса молодых физиков всех стран, которые говорят нам, что формул больше не хватает; что должна существовать реальность, лежащая за пределами наших чувств и нашего духа, и что если наука надеется приблизиться к ней, то это может быть связано с особыми требованиями, которые ведут за пределы формул. Разграничивать эти требования трудно и опасно. И это неблагоприятная задача – изложить их подробно, ибо очевидно, что человек рискует быть произвольным. Но перед лицом того, что кажется избытком неопозитивного прагматизма, необходимо, чтобы эти требования были сформулированы, по крайней мере, как гипотезы для проверки.

R. Espagnat, *L'Astronomie*, June, 1975, passim.

Так вот, мудрость египетского храма не пережила Египет в первозданном виде, но просочилась до наших дней через более или менее подпольные группы без какой-либо видимой центральной организации — алхимиков, гностиков, неоплатоников, каббалистов, масонов, суфиев и других. (Еще в 1341 году, по словам Павла Таннери, византийский математик Рабдас еще использовал египетскую систему фракционирования для извлечения квадратных корней. Никто не может сказать, в какой момент она исчезла полностью.) Но искусство и архитектура Египта достаточно хорошо сохранились, чтобы позволить нам восстановить большую часть оригинала.

На Востоке ситуация прямо противоположная. Очень древние традиции сохранились до наших дней, передаваясь по наследству от одного мастера к другому. Но ни одно искусство или архитектура не были столь древними, как египетские руины, а восточная философия и метафизика, по мнению большинства авторитетов, не была записана до сравнительно недавнего времени. Поэтому невозможно точно знать, какая часть древней системы находится сегодня в своем первоначальном виде, а какая стала искаженной, популяризированной или чисто экзотерической.

В исчерпывающе подробном архитектурном исследовании *Индуистский храм (Hindu Temple, University of Calcutta, 1946)* Стелла Крамриш доказала, что понимание числа, гармонии и взаимодействия чисел — аналогичное тому, которое преобладает в Египте — определяет пропорции индуистского храма. Поэтому представляется вероятным, что ошеломляющее распространение индийских божеств и изобилие индийских мифов воплощает в себе столь же точное знание числа как ключа к функционированию (хотя в последнее время для ученых может оказаться невозможным отделить те элементы, которые основаны на знании, от тех, которые основаны на воображении).

Углубляясь все дальше в структуру материи, физики вынуждены были отказаться от абсолютов, на которых базировалась современная ньютоновская наука: атома как неизменной сущности, абсолютного времени и абсолютного пространства. Они были заменены паттерном, процессом и коммуникацией.

Я не могу сказать, как следует рассматривать паттерн, процесс и коммуникацию в рамках современной математики. Но в целом ряде органических и неорганических наук совершенно ясно, что они подчиняются гармоническим, ритмическим и пропорциональным законам. Форма, как мы видели из изуче-

ния киматики, является результатом частоты. Или, выражаясь эзотерически точными словами, форма – это тот аспект частоты, который воспринимается чувствами. Трудно представить, что субатомное тело не должно иметь аналогичной структуры.

В своем детальном и подробном анализе задач египетских папирусов Шваллер де Любич показывает, что вся египетская математика основана на глубоком знании гармонии и пропорции, взаимодействия чисел и особого функционального значения определенных конкретных чисел и пропорций. Более того, он показывает, что все без исключения задачи, приведенные в папирусах, поддаются геометрическому решению: в каждом случае решения к задачам, могут быть изложены в геометрической форме, которая «доказывает» их истинность.

Египетская математика не основана на пробах и ошибках, и египтяне не знали правил, лежащих в основе их методов. Как показывает Шваллер де Любич, ключевых чисел и дробей, выбранных египтянами для иллюстрации этих школьных проблем, достаточно, чтобы развеять это представление.

Даже презиращаемая «громоздкость» египетской системы открыта для переоценки, при условии, что мы можем умерить наше поклонение простоте.

Это правда, что для написания ".,,," требуется больше времени, чем для записи числа 9. А простое умножение или деление, записанное полностью, как в папирусе Ринда, занимает больше времени, чем та же самая задача в современном написании. С другой стороны, метод, используемый писцом, дает представление о реальной практике математики, как только методы были освоены. Во многих случаях шаги были опущены из расчетов. Это указывает на то, что эти шаги были выполнены мысленно. Шваллер де Любич указывает, что способность к счёту в уме всегда была сильна у восточных и семитских рас. Даже

Впервые [экзотерическое] научное исследование приходит рациональным путем к порогу двери, которая позволяет заглянуть во внутреннюю жизнь материи. Поэтому необходимо поддерживать связь с современной наукой, хотя бы в общих чертах.... Современное состояние прогресса, причина глубокой революции научной мысли ...позволяет восстановить те принципы, которые лежат в основе реального значения символа. То, что еще вчера можно было считать чистой философской спекуляцией, сегодня основано на научных экспериментах, на которые мало кто обращает внимание, а остальные остаются революционными следствиями, верными рациональному детерминизму девятнадцатого века.... Гранулярный характер в пределах непрерывности волны, то есть фотон, который имеет вид изолированной волны, прерывистый в пределах величин, в пределах непрерывной функции бесконечен. Именно из-за этой одновременности «разумный» интеллект не может достичь более далекого понимания, но оно доказывается экспериментом, который физик Вернер Гейзенберг назвал бы уводящим в психологию, а я бы назвал «принципом неопределенности». Он зовется «настоящим моментом».

Внутри атома, составляющей единицы материи, старые законы не действуют. Они остаются действительными для материи в целом; но для дальнейшего ее изучения нужно то, что действует иначе. Это факт, но он не играет никакой роли; это электромагнитные эффекты внутри атома, ньютоновская гравитация против неизвестного, называемая «средством». С другой стороны, химия Лавуазье благополучно угасла, так как теперь мы знаем, что материя постоянно переходит в энергию и постоянно создается (путем трансмутации в изотопы). Мы знаем, что в верхних слоях атмосферы азот превращается в изотоп углерода, который затем «питает» растительность, проливая – или собираясь пролить – любопытный свет на жизненные явления земной поверхности.

R. A. Schwaller de Lubicz, *Symbol et Symbolique* (Cairo), 1951, passim

египтологи отмечают, что египетский метод прогрессивного удвоения поддается быстрому вычислению, только его написание слишком объемное. Но с небольшим количеством практики нужно все меньше обозначений. Если я хочу умножить 273×359 современными методами, я не могу сделать это в своей голове с уверенностью, а если я не делаю этого в своей голове, то я должен записать все это. Но если я делаю это по-египетски, краткое знакомство с методом говорит мне, что мне не нужно выписывать всю задачу египетской системой письма, которая повлечет за собой:

1 ... 359

2 ... 718

4 ... 1436

8 ... 2872

16 ... 5744

32 ... 11488

64 ... 22976

128 ... 45952

256 ... 91904

Я иду снизу, и сразу вижу, что это $256 + 16 + 1$. Так как в уме удвоить легко, мне нужно только рассчитать и записать иероглифами сумму этих трех цифр, которую можно мысленно получить без большого напряжения. Таким образом, в повседневном использовании египетский метод едва ли более громоздок, чем наш; он может быть даже менее затратным. Показательно, что методы, используемые в современных калькуляторах и компьютерах, ближе к египетским, чем то, чему нас учат в школе и используют каждый день. Шваллер де Любич цитирует других математиков, которые с интересом отмечали, что самый древний метод расчета в мире также является самым современным. Что еще более важно, с точки зрения египтян, метод не предает императивы теологии. Как неоднократно под-

черкивал Шваллер де Любич, вся египетская мысль, мифология, наука и искусство отходят от концепции мистического изначального разделения, и любая дисциплина, не уходящая корнями в это откровение, была неприемлема для египетского разума. Сам математический метод является практическим применением принципа двойной инверсии, который, как мы видели, является естественным следствием разделения единства на множество. (Один становится двумя, и каждая половина принимает участие в природе «одного» и «другого».)

Именно это отношение, а не глупость или извращенность, привело египетских математиков к их любопытной системе дробей — один из примеров, где теологическое соображение и возникшие трудности мы считаем излишними. Для Египта любая дробь могла быть только дроблением Единства. Было недопустимо делить 17 на 7 и получать $2 \frac{3}{7}$. Египетский ответ будет $2 + \frac{1}{4} + \frac{1}{7} + \frac{1}{28}$.

Можем ли мы вывести из этих фактов, что фигуры ряда Фибоначчи были известны египтянам и что они играли непосредственную роль в проектировании их храмов? То, что это действительно было так, доказывают храмы в Амарне, святилище Великого храма.

A. Badawy, *Op. cit.*, p. 34

Хотя круг редко использовался в египетской архитектуре, его производные полигоны встречаются в различных колоннах... самыми распространенными полигонами были шестиугольник и восьмиугольник. ... Невозможно точно построить многоугольник с семью, девятью, одиннадцатью или тринадцатью сторонами. Однако египтяне умудрялись создавать свои храмы из девяти элементов, а иногда и из семи.

Ibid., p. 60

Даже в этом случае трудность заключается всего лишь в написании — ненужном (для нас) времени, которое требуется, чтобы записать эти дроби иероглифами. С положительной стороны, что бы мы ни думали о намерении ограничить математику теологическими соображениями, неоспоримым фактом является то, что операции, связанные с египетскими вычислениями, были проще и быстрее наших собственных. В каждом найденном математическом папирусе есть таблица, аналогичная нашим таблицам логарифмов и квадратных корней, в которой все дроби с числителем 2 разбиваются на составляющие дроби с числителем 1. Это освобождает ученика или калькулятор от единственной действительно сложной трудоемкой задачи. Таким образом, на практике египетская система была не более трудоемкой, чем наша, а может быть даже и менее трудоемкой.

Между тем, применяя подборку, сделанную египетскими математиками в разбивке этих $2/n$ дробей, Шваллер де Любич находит систематическое применение гармонических принципов и глубокое знание взаимодействия чисел и особого значения некоторых из них.

Его длинный очерк о тонкостях, лежащих в основе папируса Ринда, неопровержим. В египтологических кругах это игнорируется.

На одну единственную попытку опровергнуть его (M. Meyer-Astruc; *Chroniques d'Egypt*, 35, pp. 120–139) легко ответил сам Шваллер де Любич незадолго до своей смерти (*Chroniques d'Egypt*, 37, pp. 77–106) С тех пор в египтологических журналах периодически появляются статьи, которые, не цитируя в точности Шваллера де Любича и его работы, обновляют стандартный образ египетской математики и обращают внимание на недопустимые несоответствия в существующих взглядах.

Но нет нужды превозносить это осторожное движение к

пониманию. Задел был сделан Шваллером де Любичем. Любой компетентный математик может проследить развитие его аргументации.

И если не вдаваться в тонкости гармонии и пифагорейской игры чисел, есть одно вопиющее, преднамеренное исключение из правила египетских дробей, которое задолго до Шваллера де Любича должно было вдохновить ученых искать убедительные доказательства всей системы.

Исключение: $2/3$

Дроби с числителями, отличными от 1, недопустимы. За исключением $2/3$.

Почему $2/3$? Что такого особенного в $2/3$? В египетской системе $2/3$ преобразуется в $1/2 + 1/6$. Если $2/3$ незаконно, то почему бы не $2/5$ или $2/29$? Было ли за этим странным исключением что-то еще, кроме каприза? Такой вопрос кажется вполне естественным, особенно для людей, чья жизнь якобы посвящена пониманию Древнего Египта. Ответ ни в коем случае не очевиден и требует способности мыслить по-пифагорейски — возможно, именно поэтому так мало людей задавали этот вопрос.

Эзотерически $2/3$ на самом деле не является дробью, отраженной в самом иероглифе. Глиф для $1/7$ выглядит так: , но глиф для $2/3$ – это . $2/3$ не отделена от целого; знак указывает на аспект самого единства, как одно из прямых одновременных следствий Изначального Разделения.

Рассматривая эти знаки с точки зрения Шваллера де Любича, мы можем уловить проблески поразительной связности, пронизывающей всю цивилизацию Египта. Когда мы пишем современный знак $1/7$, он не вызывает ничего, кро-

ме математического количества. Но в Египте символ единства, символ 1 – это , открытый рот, испускающий «Слово»; это также Изначальное Разделение, отделение двух неравных частей, которые мистически помещены в целом, одновременное слияние и деление, не выразимое рационально и недоступное осмыслению. Глиф можно перевести как «Единое испускает семь». Но 2/3 нужно перевести как «Единство разделено как два к трём».

Рассматриваемая как пропорция, как отношение, а не как количество, дробь $2/3$ имеет уникальные характеристики. Исключительное обращение с ней в Египте полностью оправдано. Как мы уже видели, геометрически и численно мы можем выразить различные аспекты первичного разделения по-разному. Эти геометрические и числовые представления составляют основу всех последующих систем гармонии, ритма и пропорции. (В этом смысле правомерно говорить, что истины геометрии абсолютны и вечны; именно так их понимали Платон и Пифагор. Евклид неверно истолковал их, приняв форму, например, треугольника, за реальность, а не за символ реальности. А современные математики обвиняют Платона и Пифагора в недостаточной проницательности Евклида, сами испытывая странное извращенное удовольствие от создания ненаблюдаемых, следовательно ненаучных и воображаемых миров и измерений, в которых аксиомы евклидовой геометрии не имеют места.) Один становится двумя и тремя одновременно. Поэтому $2/3$ — это отношение женского к мужскому, материи к духу. Вся пропорция $2/3$ может рассматриваться как «структура» пяти, священное число пифагорейцев. А интервал $2/3$ на вибрирующей струне определяет вибрацию совершенной Пяти, первого гармонического интервала, к которому относятся все остальные гармонические интервалы.

Таким образом, хотя и можно рассматривать гармонию как

чисто количественное явление, правомерно рассматривать ее как фундаментальный момент взаимопонимания между материей и духом, между женским и мужским началом.

В Египте, как показал Шваллер де Любич, дробь $2/3$ также появляется в системе мер и весов. Для этого нет и не может быть никакой логической причины. С точки зрения поверхностного расчета это усложняет дело. Только когда рассматривается его мистическое значение, становится понятным его включение. Между тем, с нашей точки зрения, объяснение Шваллером де Любичем значения дроби $2/3$ имеет важное значение. Даже формально непризнанная, она была подвергнута критике современной науки. Хотя это немногим больше, чем неофициальное евангелие недоказуемых ортодоксий, его убедительная сила значительна. Трудно принять слова Шваллера де Любича против самоуверенного авторитета профессиональных историков. Для заинтересованного читателя его доказательства развиваются так долго и включают в себя знания столь многих специальностей, что их трудно проследить, не говоря уже о том, чтобы судить или критиковать.

По этой причине его объяснение исключительного статуса, предоставленного Египтом $2/3$, особенно важно. Это один из тех случаев, когда детальное или специализированное знание не имеет значения. Никто не оспаривает тот факт, что в египетской математике $2/3$ является единственным исключением из правила, которое было необъяснимо до Шваллера де Любича. Когда благодаря его великолепной реконструкции основ пифагорейского мышления становится возможным объяснить как кажущееся странным правило, так и единственное исключение из этого правила, тогда только своего рода преднамеренное пренебрежение к истине может объяснить пренебрежение его работой.

Может ли изучение египетской математики принести практическую пользу в нашем современном обществе, я не могу сказать. Кажется маловероятным, что это может быть полезно для отслеживания еще большего количества адронов, мюонов и нейтронов. Для нас нет никакого смысла возвращаться к иероглифической системе счисления. Но факт остается фактом: субатомная физика подтверждает восточную философию и, по-видимому, находится на грани физической демонстрации принципа двойной инверсии, который, согласно Шваллеру де Любичу, является основным метафизическим принципом, на котором зиждется физическое творение. Вполне возможно, что новое поколение математиков найдет в этих египетских школьных задачах ключи к проблемам, которые еще не решены и кажутся неразрешимыми. Египет не интересовался адронами и мюонами. Египет интересовали не «вещи», а принципы, закономерности, процессы — иными словами, жизнь. Его математика отражала это в своей методологии, решая задачи, не прибегая к абстракциям, которые не могли быть связаны с человеческим опытом.

Поскольку современная физика как краеугольный камень нашей собственной науки теперь, признает тщетность изучения «вещей» и лежащую в их основе обоснованность и важность паттерна, процесса и принципа (а следовательно, гармонии, ритма и пропорции), вполне возможно, что тем, кто имеет на это право, было бы целесообразно углубиться в детальное, но все же предварительное изучение египетской математики Шваллером де Любичем.

Медицина

Когда были расшифрованы первые египетские медицинские папирусы, немецкие врачи не знали куда деваться от смеха. Египтяне советовали применять крокодиловый помет и другие неприятные средства для успокоения и заживления ран, воспалений и инфекций. Система была названа «Drekaroteke» (канализационная фармакология) пораженными от ужаса геррами докторами.

Но у современных врачей это не вызывает смеха. Совершенно очевидно, что пять тысяч лет назад знахари знали то, чего не знали пятидесятилетние медики, — что при применении этих веществ использовались чистые природные антибиотики.

Как Египет мог получить это знание? Историки рассматривают только два связанных объяснения: случайность или метод проб и ошибок (который является систематически организованной случайностью). Случайность, метод проб и ошибок — это, как и «совпадение» в других привычных контекстах, броские объяснения, призванные облегчить ученому решение трудноразрешимых проблем и отговорить студента от неловких вопросов. Но когда мы подвергаемся такому же тщательному анализу, как и те четкие, логичные мыслители, которые работали с диоритом вместо песчаника, возникают расхождения.

Как же, в сущности, случайность может привести к открытию природных свойств антибиотиков в навозе? Можно ли предположить раненого солдата, возвращающегося домой по берегу реки? Слишком уставший, чтобы обращать пристальное внимание на то, куда он идет, он поскользнулся в куче крокодильего навоза, который размазала по его раненому колену.

Летучая мышь играет большую роль в фармакопее древних цивилизаций. В Египте ее кровь использовали в мази, наносимой на веки... Китайцы использовали ее экскременты для лечения заболеваний глаз, ночной слепоты... Можно подумать, что это волшебное средство; чтобы вылечить глаза, используйте помет животного, которое может видеть ночью. Но химический анализ экскрементов летучих мышей показывает, что они содержат большее количество витамина А, чем рыбий жир; и мы знаем, что витамин А лечит некоторые виды ночной слепоты. ...

Давайте будем настороже, прежде чем высмеивать все те лекарства египетских аптекарей, присутствие которых приводит нас в замешательство. Та роль, которую сыграли – и очень большую – магия и суеверия, не должна мешать нам уделять пристальное внимание и изучать со снисходительным пониманием лекарство, которое, как оказалось, не было просто «демоническим» или «экскрементальным».

Gustave Lefebvre, *Essai sur la Medecine Egyptienne* (Presses Universitaires de France), 1956, p. 197

Непритязательный тип, он забывает промыть рану. Более того, он пренебрегает промыванием в течение нескольких дней. Но в конце этого времени чудесным образом его рана исцеляется. Он сообщает об этом местному шаману, который немедленно прекращает петь заклинания и начинает наносить навоз на раны. Как-то это неубедительно. (Строго говоря, крокодиловый помет в основном использовался для глазных жалоб, только папирус Эберса, 542, рекомендует его для заживления ран.) Если случайность не удовлетворительно объясняет медицинские открытия, то давайте рассмотрим метод проб и ошибок. Заметив, что раны гноятся и заживают медленно, египетские знахари решают систематически искать целебные средства. Едва научившись ходить на задних лапах, они понятия не имеют, с че-

Не имеет значения, каким образом египтяне узнали об особой эффективности тех или иных средств – факт остается фактом, что они их знали. Возможно, суеверия и идеи симпатической магии привели их к первоначальному выбору. Некоторые из этих средств защиты отражают это слишком ясно.... Тем не менее, мы можем потерять часть нашего уважения, когда находим рецепты, включающие ... мушиный помет, пеликаний помет, человеческую мочу, экскременты ящериц, детские фекалии, помет газели – и чаще всего экскременты крокодила.

Использование соединений меди и алюминия, казалось, показало проницательность египетских врачей.

А современная медицина даже нашла рациональное объяснение применению рыбьего желчного пузыря и измельченной говяжьей печени при воспалениях глаз ... но использование грязи и экскрементов казалось явным признаком отвратительного варварства. Историки медицины придумали термин «канализационная фармакология». ... Когда доктор Бенджамин М. Дуггар, профессор физиологии растений ... представил миру ... новое лекарство, ауреомицин, он, конечно, не думал о влиянии своего открытия на нашу оценку египетской медицины. ... Исследования вскоре показали, что бактерии, живущие в организме человека, выделяют свои экскреторные продукты в кал и мочу, которые поэтому богаты антибиотиками. ... По-видимому, египтяне первоначально включали фекалии и мочу в свои рецепты, потому что они ожидали, что эти вещества изгонят демонов, вызывающих болезни. Но затем эти вещества внезапно произвели успешные исцеления – хотя во многих случаях они могли принести только вред – и вызвали новые инфекции, поскольку египтяне понятия не имели о секрете их силы. Успех зависел от случая. ... Многие из этих предписаний удивительно точны в своих рекомендациях по выделениям от конкретных животных. ... Сегодня известно, что каждое животное производит различные антибиотики, и то же самое верно для грязи и различных почв. ...

Jurgen Thorwald, *The Science and Secrets of Early Medicine* (Thames & Hudson), 1962, pp. 84–86

го начать поиски, и применяют любое вещество, оказавшееся под рукой; гранатовый сок, измельченная кожура дыни, песок, пиво, козья кровь, верблюжья мокрота. Они не только четкие, логичные мыслители, но и добросовестные донельзя знахари. Им ясно, что существуют тысячи веществ, которые можно наносить на раны, и ни одно из них не может вылечить больше, чем любое другое. Поэтому когда они проходят через весь список на протяжении веков, они ведут записи. По закону средних чисел эти записи состоят в основном из неудач. Таким образом, из поколения в поколение накапливается огромное количество знаний о неэффективных лекарствах, и это знание держится в секрете и передается от учителя к ученику, чтобы избежать повторения ошибок.

При наличии достаточного времени все известные вещества можно было бы протестировать на их эффективность в заживлении ран. Но будучи четкими, логичными мыслителями, эти знахари скоро поймут, что данное вещество было неэффективно против ран, потому что оно не помогло, а значит у него не было другого медицинского применения. Поэтому путем проб и ошибок каждое из тысяч возможных веществ должно пройти проверку на все известные болезни. В противном случае, испробовав верблюжий помет в качестве лекарства от диспепсии и обнаружив его неэффективность, древние, возможно, никогда бы и не нашли его антибактериальные свойства против инфекции. Статистически подготовленным читателям может понравиться подсчитывать количество тысячелетий, которое потребуется для того, чтобы теоретически разработать эффективные медицинские знания методом проб и ошибок. Другие могут подвергать сомнению метод проб и ошибок как объяснение древней медицины и держать разум открытым для принятия возможности того, что древние знали, что они искали, и знали,

как это найти: они будут работать путем наблюдения за природным миром, озарения, интеллекта и эксперимента — другими словами, всеми теми методами, которые используются сегодня. Но, по всей вероятности, они могли бы более эффективно использовать молитву, заклинание и более развитые интуитивные способности.

Однако приобретенная египетская медицина, более чем любая другая отрасль египетских знаний, поднялась в официальном почете.

Но даже этот редкий пример научной щедрости оставляет желать лучшего. Он незапланирован, и не в состоянии принять многие аспекты ситуации во внимание.

Ученые исходят из общепринятого предположения, что современная медицинская наука более развита во всех отношениях, чем любая другая древняя система. Но беглый взгляд на самые последние события доказывает обратное. При всей своей технической изощренности, знании микроскопических деталей, современная медицинская наука далеко не всеобъемлюща. За последние несколько лет самым твердолобым пришлось признать справедливость акупунктуры, несмотря на то, что китайские «меридианы» или «линии силы» все еще физически необнаружимы. И менее узколобые медики теперь уделяют серьезное внимание тем отраслям медицины, которые еще недавно считались бредом: гомеопатии, натуропатии, системам питания и даже исцелению верой.

Столь же важно посмотреть на египетскую медицину как с точки зрения того, что они знали то, что знаем мы, так и с той, что Египет обладал знаниями, которых у нас нет. Подробное изучение Шваллером де Любичем медицинских папирусов, а также некоторые намеки, содержащиеся в самих папирусах, подтверждают эту последнюю гипотезу. И есть целый ряд задач и загадок, которые остаются неразрешимыми и неразгаданными.

Из всех результатов, полученных на сегодняшний день, я предлагаю следующую гипотезу для акупунктурной анальгезии: иглоукальвание активизирует глубокие сенсорные нервы, которые заставляют гипофиз (или средний мозг) высвобождать эндоморфины (морфоподобные вещества мозга); эти эндоморфины блокируют сигналы от прохождения через нервные цепи сигнала боли, несущие сообщения от спинного мозга к высшим мозговым центрам.

Bruce Pomerani, *New Scientist*, Jan. 6, 1977, p. 13

Во-первых, сохранившиеся письменные документы, такие как Папирус Смита, во многих случаях ссылаются на знание, которое никогда не было записано. Гиппократ, писавший тысячу лет спустя, ссылается на него. Настойчивое требование секретности столь многими древними жрецами делает устную традицию настолько вероятной, что у авторитетов почти нет выбора, кроме как принять ее как факт. То, в какой мере они считают ценностью или чем-то иным это тайное знание, — это, конечно, другой вопрос. Но, казалось бы совершенно очевидным, что египтяне будут хранить в тайне все, что они считают наиболее важным, чтобы не допустить злоупотребление знанием в руках непосвященных.

Во-вторых, есть трудности с переводом. Хотя в других областях большинство иероглифов поддается расшифровке, многие знаки в медицинских папирусах свойственны только этим документам и до сих пор не переведены. Многие из них, как полагают, относятся к конкретным медицинским веществам, минералам, травмам и растениям, в то время как другие считаются неизвестными болезнями.

Кажется маловероятным, что их значение когда-либо будет раскрыто.

На картине гробницы в Бени-Хасане, датируемой примерно 2000 годом до нашей эры, изображено дерево акации. Египтяне делали химический контрацептив, перемалывая вместе шипы акации, мед и финики. Теперь мы знаем, что шипы акации содержат молочную кислоту, химическое вещество, которое убивает сперму. ... Грязь Нила, сильно высушенная солнцем после ежегодного наводнения, рассыпалась. Египтяне использовали эту грязь в качестве ингредиента в ряде медицинских препаратов, и только недавно было обнаружено, что она содержит природные антибиотики. ... В Древнем Египте было возможно провести тест на беременность в самых ранних состояниях и, в то же время, определить пол будущего ребенка – по крайней мере так утверждалось. Метод заключался в том, чтобы взять у женщины мочу и замочить ею мешки с пшеницей и ячменем. Они обнаружили, что если испытуемая была беременна, то моча ускоряла рост пшеницы, если ребенок должен был родиться мальчиком, или ячменя, если он должен был родиться девочкой.

Тем не менее такой тест является лишь сравнительно недавним нововведением у нас; только в 1926 году был обнаружен тест мочи на беременность, и прошло еще семь лет, прежде чем ускорение роста пшеницы и ячменя было подтверждено лабораторными тестами. ... Египтяне, которые ходили караванами ... жевали корень, который они называли *Амимайос*. Они обнаружили, что это дает им дополнительную защиту от солнца, усиливая их пигментацию кожи, и современные исследования показывают, что корень содержит активное органическое химическое соединение под названием 8-метоксипсорат.

Colin Ronan, *Lost Discoveries* (MacDonald), 1973, pp. 83–84

В-третьих, существует разница в подходах, и современные ученые склонны считать суеверием все, что противоречит современным верованиям. Например, очевидно, что египетская медицина имела сильный астрологический элемент. Папирусы советуют определенное время, в которое следует вводить

определенные рецепты.

Современная медицина ничего не знает о таких вещах. Но накопленные свидетельства из многих источников начинают заявлять о существовании циклов и периодичности в распространенности заболеваний и их интенсивности. В естественных условиях ближе к полнолунию рождается больше детей, чем в любое другое время. Роды также следуют ежедневному ритму: больше детей, как правило, рождается рано утром, при условии, что природа следует своему собственному курсу. Хорошо известно, что лихорадка усиливается по ночам, и что астматики чаще всего страдают от приступа рано утром. Точно так же антропософские эксперименты показали, что растворы минеральных солей чувствительны к планетарным воздействиям (как и сок растений), в то время как работа итальянского химика Джорджо Пиккарди показала коллоидные суспензии, чувствительные к влияниям, которые кажутся внегалактическими.

Но в настоящее время очевидный вывод, который можно сделать из таких доказательств, далеко не общепризнан, и никто не знает, как применить его на практике или систематически, если он будет принят. Судя по сохранившимся папирусам, египтяне обладали такими знаниями и умели их применять.

Дополняет тенденцию то, что, в отличие от современных верований, существует практика отказа от изучения последствий тех аспектов египетской практики, которые мы признаем здоровыми. Детальное изучение Шваллером де Любичем медицинских папирусов показывает обширное, глубокое и всеобъемлющее теоретическое понимание человеческого тела, которое не может не лежать за практической диагностической и терапевтической информацией.

Наконец, существует «магия». Многие папирусы содержат

магические заклинания и магические практики. Иногда они включены в тексты, иногда они написаны отдельно. В папирусе Эдвина Смита (F.5), наиболее полном и информативном из всех обнаруженных папирусов, одна сторона посвящена звуковой, детальной хирургической информации — за исключением одного заклинания, которое врач должен произнести над одним конкретным типом травмы. (В поисках разумной причины этого странного исключения, Шваллер де Любич обнаружил, что при таком виде травмы головы решающим фактором является предотвращение засыпания и потери сознания пациентом. Отсюда и включение этого единственного заклинания, возможно, воплощающего определенные ритмы, призванные сосредоточить внимание пациента и не дать ему уснуть.) Другая сторона папируса написана другим почерком и целиком посвящена заклинаниям общего характера против эпидемий и рецепту своего рода омолаживающего косметического средства.

Следуя логике, заложенной эволюционной мыслью, предполагалось, что магия и суеверия были самой ранней формой египетской медицины, и что система оздоровления развивалась на протяжении веков методом проб и ошибок.

Теперь это было опровергнуто не Шваллером де Любичем, а ортодоксальными учеными. Как это часто бывало в Египте, древние документы (оригиналы которых утеряны для нас) копировались и переписывались на протяжении веков. Копии были верны оригиналу, но между тем сам язык менялся.

И поэтому можно датировать документы с некоторой точностью по используемому стилю. Более того, уже неправомерно отмахиваться от тех аспектов египетской медицины, которые раньше считались «магией и колдовством». Шваллер де Любич тщательно различает магию и колдовство: магия — это призыв и использование *природной космической энергии* гармоническими средствами. Колдовство занимается тем, что воз-

действует на психологическое окружение, то есть на энергию, *исходящую из* комплекса человеческой жизни. Оба метода действительны, оба «работают». Есть и «белая», и «черная» магия и «белое» и «черное» колдовство; и есть высшие и низшие формы магии и колдовства.

Эти различия могут показаться излишними рационалисту, который станет отрицать реальность того и другого. На самом деле, магия и колдовство так же распространены в нашем обществе, как и в других, хотя то и другое часто на низком уровне, почти всегда разрушительно и называются снисходительным эвфемизмом, который скрывает истинную природу практики. Колдун вуду втыкает булавки в куклу и жертва умирает. Это и есть колдовство, и антропологи не сомневаются, что такое колдовство действует в обществах, практикующих его.

Но как вуду относится к прогрессивному обществу двадцатого века? Глянцевая автомобильная реклама тонко убеждает меня в том, что если я куплю новый Wombat, то симпатичная блондинка на фотографии, или ее ровня, станет доступной для меня. Я покупаю новый Wombat. Колдуны с Мэдисон-авеню завладели моей волей так же верно, как и их коллеги из джунглей, без моего сознательного согласия. Это колдовство, буквально и технически; и я тоже получаю блондинку. Колдовство работает. Оно действует, влияя на волю жертвы, процедура, не поддающаяся измерению, но явно эффективная. В двадцатом веке колдовство называют «рекламой» бизнесмены, «пропагандой» политики и «внушением» психологи. Все они — колдуны, и никто иные, как колдуны. Неважно, что эти современные знахари и их заколдованные жертвы на самом деле не понимают, что они делают или даже как они это делают; они делают это, и это работает.

Магия все еще с нами в ее самой экзотерической форме. В этом случае она не скрывается под эвфемизмом; скорее ее истинная природа была забыта, затемнена или отрицается.

Если люди, как и волки, слабо поддаются внушению, то гипноз — это просто достижение эскалации внушения посредством положительной обратной связи. ... С каждым новым внушением, которое делается и подтверждается, убежденность субъекта в собственной внушаемости усиливается еще больше. Конечно, важно, чтобы внушения не подводили, ибо если субъект однажды начнет сомневаться в силе гипнотизера, он должен начать сомневаться в том, что гипнотизер внушает, — и круг будет разорван.

Nick Humphrey, *New Scientist*, Sept. 2, 1976, p. 486

Магия является варварским ответвлением религии и попыткой влиять на силы, которые управляют судьбой человечества.

A. Erman, *A Handbook of Egyptian Religion* (A. Constable), 1907, p. 148

Играет военный марш. Я кричу и радуюсь. Я готов идти умирать за Отечество. Я слышу балладу о безответной любви. Я тронут до слез. Я иду в Шартрский собор. Внезапно меня охватывает необъяснимое, но поразительное чувство священного. Именно «искусство» производит эти эффекты — к добру или к худу.

Искусство — это технически и буквально магия. Есть «черное» искусство, «белое» искусство, священное искусство и светское искусство, но все они достигают своего эффекта — если они достигают его — магическими средствами, призывая врожденную человеческую способность реагировать на гармонию.

Теперь, когда мы оглядываемся на «магию» и «суеверия» египетской медицины, становится очевидным, что «заклинание» — это магический феномен. Поскольку сегодня *никто* точно не знает, как произносится древнеегипетский язык, и поскольку мы не имеем ни малейшего представления о фактических ис-

пользуемых техниках, нет способа воспроизвести заклинания, которые мы можем с некоторой уверенностью перевести. Так что на первый взгляд это выглядит нелепо, когда мы читаем советы доктора, который должен скандировать: «Вон, зловонный нос! Вон, сын зловонного носа!» Но если музыка обычно вызывает физическую реакцию; если специфические вибрации приводят органические и неорганические вещества к образцам и формам; если, как было доказано, даже растения реагируют на мой взгляд, вполне возможно и разумно постулировать ситуацию, в которой люди с высокоразвитыми интуитивными и чувствительными способностями объективно понимали бы дисгармонии и нарушения, присущие конкретным болезням. Тело в целом — это чрезвычайно сложная вибрационная система. Все (включая атомы, составляющие первичные молекулы) находится в постоянном динамическом состоянии потока, течения, ритма, пульсации, чередования. Если мы предположим — как в случае с колдунами и знахарями современных «примитивных» обществ — что пациент приводится гипнозом, препаратами или другими средствами в особенно восприимчивое состояние, то вполне возможно, что заклинание сработает. Тело в целом реагирует на звук; почему же определенные органы и железы не должны реагировать на определенные звуки? Действительно, знаменитая «манера обращения с больными» некоторых современных врачей является гораздо более загадочным и необъяснимым явлением, чем пение, хотя немногие врачи отрицают его существование. Напротив, заклинание — это чистая наука. Излишне говорить, что это также наука, которая легко поддается злоупотреблению в чужих руках. И нет никакого способа отличить науку от суеверия, когда мы смотрим в египетскую магию. Но этот принцип справедлив и легко соотносится с общим современным опытом. И это только физический аспект «магического» заклинания. Существуют также психологические и эмоциональные аспекты.

Хирургический папирус Эдвина Смита

Эта копия очень древнего текста Среднего Царства служит основой для исследования Шваллером де Любичем фактического состояния тех аспектов медицинского знания, которые сегодня воспринимаются как медицина, а не магия. Для этого хорошо подходит этот папирус, так как он, очевидно, предназначен для врачей, которые уже прошли обучение.

В нем описаны сорок восемь различных видов травм головы, лица, шеи, грудной клетки и позвоночника. Внешний аспект травмы описывается вместе с дополнительными симптомами, которые могут присутствовать или не присутствовать при таком виде травмы. Лечение либо рекомендуется, либо случай называется неизлечимым. В сомнительных случаях также описываются этапы улучшения или уменьшения последствий, а также меры, которые должны быть приняты на каждом этапе.

Перевод папируса Смита был трудной задачей, которая не была завершена до 1930 года. Во многом именно благодаря этому документу египетская медицина пользуется повышенным уважением. Ученые-медики признали, что описания различных травм свидетельствуют о глубоком знании анатомии и функций организма; в большинстве случаев рекомендуемые методы лечения являются ярко выраженными звуковыми и демонстрируют системные терапевтические знания.

Шваллер де Любич в своём исследовании отзывается о ней ещё более благосклонно.

Тяжелые травмы головы, шеи и позвоночника затрагивают определенные области головного мозга и нервной системы, вызывая симптомы в областях тела, которые находятся под контролем соответствующих частей головного мозга и нервной системы. Травма головы одного вида может привести к

недержанию мочи, другого — к частичному параличу. Именно вторичные симптомы дают ключ к истинной природе травмы; фактический перелом или рана имеют второстепенное значение.

Эти связи были прекрасно поняты египетской медициной. Ясно, что Египет обладал полным знанием и пониманием функций различных частей мозга, различных нервных систем и всех их взаимодействий.

Как бы богата она ни была в деталях, современная неврология неполна. Учитывая нынешние методы, она никогда не будет полноценна, несмотря на хитроумные технологические инструменты, имеющиеся в ее распоряжении. Ибо ее основной способ исследования обречен с самого начала. Если оставить в стороне моральные и духовные вопросы, то вмешательство в мозг и нервную систему различных животных никогда не даст полного или удовлетворительного знания о тонкостях человеческого мозга. В настоящее время общепринятым методом является хирургическое, электрическое или химическое подавление (или стимуляция) активности некоторой части мозга животного, чтобы увидеть, какое влияние это может оказать на его поведение или здоровье. Но мозг — это целое, и информация, полученная с помощью этих средств, никогда не может объяснить сложное автоматическое компенсаторное действие (за исключением гораздо больших тонкостей человеческого мозга по сравнению с мозгом животных). Это все равно, что пытаться понять важность ладьи в шахматах, удаляя (подавляя) эту фигуру. Шахматист автоматически изменяет всю свою игру, чтобы компенсировать проигрыш. Чтобы понять важность ладьи, необходимо сначала понять принципы всей игры в шахматы. То же самое относится и к любому динамическому единству, а игры являются полезными аналогиями.

Представьте себе, что вы пытаетесь понять важность вратаря в футболе, забирая его из игры. Либо другой игрок займет

его место, изменив тактику остальной команды, либо команда противника взбунтуется.

Аспект визуального развития, который исследовали Блейкмор и Петтигрю, заключался в доминировании глаз — или в том, какой глаз контролирует нервные клетки в зрительной области коры головного мозга.

Был громкий спор о некоторых эффектах раннего опыта.

Но эффект монокулярного зрения – держать один глаз котенка закрытым – не подлежит сомнению. Все согласны с тем, что в этих условиях закрытый глаз теряет контроль над колонками клеток, на которые он обычно воздействует, и открытый глаз берет верх.

New Scientist, Nov. 11, 1976, p. 334

Египет понимал человека в целом. Но поскольку Египет также понимал общезначимый принцип иерархии, его знание физического организма было тесно связано с его пониманием больших сфер, частью которых является физический организм человека.

Человек — это сумма принципов, которые пронизывают и организуют вселенную; он — самосовершенствующийся продукт великого эксперимента, который представляет собой органическую жизнь на земле, воплощенную внутри минерального, растительного и животного миров. Его тело — это храм, предназначенный для того, чтобы позволить ему совершить таинство самосовершенствования — единственную законную человеческую цель. Все остальные цели ведут к апатии или катастрофе, что очевидно из любой ежедневной газеты.

Человек — это модель Вселенной. Если он понимает себя в совершенстве, он также понимает вселенную: астрономию, астрологию, географию, геодезию, меру, ритм, пропорцию,

математику, магию, медицину, анатомию, искусство... все они связаны в грандиозную динамическую схему. Ни один аспект не может быть изолирован от другого и рассматриваться как отдельная специальность или область без искажения и разрушения. В Египте сам язык, используемый в медицинских папирусах, система названий, используемая для различения частей тела, отражает эту невероятную способность к синтезу, автоматически предполагая тесные связи между микрокосмом и макрокосмом.

Части тела были посвящены каждому из Нетеру, или божественным принципам — это означает, что функция, символизируемая Нетеру, воплощается в конкретной части тела. (Это дошло до нас в знакомой фигуре средневекового астролога с его теорией органов и конечностей, приписанным влиянию двенадцати астрологических знаков.) Точно так же номы или территории Египта также были посвящены Нетеру — ибо физическая территория Египта была его "телом", храмом, в котором совершался обряд цивилизации. И слова, используемые в анатомии, часто совпадают с теми, которые используются в религиозных текстах; религиозные термины связаны анаграммами и омонимами с медицинскими словами, которые, по-видимому, не имеют очевидной внешней связи, но которые, если смотреть на них глазами Шваллера де Любича, несут несомненную функциональную связь. Он показывает, что сама структура языка была создана для того, чтобы вызвать у тех, кто его использует, понимание этих функциональных связей.

Например, слово, обозначающее самое сокровенное носовое углубление, — это *shytyt*, слово, которое всегда используется для обозначения самого сокровенного святилища Храма; оно означает «сокрытый», «тайный», «священный». Что может быть «священного» в носовом проходе? Название, утверждает

Шваллер де Любич, основано не только на причудливом физическом сходстве, ибо эта глубочайшая носовая камера имеет особое значение в духовном стремлении к совершенству. Эта область соответствует шестой индуистской чакре. (Чакра — это не некая особая анатомическая часть или орган, а место осуществления комплекса действий, которые одновременно являются физическими, эмоциональными, психологическими и духовными.) Эта область связана с симпатическим и блуждающим нервами, и когда она резонирует — в частности звуком М (как в Аум или Мухаммад) — она помогает достичь того желаемого состояния сознания, которое превосходит условные реальности чувственного опыта. Упражнение в дзенской медитации состоит из выдоха, который резонирует с этой областью. Поэтому она не только физически «сокрытая» и «тайная», но, подобно святилищу храма, «священна». Эти резонирующие упражнения доказывают, что знание духовных свойств этой физической области актуально в различных инициатических дисциплинах; но в Египте даже слово, используемое для описания этой области, отражает это знание.

Современный язык ежедневно разрастается в новые жаргоны, делая все более трудным видеть связи между полями и выражать их. Египетский язык был разработан с совершенно противоположной целью, и названия вещей часто содержали ключи к их внутренней связи. Так, *ais* — это слово, обозначающее физическую массу мозговой ткани. И слово *sia* (*ais*, написанное наоборот) — это слово для сознания; таким образом, язык воплощает как связь, так и различие. Он подчиняется тому космическому принципу инверсии, который лежит в основе творения, то есть вызыванию материи из духа. Мозг — это не «эволюционировавший» орган, каким-то образом случайно в течение эонов породивший способность, которую мы называем

«сознанием». Скорее, он был разработан для того, чтобы воспринимать и постигать те аспекты Вселенского сознания, которые необходимы человеку для выполнения его предопределенной задачи — точно так же, как радио не генерирует радиоволны, а принимает их. Природа сознания определяет структуру мозга; природа звука определяет структуру уха; природа света определяет структуру глаза; природа Нетеру определяет структуру человека, микрокосма, а не наоборот.

Уверенные в этом знании, великие и истинные ученые Древнего Египта могли быть настолько точными, эмпирическими, утилитарными и скрупулезно наблюдательными, насколько им хотелось, не позволяя втянуть себя в нынешний лабиринт анализа.

Не может быть ни малейшего сомнения в качестве египетских наблюдательных способностей. Случаи 29–33 из папируса Смита подробно описывают различные результаты, вызванные ранами, вывихами, растяжениями, смещениями и раздавливанием шейного позвонка. Даже сегодня, не прибегая к рентгеновским лучам, крайне сложно определить точный характер повреждения шейного позвонка. Египтяне могли эффективно принимать такие решения.

Изучение египетской медицины Шваллером де Любичем доказывает, что по самым высоким ортодоксальным современным стандартам она была очень продвинутой. Однако ясно, что современные методы исследования могут затронуть лишь один аспект египетской медицины — ее научную сторону. Между тем столь же ясно, что египетская медицина была не только наукой, но и искусством (то есть магией). Даже сегодня люди инстинктивно говорят об «искусстве исцеления». И тайны этого искусства, которые не теряются навсегда, недоступны непонимающему аналитическому уму. Но если свидетельство древних источников имеет какую-то реальную ценность, то это свидетельство неиз-

менно относится к египтянам как к самой здоровой расе древнего мира.

Исследование Шваллера де Любича подтверждает это древнее свидетельство. В целом высокий уровень здоровья соответствует цивилизации, основанной на метафизических реалиях, в которой медицина понимала человека как целое, идеально созвучное космосу. Когда тело не настроено, оно воспринимается как нездоровое или больное.

Но поскольку оно тесно связано с ритмами, гармониями и пульсациями как земных, так и внеземных сфер, оно восприимчиво к тому, чтобы быть приведенным в гармонию преднамеренным вызовом специфических гармонических явлений, относящихся к каждому конкретному случаю.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Клубом «Касталия» за время существования издано множество книг. Ознакомиться с ними и приобрести заинтересовавшие вас можно на сайте

<https://castalia.ru/shop>

СУВЕРЕННОЕ ЮНГИАНСТВО

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

ВВЕДЕНИЕ В ЮНГИАНСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Семинар предназначен для всех кто заинтересован в глубоком самопознании, а в особенности — для психологов и психотерапевтов желающих расширить свой терапевтический и практический Арсенал и разобраться в одной из самых глубоких и сложных психологических школ — Аналитической психологии Карла Густава Юнга. Школе где встречаются крайние противоположности.

ТЕМА ВЕБИНАРОВ

ЛЕКЦИЯ 1. Жизнь и учение Карла Юнга.

ЛЕКЦИЯ 2. Индивидуация в аналитической психологии – архетипы Персоны, Эго и Тени.

ЛЕКЦИЯ 3. Индивидуация в аналитической психологии – Анима и Анимус. Самость

ЛЕКЦИЯ 4. Юнгианский анализ сновидений – теория и практика.

ЛЕКЦИЯ 5. Психотерапия. Юнгианская типология без искажений.

ЛЕКЦИЯ 6. Психология и Алхимия. Дальние рубежи юнгианской психологии.

ЛЕКЦИЯ 7. Стадия Нигредо. Гностицизм как психологическое явление, Архетипический символизм в кинематографе (На примере фильмов «Матрица» и «Виртуальный кошмар»)

Приобретение одного или нескольких вебинаров — просто перейди по ссылке и оплати доступ вк вебинарам в несколько кликов:

https://courses.castalia.ru/sov_jung1

СУВЕРЕННОЕ ЮНГИАНСТВО

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ

ГОРИЗОНТЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Психология, философия, искусство, эзотерика. Подобно четырем рекам впадающим в океан суверенности, подобно четырем сторонам света, подобно граням драгоценного камня, с разных сторон, с разных точек позволяют соприкоснуться с одной реальностью — реальностью нашей внутренней истины.

Наш курс «Горизонты внутренней бесконечности», можно рассматривать как продолжение «Суверенного Юнгианства» так и как совершенно отдельный курс, который помогает с разных сторон взглянуть на вечные законы развития и становление полноценной индивидуальности смотрящей в глубины внутренней бесконечности. Хотя как и на первой ступени, основной акцент делается на юнгианской психологии, тем не менее горизонт этого семинара расширен и включает некоторые другие психологические и эзотерические направления как то философия Батая, эзотерические инициатические системы, восемь эволюционных контуров и трансперсональная психология.

ВЕБИНАР 1. Стадии развития сознания.

ВЕБИНАР 2. Юнг и Россия. Бездны и вершины русского бессознательного.

ВЕБИНАР 3. Суверенность и трансгрессия. Философия и мировоззрение суверенного человека.

ВЕБИНАР 4. Вселенная символа. Графические, животные, религиозные символы. Символ как язык души

ВЕБИНАР 5. Роберт Антон Уилсон. Танец реальности — психология и магия Хаоса или как не заблудиться в тоннелях реальности.

ВЕБИНАР 6. Архетип инициация и трансформация — с древности до современности.

ВЕБИНАР 7. Юнгианский анализ литературы. Литература как модель индивидуации.

ВЕБИНАР 8. Юнгианство и трансперсональная психология. Трансперсональная психология. Основные открытия Станислава Грофа и Кена Уилбора. Сходства и отличия юнгианского и трансперсонального взгляда. Психоделия и холотроп.

Приобретение одного или нескольких вебинаров — просто перейди по ссылке и оплаты доступ вк вебинарам в несколько кликов:

https://courses.castalia.ru/sov_jung2

СУВЕРЕННОЕ ЮНГИАНСТВО

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ

ПРАКТИКИ ВНУТРЕННЕЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Если в первых двух ступенях акценты были сделаны на максимально полную передачу теории юнгианской психологии, третий курс представляет собой серию сугубо практических занятий в пространстве воображения позволяющие исследовать пространства внутренней бесконечности. Сильные, эффективные практики раскрывающие внутренние горизонты, представляют собрание самых точных направленных медитаций, каждую из которых можно выполнять множество раз на разных этапах жизни.

В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ:

- **ВЕБИНАР 1. ЧЕТЫРЕ ФУНКЦИИ СОЗНАНИЯ — ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА.** На этом вебинаре проведены четыре практики направленного воображения, целью которых было более глубокое осознание и проживание своих четырех функций, выстраивание первых контуров внутреннего замка. Четыре медитации, посвященные более глубокой проработки Ощущения, Мышления, Чувства и Интуиции и обретение образов четырех врат души и четырех ее стражей. (запись для желающих готова)
- **ВЕБИНАР 2. ЛАБИРИНТЫ ТЕНИ.** От теории первой ступени к практическим погружениям. Вебинар представляет несколько медитативных исследований тени и непосредственная работа со своими теневыми частями. В первом погружении, мы вспомним свои самые ранние детские встречи с тенью, во второй мы узнаем какие мифологические и литературные фигуры наиболее полно персонифицируют наши тени, в третьей — узнаем как и когда наша тень проявлялась в нашей жизни и, наконец, в четвертой наметим пути интеграции тени и осмысления ее ресурсных частей.
- **ВЕБИНАР 3. НИТИ АНИМЫ И АНИМУСА.** Об Аниме и Анимусе мы тоже немало говорили на первой ступени. Но оставим разговоры. В первой медитации мы познакомимся с самыми ранними, детскими образами и переживаниями, связанными с противоположным полом, на второй - найдем образ идеальной Анимы или Анимуса в глубинах внутренней бесконечности, услышим ее или его Имя, и наконец посмотрим на себя и мир глазами наших Анимы или Анимуса.
- **ВЕБИНАР 4. РОДИТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС И АРХЕТИП.** На этом вебинаре мы подробно поговорим о разных представлениях о том, какое влияние оказывают родители, обсудим позитивные и негативные родительские комплексы, что есть родитель для ребенка. В практической части на первой медитации мы погрузимся в наших предков по материнской линии, на второй — по отцовской, на третьей проведем практику обрезания связей для тех, чьи отношения с родителями остаются

невротичными (те у кого гармоничные отношения с родителями, могут выполнять практику обрезания связей с теми людьми, с кем возникла необходимость это сделать), поговорим о предковом комплексе, и о том какую роль в нашем личном мифе играли наши родители. 15 августа 2020

● **ВЕБИНАР 5. В ПОИСКАХ ЛИЧНОГО МИФА.** Как мы узнали из первых двух курсов, проблема обретения и осознания личного мифа является главной задачей нашего психологического развития. На первой медитации, мы погрузимся в детские воспоминания с тем чтобы вспомнить наши самые любимые и главные сказки и мифы, на второй – вспомним наше первое столкновение с острыми камнями реальной жизни, увидим первую травму и осознаем то, какое решение было принято, когда мы в первый раз столкнулись с жестокой реальностью. Наконец, в третьей медитации, мы пойдем к нашему источнику и обречем новые мифы и новые стратегии жизни. 22 августа 2020

● **ВЕБИНАР 6. ПРИЗЫВАЯ БОГОВ.** Этот вебинар стоит особняком поскольку в нем мы впервые выйдем за пределы психологии и будем учиться практике работы воображения в ритуале. Однако что есть ритуал как не ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ пусть и использующая другой нежели психологический язык в отношении тех же самых горизонтов. Принцип составления ритуала. Демонстрация ритуала. Наконец, будет дано очень подробное объяснение наиболее известные эзотерические ритуалы и их смысл а в заключении научим вас составлять свои Ритуалы.

● **ВЕБИНАР 7. ДОРОГИ ПРОШЛЫХ ЖИЗНЕЙ.** В этом вебинаре мы совершим дальние путешествия в пространства прошлых жизней. В сущности неважно является ли опыт прошлых жизней реальными воспоминаниями, (и в пользу этой версии говорят множество примеров когда люди вспоминали о том, о чем не могли знать) или это просто символическая работа глубинного бессознательного. Важно то, что реинкарнационная терапия и работа на символическом уровне зачастую способна дать интеграцию и исцеление проблем более эффективно, чем даже работа с биографическим материалом. В первой медитации мы отправимся в самую ближайшую, самую близкую к нам прошлую жизнь. Во второй – в ту прошлую жизнь, в которой мы испытывали больше всего страданий и опыт которой стал причиной самых болезненных искажений в этой. Наконец в третьей медитации мы отправимся в самую счастливую, ресурсную прошлую жизнь, воспоминание о которой может придать нам силы, направление, вдохновение идти своим путем к большей целостности.

● **ВЕБИНАР 8. ЧАКРЫ И СФИРОТЫ.** В этом вебинаре мы подробно поговорим об архетипе древа жизни, мировой Оси, чакрах, а в завершение проведем одну медитацию, в которой мы познакомимся с пространством нашей чакральной системы, попытаемся почувствовать змея Кундалини, (обещать его разбудить за один вебинар я точно не рискну – у меня это произошло за восемь месяцев психологической работы, и это невероятно хороший результат. Но первое отдаленное знакомство мы вполне можем получить). А еще мы вместе проведем медитацию «Крылья и Вибрации», которая была в свое время мне передана. Описать эту медитацию легко, но гораздо важнее передать саму вибрацию ее исполнения. 12 Сентября 2020

https://courses.castalia.ru/sov_jung3